СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Татьяна Камаева
(г. Москва)

ЗАПОЙ

Татьяна Камаева, прозаик, член Союза писателей России и творческого клуба «Московский Парнас», автор книги «Путь к себе». Автор журнала «Приокские зори».

Однажды Галина возвращалась из Бишкека в Курган. Когда покупала билет, то хотела, чтобы с ней в купе ехала хотя бы одна женщина. Но случилось все наоборот. Напротив нее на нижнюю полку устроился мужчина с красными глазами и одутловатым лицом, а верхние полки заняли два парня, от которых несло перегаром на все купе. Поезд тронулся, попутчики зашевелились: мужчина достал еду, парни подсели к нему с бутылкой водки, предложили и женщине присоединиться, но она, поблагодарив, вышла за кипятком. Кипяток был еще не готов, и Галина стала смотреть в окно. Поезд уже набрал скорость, и колеса, казалось ей, равномерно отстукивали: «Разве-лась, раз-ве-лась!». Да, она ездила в Бишкек, чтобы развестись с человеком, которого продолжала любить.

С мужем Галина познакомилась в университете, Александр учился на факультете иностранных языков курсом выше. Он был серьезным и рассудительным парнем, играл на гитаре, писал песни, а Галина прекрасно пела, и Александр пригласил ее в сборную команду КВН, капитаном которой являлся. Они стали встречаться. Девушка была не очень искушенной в любовных делах, но испытывала к нему большое и светлое чувство. О свадьбе решили подумать после окончания университета. Вначале его и ее родители были против брака: Александр — киргиз, Галина — русская. Но их чувства были выше всех доводов. Они поженились, сыграли свадьбу и жили у родителей мужа. Она взяла его фамилию и стала Кинеевой Галиной Григорьевной. Свекор плохо говорил по-русски, а девушка совершенно не знала киргизский язык. Когда Галина пришла к ним в первый раз, Сашин отец повел ее показывать свой сад, где росли яблони, груши, абрикосы, персики, вишни, но особой гордостью был виноград. Отец с большим наслаждением ухаживал за ним, шил из марли мешочки и укутывал каждую виноградную гроздь, чтобы осы не портили ягоды. В глубине сада находился большой муравейник, около которого стояла скамейка. Если свекор куда-то пропадал, то найти его можно было либо в винограднике, либо на скамейке у муравейника. Он подолгу мог наблюдать за этими трудолюбивыми насекомыми. Галина, когда вы-

давалось свободное время, тоже приходила посидеть рядом с ним и посмотреть на холмик, где кипела своя жизнь, понятная только этим маленьким существам. Свекор научил ее облизывать соломинку и опускать в гущу муравейника, а затем брать в рот. Соломинка становилась кислой, он улыбался и повторял на ломаном русском языке: «Корошо, корошо, лекарсво». Отец полюбил Галину, часто угощал девушку припрятанной конфетой или орешками.

А вот свекровь относилась к ней по-другому. По их обычаю, невестка должна была встать раньше всех, подмести двор, вскипятить чай, подать завтрак, затем все убрать, вымыть, почистить, но Александр заставлял все это делать своих сестер, а жену любил и жалел. Шло время, но детей у молодых не было. Мать все чаще о чем-то подолгу разговаривала с Александром, сердито выговаривала ему что-то на своем языке, а иногда дело доходило до ругани. К тому времени они жили уже шесть лет, а Галина все не могла родить. Однажды, когда Александр был на работе, свекровь зашла к ней в комнату и стала уговаривать невестку оставить сына, просила уехать, плакала, называла ее «порченной». И Галина решилась на разрыв. Александр уговаривал ее остаться, но она уехала в Россию, к матери. Они жили вдвоем, отец бросил их, когда девочке не было и года.

Приехав в Курган, уже через три недели молодая женщина поняла, что беременна. Решила ничего не сообщать Александру, ведь за это время он ни разу не позвонил и не написал. У Галины родился мальчик. Сын был удивительно красивым ребенком с большими раскосыми глазами. Когда малышу исполнилось четыре месяца, позвонил муж и попросил ее приехать для развода, сказав, что документы уже все готовы.

А рельсы все отстукивали и отстукивали: «Раз-ве-лась, раз-ве-лась!». Вернувшись в купе, она увидела, что ее попутчики допивали бутылку водки.

Галина — противник любых алкогольных напитков. Крепче кваса ничего в жизни не пила. Слово «запой» для нее было только слово, а не явление, но все в жизни когда-то бывает впервые. Первый раз кто-то поднесет тебе бокал шампанского, кто-то нальет рюмку водки. Если есть сила воли, то ты будешь употреблять горячительные напитки только в торжественные дни и по праздникам. А если алкоголь станет смыслом жизни, то человек превратится в существо, у которого одна цель — достать деньги, чтобы выпить. Став алкоголиком, он начнет направлять всю свою энергию, средства и мысли на добывание спиртного, не обращая внимания на родных, близких, жену и детей.

Начальная стадия алкоголизма — это когда человек напивается и теряет память, наступает «затмение». Он постоянно думает только о спиртном, ему кажется, что выпил недостаточно, и начинает пить «впрок», у него развивается жадность к алкоголю. Вторая стадия — алкоголик теряет контроль над собой уже после первой выпитой рюмки, у него развивается высокомерие и агрессивность. Он начинает обвинять окружающих во всех своих бедах и уходит в запой. Третья стадия — это уже хронический алкоголизм. Алкоголик ежедневно начинает с похмелья, если не может купить нормальной водки, то пьет суррогаты алкоголя. Существует множество причин злоупотребления алкоголем. Врожденность. Любопытство. Удовольствие. Доступность. Достаток и досуг.

Превращение добропорядочного человека в алкоголика — процесс быстрый и губительный. В первую очередь ты растеряешь друзей, которые ведут другой образ жизни в отличие от тебя. Самыми близкими людьми теперь будут собутыльники. Перед тобой встанет выбор: или бросить пить и снова становиться уважаемым человеком, или катиться вниз и превратиться в алкоголика и изгоя общества. Говорят, в России две беды — это плохие дороги и дураки, но, мне кажется, что это понятие давно устарело. Теперь в России другие две беды — это наркоманы и алкоголики. Алкоголизм проник во все слои нашего общества, он не щадит ни детей, ни взрос-

лых. Это цепная реакция! «Пьяницы рождают пьяниц»,— еще девятнадцать столетий назад изрек древнегреческий писатель Плутарх.

Вот и Галинины попутчики спокойно допили бутылку водки и достали вторую. Они сидели дружно, как будто всю жизнь прожили в одном городе, на одной улице и были родственниками. «Собутыльники»,— мелькнуло у нее в голове. «Друзья» подвинулись, освобождая край стола, чтобы женщина могла поставить кипяток. Галина не стала возмущаться, проситься в другое купе, решила, что как-нибудь выдержит эту кампанию. Мужчину, уже изрядно пьяного, звали Ильей. Паренька, который немного заикался, они называли Костяном, он постоянно почесывал за ухом и говорил:

— А-а-а не выпить ли нам, а-а-а?

— А-а-а давай! — передразнивал его другой парень азиатской национальности.

Галина осмелилась и спросила:

— А сколько может выпить человек водки?

— С друзьями да с хорошей закуской очень много,— ответил мужчина.

— А-а-а на второй день и-и-и без закуски много,— сказал, заикаясь, Костя.

— А на третий день уже не считаешь, сколько пьешь,— добавил Аскар.

И Илья стал рассказывать свою историю:

— Как-то мы обмывали моего первенца. Жена еще была в роддоме, а я пригласил пятерых своих пацанов, ну взяли четыре бутылки водки...

— Мало взяли,— перебил Аскар.

— Ты слушай дальше,— продолжил Илья,— набрали закуски: колбасы, консервов, пельменей. Вначале все пили за моего сына, а потом стали пить каждый за свое. Слово за слово, водка кончилась. Я сгонял и купил еще две бутылки.

— Н-а-а-а-до было три брать,— вставил Костя.

— Да не перебивай! Наутро я насчитал одиннадцать бутылок. Даже не помню, кто бегал за выпивкой. Во, погуляли! Голова болит, руки трясутся, во рту, как будто кошки нагадили. Посмотрел по сторонам — все разбросано, на столе посуда перевернута, окурки валялись на полу, торчали в стаканах, а скатерть была вся прокурена и в дырках. Страшно хотелось пить, я прямо из банки напился рассолу, достал огурчик...

— «А рабочему человеку без огурчика никак нельзя: с огурчиком соленым и хлебца в охотку съешь, и поправиться, когда нужно, опохмелиться — первое средство для оттяжки»,— процитировала Галина Шмелева.

— Надо было сразу похмелиться, и все прошло бы,— вставил Аскар.

— Нечем было похмелиться, ну ни капельки не оставили,— он выругался,— надо бежать в магазин, а меня выворачивает каждую минуту. Лежу и думаю, что скоро умру, если не выпью. Полез в аптечку, нашел там настойку валерьянки, пустырника, посмотрел на одеколон, но брать не стал, я же — не алкоголик. Слил все в рюмку, взял эту гадость трясущимися руками, а выпить не могу, опять все нутро выворачивает.

«Раз тошнит, значит, еще не конченый алкоголик»,— подумала Галина.

— Закрыл бы нос и опрокинул быстро,— сказал Аскар.

— Молод еще, чтобы учить меня,— обиженно ответил Илья и продолжал свою историю,— я подношу рюмку ко рту, а меня мутит. Кое-как влил в себя эту жидкость, запил водой, и меня снова вырвало...

— Не прижилась,— заметил Аскар.

— Без тебя знаю, что не прижилась, не перебивай, слушай дальше. Не тебе рассказываю, а вот ей.— Он кивнул в сторону женщины.— Побежал я в магазин, а там знакомые пацаны, ну мы снова набрали водки, закуски и ко мне. Очнулся ночью, язык к небу прирос, во рту сухо, не могу вспомнить, что же было вчера, хочу встать, только приподнимусь и опять падаю, ноги не слушаются, голова трещит. Еле-еле

поднялся по стеночке, дополз до крана с водой и опять отрубился. Если бы не пришла теща, я, наверное, допился бы до «белой горячки». Теща у меня — человек. Она поднесла мне рюмочку, напоила горячим бульоном, а потом и спрашивает: «Сколько же, зятек, вас было? Я вынесла двадцать четыре бутылки?». Это значит, что мы вшестером за два дня выпили больше ведра водки. Вот вам и ответ на ваш вопрос, красавица.

Галина ужаснулась:

— Неужели вы выпили по четыре бутылки?

— Ну, это же за два дня, больше столько не употребляю. Вот сегодня мы на троих выпили две бутылки, на этом и остановимся,— закончил свое повествование Илья.

За окном уже совсем стемнело, женщина предложила устраиваться спать, помогла убрать со стола и попросила всех выйти из купе и дать ей переодеться. Попутчики вышли и пропали. «Наверное, на этом не остановились»,— подумала она и закрыла глаза. И снова в перестуке колес ей послышалось: «Раз-ве-лась! Раз-ве-лась!».

Галина вспомнила, как неделю назад, увидела Александра на вокзале, и у нее защемило сердце. Ей захотелось обнять его, поцеловать и рассказать о сыне, показать фотографии, но она не решилась.

— Здравствуй,— виновато сказал муж и помог ей сойти по ступенькам поезда, поцеловав в щеку, добавил,— а ты похорошела.

— Ты тоже возмужал,— заметила она.

— Поехали к нам, ужин уже ждет тебя,— предложил он.

— Нет, отвези меня в гостиницу,— попросила Галина.

— Отец очень просил тебя привезти, говорил, что скучает по тебе,— уговаривал ее Александр.

— А ты?

— Что я? — не понял он.

— А ты скучал? — спросила она тихо.

— Скучал, еще как скучал.

— А почему в прошедшем времени?

— Ну, не цепляйся за слова. Поехали?

Поколебавшись, она согласилась.

Дома, когда Александр на минуту отошел, чтобы принести вина, его мама успела поделиться своей радостью: «У нас будет свадьба, Саша скоро женится»,— сказала она. Услышав это, Галина почувствовала, как комок подкатился к горлу, воздуху не хватало, на глаза накатывались слезы, ей пришлось собрать всю свою волю, чтобы не показать, как тяжело на душе. Только свекор догадался, что невестка все еще любит его сына.

Сказав, что ей надо выйти, женщина поспешила в сад. Слезы хлынули сразу. Сдерживая рыдания, Галина побежала к муравейнику, села на скамейку и постаралась успокоиться. Вскоре послышался шорох — это Александр искал ее. Он подошел к ней, хотел сесть рядом, но остался стоять.

— Что с тобой?

— Я сильно устала с дороги, отвези меня.

— Оставайся у нас, сделаем все дела, и улетишь самолетом,— неуверенно предложил он.

— А откуда у вас здесь появился муравейник? — перевела она разговор на другую тему.

— Да, отец принес откуда-то в мешке. Мы в детстве брали соломинки и засовывали в гущу муравейника, а потом облизывали. Отец утверждал, что это очень полезно.

— Свекор и меня научил так делать,— сказала Галина.

— Когда он успел тебя научить, мы же постоянно были вместе?

— Были. У нас теперь все в прошедшем времени...

...Колеса все отстукивали и отстукивали навязчивые слова: «Раз-ве-лась, раз-ве-лась...»,— и с каждым стуком поезд увозил ее все дальше и дальше из прошлого. Отвернувшись к стене, женщина попыталась уснуть. Домой Галина добралась под утро. Чтобы не будить маму с сыном, открыла дверь своим ключом и прошла в спальню, но там никого не было. Обойдя всю квартиру, она не нашла ни маму, ни сына. Еле дождавшись семи часов утра, пошла к соседке. Тетя Валя, женщина пятидесяти лет, моложавая, с недовольным видом, что ее разбудили, открыла дверь.

— Доброе утро,— поздоровалась Галина.

— А оно доброе? — сердито спросила соседка.— Твоих пятого дня увезла «Скорая».

— Куда увезла?

— А я почем знаю?

— Валюша, ты скоро? — послышался незнакомый мужской голос из спальни.

— Уже иду, милый,— тетя Валя, не закрывая двери, посмотрелась в зеркало, поправила прическу и с гордостью добавила: — Муж зовет, можешь поздравить.

— Поздравляю,— машинально сказала Галина, а сама подумала: «Наверное, уже десятый по счету?».

Оказалось, что матери сделали операцию. Когда Галина вошла в палату, то увидела бледную, с ввалившимися глазами и впалыми щеками женщину. Она не сразу узнала в ней свою мать, подсев к кровати и взяв ее за руку, спросила:

— Как дела, мамуля?

— Хорошо, что ты приехала, доченька. Я не хотела ложиться в больницу, держалась до последнего, думала, что все пройдет, но три дня у меня была высокая температура, а когда силы стали покидать меня и боль не утихала, я открыла входную дверь и вызвала «Скорую помощь». Очнулась в реанимации, врачи сказали, что аппендицит лопнул, и операция длилась три часа.

— Она у вас в рубашке родилась,— добавил подошедший хирург,— еще бы немного, и мы не смогли бы ее спасти.

— Спасибо вам, доктор, а где мой сын? — спросила Галина.

Но никто не смог ей ответить. Она побежала в приемную и стала спрашивать, куда поместили ее ребенка, но медсестра ответила, что в этой больнице нет детского отделения. В это время машина «Скорой помощи» доставила больного, и весь медицинский персонал стал заниматься своим привычным делом, не обращая внимания на Галину. Она выбежала на улицу и стала упрашивать водителя, который только что привез в больницу мужчину, увезти ее на станцию «Скорой помощи». Услышав историю, приключившуюся с женщиной, шофер сжалился над ней и взялся отвезти. Там она узнала, что сына определили в дом малютки.

В этот день ребенка ей не отдали, так как был выходной, и начальство отдыхало. Она плакала, умоляла, просила хотя бы показать мальчика, но сына так и не получила. Прибежав рано утром в понедельник, Галина ждала, пока кончится «пятиминутка», которая длилась больше часа, потом очень долго оформляли документы. «Как хорошо, что мы не были еще в разводе, когда родился малыш»,— подумала женщина. Наконец, вынесли ребенка. О, ужас — это был не ее сын. Началась суматоха, долго никто не выходил, затем появился солидный мужчина и пообещал разобраться, сказал, что за последнюю неделю усыновили двух малышей и, может быть, что-то напутали.

— Как перепутали? Отдайте моего сына! Где мой малыш, что вы с ним сделали? — билась Галина в истерике.

— Женщина, успокойтесь, мы разберемся, приходите завтра, а лучше послезавтра,— сказал полный мужчина в белом халате.

— Как послезавтра? Я никуда не уйду, верните мне сына.

— Мамаша, криком ничего не добьетесь, все будет хорошо, поберегите нервы,— настаивал врач.

— Я пойду в милицию, я подам на вас в суд, я ...— она разрыдалась от усталости и бессилия.

— Дайте ей успокоительного,— сказал доктор и вышел.

Галина увидела, как в ее сторону направилась медсестра, лет восьмидесяти, похожая на скелет, обтянутый кожей. Вот «скелет» поднес мензурку и влил ей в рот какую-то горькую жидкость.

Правду в народе говорят, что беда не приходит одна. Как-то все сразу навалилось на нее тяжелым грузом: и развод с любимым человеком, и операция, и потеря ребенка.

Она не помнила, как добралась домой, достала бутылку водки из бара, налила рюмку, вторую, третью и напилась. Напилась до потери сознания, все проблемы с каждой рюмкой отступали куда-то в подсознание, а сознание улетучилось и летало отдельно от нее. И ей захотелось сделать что-то необыкновенное, героическое.

Она набрала номер телефона своего уже бывшего мужа.

— Алло, кто говорит? — спросил он.

— Александр, я родила тебе сына, а теперь потеряла его.

— Галина, ты пьяна, какого сына, мы уже больше года не живем вместе,— услышала женщина родной голос в трубке.

— Твоего сына, приезжай...

Ночь прошла, как кошмарный сон. Галине хотелось пить, пить и пить. Утром ей показалось, что она попала в ад: ноги не слушались, голова не соображала, в животе что-то возмущалось и просилось наружу. А страшнее всего было то, что женщина ничего не помнила. Самым необходимым местом для нее стал унитаз. Только отойдет к телефону, чтобы позвонить подруге, начинает набирать номер, а из нее, как из фонтана, вырывается противная жидкость. Наконец, догадалась взять тазик, поставила у аппарата, позвонила. Подруга взяла трубку.

— Мария, какое счастье, что ты дома, приезжай, мне плохо,— выпалила она на одном дыхании.

— Галчонок, я сейчас примчусь, потерпи, родная.

Мария такой человек, который не может жить, если кому-нибудь из близких или знакомых плохо. Она помогает всем, кто в ней нуждается: покупает продукты пожилым людям своего подъезда, кормит бездомных кошек и собак, никогда не забудет насыпать крошек в кормушку для птиц. Если видит, что человеку нехорошо, даже пусть незнакомому, она не пройдет мимо, а сделает все, чтобы ему стало легче. Мария не человек, а машина по выработке добра и милосердия. Она не забудет поздравить родных, близких и просто знакомых с Днем рождения, Новым годом, Рождеством и так далее по календарю. Ее девиз: «Чем больше отдаешь, тем больше получаешь». И ведь, правда, у нее все спорится. Она успевает контролировать работу своего салона красоты, ходить в тренажерный зал, посещать сауну, писать статьи и рассказы, которые постоянно печатают в газетах и журналах. Гонорар она переводит в детский дом, дом малютки и дом престарелых. Мария на помощь бросается, как на амбразуру. Все у нее получается, где она — там светло, тепло, уютно. Вот и сейчас мчится на машине по первому зову.

— Дружочек, что случилось? Говори прямо и четко, ты знаешь, я не люблю, когда распускают слюни,— сразу с порога начала она.

— Я напилась и мне плохо,— только успела сказать Галина, и ее опять вытошнило.

— Ну, это дело поправимое.

— Что пила?

— Водку.

Мария налила рюмку водки, зажала ей нос двумя пальцами, влила в рот все содержимое и заставила запить рассолом прямо из банки, но Галину снова стошнило.

— Не прижилась,— улыбаясь, сказала она.

— Ты, Галчонок, говоришь, как заправский алкоголик,— заметила Мария.

— Получилось все, как рассказывал Илья в поезде,— сказала Галина и поведала Марии о недавних попутчиках.

— Если похмелье не лечить — оно проходит за один день, а если лечить — за десять,— пошутила подруга и заставила ее снова выпить рюмку.— Через некоторое время поешь что-нибудь горячее, и все пройдет. Только сегодня больше ничего не пей, а то уйдешь в запой. Знаешь, как легко стать алкоголиком? Из-за чего напилась-то, ты ведь крепче кваса ничего не пьешь?

Наконец-то, Галина вспомнила весь вчерашний день и, рыдая, стала рассказывать:

— Я сына потеряла. Когда маму положили в больницу,— всхлипывая, продолжала она,— его определили в дом малютки, по документам он там есть, а на самом деле — нет.

— А что Зинаида Евдокимовна не знает мой номер телефона,— негодовала Мария,— почему не обратилась ко мне? Я бы и с малышом посидела, и ее в больницу положила. Да что теперь об этом говорить, дело сделано, надо его переделывать. А слезами горю не помочь. Сиди дома и жди звонка. Да, прими душ,— уже в дверях сказала она.

Мария — потрясающая подруга: с ней неясное становится ясным, неразрешимое решается. Она уверена, что день надо начинать с доброго дела. Утром смотрится в зеркало, улыбается и произносит: «Жить — прекрасно!». А отчаявшегося человека приводит в чувства такими словами: «Александр Абдулов был бы рад отдать славу, карьеру, состояние и, в конце концов, поменяться с тобой местами, чтобы жить! Живешь — радуйся, ищи способ жить лучше, умереть успеешь. Человек, у которого есть ноги, руки и чуточку мозгов, уже счастлив». Мария позвонила рано утром.

— Что, подруга, оклемалась? — услышала Галина долгожданный голос.— Поезжай, забирай своего ненаглядного сыночка. Да, кстати, как себя чувствует Зинаида Евдокимовна? Я постараюсь заехать к ней сегодня. В какой больнице она лежит?

— Ой, спасибо, как ты нашла...

— Потом, потом расскажу,— перебила та.— Я спешу, так в какой больнице?

— В четвертой, на втором этаже, палата двести пятая,— только и успела сказать Галина, как на другом конце уже положили трубку.

Мария не терпит, когда ее благодарят, распускают слюни или пускают слезу. «Я так живу, это — стиль моей жизни»,— любит повторять она. Бесполезно отговаривать ее не ездить к Зинаиде Евдокимовне в больницу, она все равно найдет время заехать к ней, выкроит час, чтобы встретить друзей друга, успеет забрать соседского ребенка из музыкальной школы, по ходу дела обязательно пристроит бездомного котенка, а вечером еще переделает кучу добрых дел.

В дверь позвонили, Галина открыла. На пороге стоял ее бывший муж. Сердце чуть не выскочило у женщины из груди. Ей хотелось броситься к нему на шею, прижаться, спрятаться от всех неприятностей и суеты.

— Здравствуй, Галина! Что за бред ты несла? Я прямо с самолета.

— Это не бред, а — правда. И если бы я не напилась вчера, то ты бы никогда не узнал, что у тебя есть сын.

— У меня есть сын, где он?

— Расскажу по дороге, поехали за ним.

В доме малютки их встретили приветливо, уже знакомая худощавая медсестра вынесла малыша, теперь она показалась Галине волшебницей в белом наряде. «Волшебница» передала ребенка Александру, спросила:

— Это ваш сын?

Он осторожно прижал малыша к себе, внимательно посмотрел на него и сказал:

— Да, это мой сын.

— Больше не теряйте,— медсестра улыбнулась и добавила,— а мальчик очень похож на вас.

— Теперь не потеряю,— произнес Александр.

Была весна, время года, когда просыпается все в природе, а самое главное — обостряются чувства, хочется жить и любить, становиться лучше. У Галины пела душа: два самых любимых человека были рядом. Александр предложил немного прогуляться.

— А ему не холодно? — беспокоился он.

— Нет, с малышом надо чаще гулять, и сегодня удивительно теплый день,— ответила она.

— А как ты назвала нашего сына?

— Я дала ему имя любимого человека.

Александр помрачнел, и они, молча, присели на скамейку. Счастье стучалось в ее сердце. Рядом с ней близко-близко сидел тот, которого Галина любила еще сильнее, чем прежде. Отец держал сына так нежно, боясь пошевелиться, казалось, что и дышал-то мужчина через раз. Молодая женщина посмотрела на эту идиллию, и любовью наполнилась ее душа.

— Ты когда уезжаешь?

Александр испуганно прижал к себе сына, как будто его хотят отнять у него, а затем тихо произнес:

— К сожалению, завтра.

Галине стало зябко, или это от его слов повеяло холодом.

— Завтра, так завтра, а пока ты — наш гость.

Она хотела взять сына, но Александр не дал.

— Можно я сам понесу его,— сказал он. И пара медленно пошла по аллее. Галине хотелось, чтобы этот день продолжался вечность.

Дома малыш закапризничал, расплакался, и она машинально сказала:

— Дай мне Сашеньку, я покормлю.

— Повтори, я не ослышался, повтори, как ты назвала нашего сына?

— Я дала ему имя любимого человека — Александр.

— Ты назвала его моим именем?

— Да!

Он посмотрел на нее глазами полными слез, передал сына, обнял их обоих и спросил шепотом:

— Можно, я останусь?..

Елена Хисамова
(г. Москва)

НОЖКИ В ВАЛЕНКАХ

Николка любил свою деревню. Вот где раздолье, красота. Выйдешь к околице, куда ни глянь, луга расстилаются. А за ними леса густые-прегустые. Дремучие-предремучие. А воздух какой, дышишь — не надышишься. А ягоды-грибы. А молоко от коровы парное с краюхой мамкиного свежеиспеченного хлеба! И речка. И рыбалка отменная, что зимой, что летом. А снег чистейший белый-белый, пушистый, нетронутый. Упадешь в него, как в перину мамину. А лыжи с коньками, да санки с гор крутых в лоску Глиняном! Эх, да что там говорить. Любил Николка свою деревню. В городе-то чего хорошего? Машины одни, носятся по дорогам, гудят, бибикают. Люди хмурые все, неприветливые, спешат по своим важным делам. Не здоровается никто ни с кем. Хотя, конечно, народу-то сколько, будешь здравствоваться целый день, язык отвалится. Когда батя брал его с собой единственный раз в город, Николка каждому встречному-поперечному здоровья желал. Люди, кто удивлялся, кто нет, по большей части отвечали, но многие, не обращая внимания, мимо проходили. А снег у них там какой!? Да какой же это снег? Грязный, серый, лежалый. Разве в таком поваляешься, подбросишь охапку вверх. Ну, допустим, подбросишь, и будешь весь в грязи.

Одно только Николке понравилось: метро! Вот здорово, на лестницу встал, и она везет тебя сама. И внизу красотища такая, картинки на стенах с красноармейцами, и статуи разные, даже с собакой есть! Николка, как увидел ее, сразу Бурана своего вспомнил. Эх, наверно на цепи теперь сидит, томится. Мама не спустит его, пока Николка с отцом в городе. Ведь будет, как шальной, по деревне носиться, его, Николку искать, да народ пугать. С виду то Буран — чистый волк. А может и взаправду волк, батя возле леса его нашел. Потом дядька Прохор говорил, что на лугу за деревней волчицу несколько раз видел, да у Грачевых козел Борька пропал. Одна веревка растрепанная на колу болталась. Может и впрямь волк.

В общем, не понравилось Николке в городе. Он ему своим шумом злого майского жука напоминал, жужжащего в спичечном коробке.

Хотя каждому свое. Вон к Нылкиным и Агаповым летом дачники приезжают, чтобы дети на свежем воздухе побыли. Так Генка с Лизкой вечно задаются, что городские. И кино у них там посмотреть в кинотеатре самое новое можно, и конфеты в магазине шоколадные есть, а у вас только карамельки, слипшиеся и без фантиков, да «Тимур и его команда» и «Чапаев» в клубе по субботам. Николка и его дружок закадычный Виталька порой и на крик срывались, все доказывали этим зазнайкам, что у них в деревне лучше. Да что с них толку, с этих неженок, «девчонок». Лизка хоть на самом деле девочка, а Генка! Вот ведь «кисейная барышня» в штанах. Чуть что — сразу в слезы. Ой-ой, пальчик порезал, пчела укусила, занозу посадил, ногу подвернул, с тарзанки свалился. И так целыми днями. Нытик, он и есть нытик. Так между собой Николка с Виталькой считали. Но все равно, когда дачники приезжали на летние каникулы, ребята играли с ними. А то себе дороже выходило, тетка Серафима

Нылкина, чуть что, к маманьке сразу жаловаться бежит, что Николка — злодей, Генашу обижает. А мать у Николки на расправу скорая, и рука у нее тяжелая. Долго разбираться не будет, выдерет «по первое число» и весь сказ. Как тогда, когда Николка случайно у отца в старом ватнике (и зачем туда полез?) мятую пачку «Дымка» нашел. Сразу представлять начал, как они с Виталькой костерок запалят, он папироску вытащит и закурит так небрежно. Вот, Виталя глаза вытаращит! Ну и решил порепетировать, эту небрежность при прикуривании. Порепетировал. Мать как раз мимо шла, свинье давать собиралась, и ботву несла для пойла. Выволокла она его из туалета, и такую «Кузькину мать» показала отцовским солдатским ремнем! Ну, Николка сам хорош, нашел тоже место, где спрятаться.

Короче, хоть может и не очень ребятам того хотелось, но, когда городские на лето приезжали, играли они все вместе. Игры как игры: прятки, штандер-стоп, вышибалы, в «дурака» и «пьяницу» в картишки перекидывались. И конечно, в войнушку. Простора для детского воображения хватало с избытком, места для проведения воображаемых сражений тоже. У ребят было все, и землянка, вырытая все в том же Глиняном лоску, и окопы — ямы, оставшиеся от забора глины для постройки печей, даже «катюша», из колесной пары телеги и ствола, поваленной во время грозы, березы. Они были бойцы, а Лизка медсестра, таскавшая их на себе с поля боя, и делающая перевязки. Только уговор был такой: на кладбище не играть.

На довольно крутом пригорке невдалеке от деревни располагалось местное кладбище. Домов конечно рядом не было, кому может понравиться такое соседство. Только крохотный домик тетки Зинаиды стоял с самого края. Она, как говорили, была кладбищенской сторожихой. Хотя кого там сторожить? Мертвяков что ли? Так куда же они уже убегут? Мертвых Николка не боялся, считал все рассказы о них выдумками. И на кладбище играть не из страха не хотел ходить, а просто, нехорошо это. Люди больше, те, что там лежат, ни солнышка, ни леса не увидят. А мы носиться между могил и радоваться жизни, что ли? Нехорошо это, и весь сказ. Виталя же, наоборот, до одури боялся мертвяков, леших, домовых, баб ег, колдуний и прочую несуществующую чушь. Что не мешало ему, однако на костре всех стараться напугать непонятно откуда берущимися страшными историями. Когда он заводил еще одну очередную: «В черном, черном городе, на черной, черной улице...» Николка всегда предупреждал его: «Виталька, провожать не пойду». Друг храбрился, говорил, что и не надо, он вообще ничего не боится. Но перед тем как расходиться, начинал озираться по сторонам, вздрагивать от шорохов и треска деревьев. И в итоге Николке приходилось тащиться с ним на другой конец деревни. По дороге еще и уговаривать, что нет ничего страшного.

Но в тот день произошло событие, из-за которого он перед самым заходом солнца оказался на кладбище. Это рохля Генаша был во всем виноват. Что этого труса занесло на кладбище, где он потерял армейские часы деда, подаренные тому комполка? Генка рыдал так жалобно, расписывал в красках все наказания, которые обрушатся на его непутевую головушку, что сердце Николки дрогнуло. «Ладно, пошли»,— согласился он, и пристально взглянул на Витальку. Друг под его взглядом сразу както съежился и залепетал: «Никол, ты знаешь. Да мамка сказала, ну, это, короче, мне домой надо, а то батя прибьет, поздно уже, и...». «Трус!» — весомо припечатал его Николка, развернулся и пошел по направлению к кладбищу, ожидая, что друг вот-вот нагонит его, положит ему руку на плечо, и они пойдут вместе. Но этого не произошло. Никто так и не догнал его, и Никола горестно думал: «А есть она вообще, эта самая настоящая дружба?».

Поднявшись на пригорок, он ступил на территорию кладбища. Солнце уже садилось, и длинные тени лежали на земле. Тишина стояла прямо звенящая. И ни ветерка. Николка шел между могил, внимательно смотря себе под ноги. «Ну, где этот раззява

мог часы уронить? Разве найдешь их здесь, травища вон какая, местами по пояс мне вымахала».

Кладбище и впрямь зарастало травой. Некоторые могилы, тех, кто был похоронен сравнительно недавно, родственники еще посещали, убирая на них два раза в год. Перед Пасхой и в Родительское воскресенье. Николка знал об этом, потому что сам, с матерью и отцом, каждый год ходил сюда на могилы своих бабушки и деда. Он и не боялся поэтому ничуть, но чем ниже садилось солнце и сильнее удлинялись тени на траве, тем как-то тревожнее становилось у него на душе. Сразу откуда ни возьмись, начали вспоминаться дурацкие страшилки Витальки, его «гроб на колесиках» и другая белиберда.

«Мать прибьет, если узнает»,— подумал Николка, и вдруг краем глаза заметил, как зашевелилась трава слева от него. Резко развернувшись всем корпусом в ту сторону, никого там не заметил, только трава колыхалась, будто кто невидимый шел сквозь нее. «А вдруг волк?» — почему-то подумал Николка, с опаской глянув на чернеющий вдали лес. «Ведь папаня рассказывал, что мужики не раз в лесу волка видели, здоровущего. Глаза только, говорили, умные такие, как человек смотрит, пристально. Отец еще смеялся, что после самогонки Матрениной не то что волка увидишь, черти рогатые «барыню» плясать будут. А вдруг, правда, волк? Чего делать-то? Бежать или столбом стоять, пока не слопает?» Николка повернулся, чтобы все-таки дать деру, и аж подпрыгнул на месте от испуга и неожиданности. Перед ним стояла тетка Зинаида, та самая кладбищенская сторожиха. В деревне ко всему прочему шептались, что она еще и ведьма. Но Николка, как-то раз, спросивший об этом у матери, услыхал такой ответ: «Может и ведьма, только несчастными ведьмы вряд ли бывают. Уж обязательно что-нибудь хорошее себе наколдуют. Не слушай ты ерунды, сынок, иди лучше скотине дай. Это люди от злобы своей да от невежества болтают почем зря». И сколько не пытал ее потом Николка, с чего это тетка Зинаида несчастная, мать только отмахивалась от него.

Тетка Зинаида тем временем строго смотрела на Николку, с прищуром, словно букашку какую-то неведомую увидала перед собой. «Это чей же ты такой будешь? Ну-ка, ну-ка, а, так Вальки Авдеевой. Хорошая мать у тебя, порядочная баба, работящая, да и отец твой — мастер на все руки. Не запойный, не драчун. Что ж, семя-то видно подкачало. Ты что, лихоманец, под ночь по кладбищу шастаешь? Мертвых покой нарушаешь? Нет в нынешнем поколении никакого уважения. Нет, чтоб старухам помогать, он на погост притопал. А ну, геть отсюда, чтоб духу твоего здесь не было». Николка от испуга и неожиданности только рот разевал, силясь хоть слово сказать. Наконец, он выдавил из себя нечто невразумительное: «Я тут, э..., мы тут, вы не видели?» Тетка Зинаида прикрикнула: «Говори яснее! Зачем на кладбище толчешься? Пакость какую затеваешь? Или дурачок ты? Вроде не похоже». Николка, наконец, собрался с мыслями и зачастил: «Простите, тетка Зинаида! Не хотел я ничего плохого. Просто Генаша, дачник Нылкиных, часы на кладбище дедовы командирские потерял. Вот я и пошел искать. Ну, чтоб для Генки, значит. А то ведь дед его выдерет мама не горюй. Ну, вот я и хотел помочь». «А сам-то он что же? Струсил? А ты, значит, герой по кладбищам лазить? Иди с глаз моих долой. А другу твоему выволочка на пользу пойдет, нечего без спроса брать. Не тобой положено, не тобой возьмется. Ну!!!» — прикрикнула тетка Зинаида, и тут уж Николка бросился наутек.

Дома он, конечно, ничего не рассказал, схватил со стола холодную картофелину и кусок черного хлеба и мышью прошмыгнул мимо зала, где мать с отцом телевизор смотрели. Хорошо, что показывали «Семнадцать мгновений весны», а то бы так просто ему позднее возвращение с рук не сошло.

Утром Генка прибежал с вопросом, нашел ли что на кладбище Николка? Тот не стал ему рассказывать о встрече с теткой Зинаидой, только коротко ответил, что нет.

На Витальку Никола сердился, тоже друг называется, так спокойненько бросил одного, сам киношку домой смотреть побежал. Но тот как ни в чем, ни бывало с утра примчался и стал звать его на рыбалку. Николка никогда не умел долго дуться, обрадовался, собрал удочку, копнул червей в компостной куче, и они пошли к озеру. Озеро это было расположено в лесу. Ходу до него было от деревни минут сорок. Николка всегда с собой на озеро Бурана брал, но сегодня того где-то черти носили. Даже удивительно, обычно сидит возле крыльца, язык набок свесив. Его Николку дожидается, будто знает, что на рыбалку пойдут. Мальчик у матери спросил, не видела ли та Бурана, мать ответила, что «этот дьявол ночью так выл, мочи не было терпеть», она вышла, спустила его с цепи, и до сих пор не возвращался пес.

Так и пошли они вдвоем. В лесу хорошо было, приближающаяся жара вовсе не чувствовалась. Николка, наконец, сменил гнев на милость и всю дорогу рассказывал другу про вчерашнюю встречу с кладбищенской сторожихой, не забыв приукрасить ее всяческими пугающими подробностями. Виталька слушал его с открытым ртом, в особо страшных местах ойкая и озираясь по сторонам.

Наконец показалось озеро. Ребята закинули свои нехитрые снасти и замолчали. И вдруг... Начался такой клев! Николка никогда не верил рассказам рыболовов, что можно одну за другой рыбины таскать. Думал, бахвалятся, но тут! Они с Виталькой не успевали червей насаживать. И надо же было такому случиться, зацепился крючок Виталькиной удочки за коряжину. Тот заныл, конечно, запричитал, поглядывая косо на Николку. Дескать, горло недавно болело, да в воду ему нельзя, мамка сказала, осложнение там какое-то будет. Николка слушал его, слушал, махнул рукой, разулся, снял штаны и рубаху и полез.

Дно в озере противное было, илистое. «Пиявок, небось, теперь нахватаю, фу, гадость»,— только и успел подумать Николка, как дно вдруг резко ушло у него из-под ног. И он с головой погрузился под воду. Вообще-то, он плавал достаточно неплохо, по-собачьи, так назывался у них с ребятами этот стиль плавания. Но от неожиданности, и от того, что он не мог достать ногами до дна, чтобы оттолкнуться, он начал тонуть. Голова его то ненадолго оказывалась над водой, то полностью погружалась под воду. И паника постепенно овладевала мальчиком, движения становились все хаотичнее и беспорядочнее. И, когда он в короткий последний миг смог еще раз вынырнуть из-под воды, увидел, что друг его убегает прочь от озера по протоптанной тропе, ведущей к деревне. Сил бороться уже не осталось, и Николка стал опускаться ко дну. Вода была темной и мутной, водоросли и тина плавали в ней. Николка из последних сил сдерживал дыхание, чтобы не впустить воду в легкие, но он порядком нахватался воды, когда барахтался и на поверхности. В ушах уже звенело, воздуха не осталось совсем. И в эту секунду Николка увидел перед собой лицо девочки с длинными белыми волосами. «Русалка»,— подумал Николка и сделал вдох.

Мальчика долго рвало противно отдающей тиной озерной водой. Виталька сидел рядом и в сочных красках рассказывал, какой он молодец, ведь это он, да-да, именно он и никто другой спас Николку. И теперь ему могут дать медаль, а то и целый орден за спасение утопающего. Николка вяло слушал его, думая о своем видении под водой. «Почудилось. Девочка-то там откуда? Под водой люди не живут. Лицо ее я запомнил, красивая она. Господи, Виталька, когда же ты замолчишь. А волосы почему у тебя совсем сухие? Если ты меня спасал, то нырял бы с головой. Но ведь нырять ты не умеешь. У тебя задняя часть из воды вечно, как поплавок торчит. Так была девочка или нет?» — бились мысли беспокойными птичками в голове Николки.

Дорога домой показалась ему бесконечной. Что рассказывал Виталя родителям, он не слушал. Пройдя в свою комнату, он лег на кровать и сразу забылся беспокойным сном. Сквозь сон он чувствовал, что мама несколько раз подходила к нему и

нежно клала руку на лоб, проверяя, нет ли у него температуры. А еще ему снилась девочка, с длинными белыми волосами. Она смеялась, и смех ее звенел, как хрустальные колокольчики, звенел, звенел...

Николка проснулся от звона. Мама мыла банки под молоко. Он чувствовал себя абсолютно здоровым. «Как ты, сынок? Мы так перепугались с отцом. Какой Виталик молодец, настоящий друг, не бросил тебя. Я не знаю, как бы мы без тебя, сынок».— начала мама, увидев Николку. «Не волнуйся, все хорошо. Я люблю тебя, мам».— мальчик налил себе большую отцовскую кружку молока, отломил огромный ломоть хлеба и вышел на крыльцо. Он уселся на нагретые солнцем ступеньки и стал уплетать хлеб, запивая его еще теплым парным молоком. Все было необыкновенно вкусным сегодня, и день необыкновенно ярким, и солнце нежно грело кожу, а не обжигало своими раскаленными лучами. «Это все таким мне кажется, потому что я мог умереть вчера. Я уже почти умирал там под водой. Кто она? Эта девочка?» И вдруг... Николка замер с непрожеванным куском во рту. На тропинке перед домом, в пыли стали отчетливо проявляться следы, словно шел невидимый маленький человечек, или ребенок. Следы дошли до травы, где их увидеть уже было невозможно. И опять Николка явственно услышал хрустальный смех из сна. Он побежал в дом, чтоб рассказать матери, но передумал. А ну как испугает ее, подумает, что у Николки с головой непорядок после вчерашнего утопления.

Николка прошел к себе, улегся на кровать и начал думать: «Не мог меня Витька спасти, и все тут. Я же видел, как он убегал по тропинке. И волосы у него были совершенно сухие, когда я очнулся. А плавает он еще хуже меня, и нырять вообще не умеет. И надо честно признаться хоть самому себе, что друг мой — трус, трус, трус. А может это он? Просто мерещилось все: побег его, девочка какая-то, а теперь еще и следы несуществующих ног. А может, это следы этой девочки? Несуществующей, да? Привидения что ли? Или ожившего мертвеца? — зябко передернулся Николка.— «Вот теперь и я, как Виталька, во всякую муть загробную верить начинаю». Взгляд его блуждал по комнате. Стоп, а что это блестит на подоконнике. Николка приподнялся на кровати, присмотрелся, и сердце его сначала ухнуло в пятки, а потом подступило к горлу и застучало часто-часто. На подоконнике лежали командирские часы Генашиного деда.

После долгих раздумий, Николка надел белую рубаху, пригладил с помощью воды и гребня свои непокорные вихры и отправился на кладбище. Единственное разумное объяснение появлению часов на своем подоконнике, приходящее ему в голову: тетка Зинаида нашла их и, незаметно подойдя к окну, оставила там. Он подошел к кладбищенской сторожке и робко постучал в дверь. «Тетка Зинаида, можно войти? Это я, Никола Авдеев».— громко сказал мальчик и, не дождавшись ответа, постучал еще раз. Тишина. Он толкнул дверь, она протяжно заскрипела и отворилась. Мальчик с опаской ступил в темные сени. По стенам висели пучки сушеных трав, которые пахли остро и пряно. Дверь в комнату была открыта, Николка с опаской заглянул в нее, но тетки Зинаиды и там не было. Он решился войти. В комнате было чисто и приятно пахло свежестью и какими-то цветами, но никакие цветы нигде не стояли. На огромном старом комоде было много фотографий и свечей. Николка приблизился и с интересом стал разглядывать старые снимки. Здесь были и очень старые фото: мужчины во фраках и мундирах царской армии (Николка видел такие в книге по истории), женщины в кружевных платьях и огромных шляпах, красивая молодая девушка с маленькой белокурой девчушкой на руках, и... Николка остолбенел. Как в замедленной съемке, он протянул руки и взял фотографию смеющейся девочки с длинными белыми волосами. Той самой подводной «русалки». Снимок был в тонкой черной рамке, под стеклом. И тут же услышал: «Положи на место»,— Николка

вздрогнул и выронил фотографию из рук. Рамка треснула, а стекло разбилось вдребезги. Николка растерянно смотрел себе под ноги, потом присел на корточки и стал собирать осколки с пола. «Я, что, звала тебя в гости? Зачем заявился да еще по дому лазаешь? Отвечай, кого спрашивают!» — притопнула ногой рассерженная старуха. От испуга рука мальчика дрогнула, и он порезался осколком. Несколько капель крови упали на фотографию. Николка подумал, что теперь уж тетка Зинаида заругает его еще сильнее. Он втянул голову в плечи и замер так, как нахохленный птенец. Он глянул на фотографию еще раз и с удивлением увидел, что капли крови, попавшие на снимок, исчезают прямо на глазах, словно втягиваются внутрь. Тетка Зинаида охнула, схватила его за руку и поволокла прочь из дома. «Откуда ты только на мою голову взялся? Вот не было печали... Сгинь, чтоб я тебя не видела больше!» «Постойте, тетка Зинаида, да послушайте же меня!» — взмолился Николка, откуда только смелость взялась. И он начал сбивчиво рассказывать и об озере, и о девочке под водой, и о следах в пыли, и, наконец, спросил: «А Генкины часы, Вы ведь принесли и на подоконник положили? Ой, спасибо, тетка Зинаида!» — Николка за своим рассказом не заметил, как изменилась в лице старуха. Поначалу сердитое лицо ее к концу Николкиной речи и вовсе стало мрачнее тучи. «Вот что, парень, ты не ходи сюда больше. Слышишь. Как бы худа не было». «Да какого худа, тетка Зинаида?» — взмолился Николка. — «Девочка эта, на вашей фотографии вылитая та, что меня спасла. Где она живет? Скажите мне? Я пойду к ней. Она же необыкновенная!» Лицо тетки Зинаиды дрогнуло и Николке показалось, что оно прямо сейчас искривится в жалобной гримасе, и старуха заплачет. Но через секунду оно опять окаменело, и она сказала: «Я знаю».— повернулась, вошла в дом и закрыла дверь.

Николка вернулся домой с твердым решением, чего бы это ни стоило выпытать у матери про тетку Зинаиду все, что она знает. При этом, конечно, сохранив в тайне и девочку, и следы. Ни к чему мать пугать. Мама, как всегда, была занята их обширным хозяйством. На подворье были и свиньи, и корова, пяток коз, куры, гуси и даже «экзотический», смеялась мать, индюк Хоттабыч. Так его прозвал отец, которого, кстати сказать, только и любила эта вредная птица, и бегала за ним на манер собаки. А при виде Николки, он весь раздувался, начинал курлыкать злобно и трясти своей бородой. И не попадайся тогда ему под клюв. Обязательно щипнет. И потом важный такой ходит по двору. Хозяин тоже нашелся. Николка его терпеть не мог.

Никола помогал матери, а сам все пытался зайти издалека, все про историю их деревни спрашивал. Но все вопросы непременно к тетке Зинаиде сводились. Мать, конечно, не глупая женщина, прекрасно все Николкины уловки видела, отговаривалась от него, как могла, но за день он так ее замучил своими расспросами. Она уж и прикрикивала на него. Нет, прилип, как банный лист. И решила мать рассказать ему правду о тетке Зинаиде, вон парень уже большой какой стал. Посадила она сына перед собой и начала: «Не отстанешь ведь ты. Так слушай. Давно это было. Тетке Зинаиде годков уж девяносто, поди. Родилась она в прошлом веке. И знатного рода, говорят, была. Княгиня какая-то. Ну не важно. Короче, влюбилась она в простого селянина, а обручена была с сыном графа богатого, и свадьбу скоро играть собирались. А матушка того графского сына, ну, то есть графиня старая, спиритизмом занималась. Духов всяких вроде из загробной жизни вызывала. В общем, колдунья была. Тьфу-тьфу-тьфу, не к ночи будет помянуто,— мать быстро перекрестилась три раза.— Ну, вот. Молодая Зинаида со своим возлюбленным и сбежала, прямо из-под венца. Молодой граф, позора такого не пережил, взял, да и застрелился в ту же ночь. А графиня старая, мать его, Зинаиду прокляла, и детей ее, и внуков, до седьмого колена. Только никаких колен и не будет. Родилась у Зинаиды дочка единственная, Маруся. Они с мужем души в ней не чаяли. Девочка умница была да красоты, гово-

рят, сказочной. Тяжело жилось Зинаиде с мужем и дочерью, бедствовали они сильно, но еще тяжелее стало, когда кормильца на войну Первую мировую забрали, в четырнадцатом году она началась. Остались они с девочкой вдвоем, потом революция, Гражданская, сгинул муж Зинаиды, без вести пропал». «А девочка?» — с замиранием сердца спросил Николка. «А девочка, лет десять ей тогда было, зимой пошла, возле леса хвороста набрать. Мать не разрешала, но она не послушалась, тайком побежала. Уже и смеркаться начало. Нет Маруси. Бросилась Зинаида на улицу, бегала, звала. Мужики деревенские к лесу с ней с факелами самодельными да топорами пошли. Звали, кричали, да без толку все. Только в глуши леса волк где-то выл — завывал протяжно и тоскливо. Вот в неверном свете факела заметила Зинаида нечто темное на снегу. Ближе подойдя, упала женщина без чувств: на снегу валеночки Марусины стояли, в них ножки ее остались только целыми, все остальное съели волки. Так и похоронили потом эти ножки вместе с валеночками. А Зинаида с той поры странная стала, нелюдимая, говорят, колдовством занялась, но не верю я всему, что люди болтают. На кладбище поселилась. Могилку Марусину охраняет».

Николка был ошарашен. «Что же это получается? Значит, прав Виталька был, когда говорил, что мертвяки оживать могут? Люди уже в космос почти двадцать лет летают, атомы-нейтроны всякие изучают. А тут мертвые из могилок выходят? Но по-другому объяснить все, что происходит со мной, невозможно». С такими мыслями Николка и уснул. И опять ему девочка снилась, и смех. И так Николке хорошо и радостно от смеха того становилось, душа пела.

Утром он опять собрался и, невзирая на запрет, отправился к тетке Зинаиде на кладбище. Еще он топорик с собой прихватил, тот, что батя подарил весной. Заметил он дрова, не переколотые, рядом со сторожкой навалены. Ну как это старуха девяностолетняя, скажите на милость, колоть их сможет? Тетки Зинаиды возле дома он не нашел, сторожка была закрыта, так Николка, чтоб время не терять, сразу за дрова принялся. Колол он долго, больше часа прошло, пока голос у себя за спиной не услышал: «Опять ты, настырный?» «Я, тетка Зинаида, только батя говорит, что я настойчивый». «Молодец, за словом в карман не полезешь. Ну, ладно, настойчивый, пойдем, я тебя чаем напою. Заслужил». Никола поначалу ушам своим не поверил. Потом они с теткой Зинаидой долго пили чай, с таким вкусным малиновым вареньем, что мальчик чуть язык не проглотил. И еще с баранками, которые старушка в местном сельпо купила. И разговаривали. Тетка Зинаида его обо всем спрашивала, и про мать с отцом, про хозяйство, про школу, и, особенно, про друга его, Витальку. А когда он ей о Буране рассказал, что два дня пес домой уже не возвращается, странно так сказала тетка Зинаида: «Ты пока не жди его, вдвоем им в деревне не ужиться». Мальчику вовсе не хотелось уходить от старушки. К тому же она знала множество интересных вещей, да и рассказчицей была знатной. Провожая его, тетка Зинаида сказала еще нечто любопытное: «Ты, Никола, отныне наблюдай, что за люди рядом с тобой. Может ненужный человек рядом ходит, для тебя опасный». Николка даже фыркнул, не удержался, это кто же опасный, мать с батяней что ли, или Виталька? «Ты не фыркай, а слушай старуху. Зря говорить не буду. Беда, видать, где-то рядом ходит».

Так Никола и повадился к тетке Зинаиде ходить. То дрова порубит, то воды натаскает, то на маленьком огородике гряды польет, да сорняки выполет. Подружились они, а тетка Зинаида и не гнала его больше. Полюбила она мальчика за открытость, доброту и честность.

Незаметно лето пролетело.

Начался учебный год. В первый же школьный день, на торжественной линейке, на виду у всей школы председатель сельсовета вручил медаль «За спасение утопающего» и самому первому в классе повязал пионерский галстук его другу Витальке. Николке

хотелось закричать на весь свет, что это неправда, вруну и трусу не повязывают галстук, а медаль заслужить надо. Но как он все объяснит? Меня привидение спасло? Да его в школе засмеют потом.

Целый день Николка ходил сам не свой. А Виталька, наоборот, весь надутый от гордости. «Прямо, как индюк наш, Хоттабыч,— думал Николка.— И ведь не стыдно ему, ни капельки». Но Витальке было не стыдно. Он грелся в лучах славы. Все девчонки крутились вокруг него, пищали: «Ах, какой ты смелый, ой, какой ты бесстрашный!» Ребята тоже без конца подбегали на медаль посмотреть. Даже десятиклассники подходили, чтобы руку ему пожать. Николке неприятно все это было. Так что после уроков он побыстрее постарался уйти, чтоб с Виталькой не возвращаться вместе. Вечером он не утерпел, пошел к другу и спросил у того прямо в лоб: «Почему ты врешь, Виталя. Я же видел, как ты к деревне убегал. Ты ведь и плавать не умеешь толком, и нырять. Не ты ведь спас меня. Кто-то другой, но не ты». Виталька молчал, сопел и смотрел в сторону. Лицо его стало пунцовое, глаза налились слезами. «Кто-то? Нет у тебя доказательств никаких! Моя медаль, моя!!! Ни за что я ее не отдам! Ты просто завидуешь!!!» — вскинулся на крик Виталька. «Подлости не завидуют».— тихо сказал Николка и ушел.

С того дня дружба их дала трещину.

Николка все так же бегал к тетке Зинаиде, то по хозяйству помочь, а то просто так, поговорить со старухой. С Виталькой он совсем не гулял, виделись только в школе. Ребята в классе осуждали Николу, учительница говорила ему, что надо уметь быть благодарным, тебе жизнь спасли, а ты... Николка только зубы сжимал крепче. Так до Нового года все и шло: Николка сам по себе, и Виталька тоже. Но детские обиды быстротечны. На Новогоднем утреннике в школе помирились друзья. Все обиды были забыты, веселились от души. Вместе и домой пошли, только опять, как всегда Николке пришлось провожать своего мнительного приятеля. Виталька озирался всю дорогу, вздрагивал да Николку за руку хватал. «Ну что ты, как девчонка, вечно всего боишься? А еще медаль носишь и галстук пионерский».— подначил друга Никола. «Да-а-а-а,— заныл Виталька.— Хорошо тебе говорить. Со мной последние дни странные вещи происходят. Вот я что-нибудь положу, потом ищу, ищу, найти не могу. Помнишь, пару по географии за контурную карту получил, ну, что не принес ее? Помнишь? Я эту карту обыскался, а потом ее маманя на скотном нашла. Как она туда попала? Ты же знаешь, меня мать не заставляет за скотиной ходить, не как некоторых»,— не удержался он подковырнуть друга.— Да и спать я плохо стал, то треск какой-то, а то словно застучит в стене. Пес наш выть стал каждую ночь. Мать еще пугает, мол, нехорошо это, к покойнику. А еще поутру я следы вокруг дома видел. В ту ночь снега много нападало, нехоженый он совсем лежал. И следочки маленькие такие, а возле моего окна все утоптано». Проводил Николка друга, а у самого беспокойно на душе. Прямо сейчас бы к тетке Зинаиде побежал, рассказал о следах этих маленьких. «А может из класса кто озорничает?» — уговаривал себя мальчик. Утром, только рассвело, он помчался на кладбище. Николка передал ей весь вчерашний разговор. «Что делать-то, тетка Зинаида? Что вокруг Витальки происходит? Он, конечно, не порядочно иногда поступает, но он мой друг. Я ему зла не хочу». Старуха сидела молча, только губами шевелила, будто жевала. Никола ждал. Наконец, она словно решилась на что-то. «Пойдем»,— тихо сказала и начала одеваться. А еще взяла она с собой воды в ведре и кружку. Шли они недолго. Под раскидистой березой могилка Марусина была. Крест большой деревянный, в него фотография вставлена под стеклом: красивая смеющаяся девочка с длинными белыми волосами. «Поливай!» — приказала тетка Зинаида. «Что поливай?» — не понял Николка. «Могилу поливай, да помалкивай!» — прикрикнула старуха и громко начала:

Душа, душа, где ты бродила?
Где б ни была, ступай до тела.
До Марусиных очей,
До Марусиных костей.
До Марусиных рук,
До Марусиных ног.

Так отчитала тетка Зинаида три раза, а Николка всю воду из ведра вылил, и пошли они в сторожку. Пили чай, как всегда с вкусным малиновым вареньем, только молчала все тетка Зинаида, да и мальчику разговаривать не хотелось.

Через три дня Виталька к нему прибежал, веселый, довольный. Стал звать его на горку, кататься. Обычно ребята в Глиняном лоску катались, горы там крутые. Что в этот раз их привело к реке, Николка сам не мог понять. Речка тоже протекала между двух крутых берегов. Пожалуй, горы здесь были еще выше, чем в лоске. А так как ребята катались на оцинкованном корыте, то скорость, с которой летело их средство передвижения, была прямо таки сверхскоростной. Они катались уже довольно долго. Зимой темнеет рано, уже и луна на небе появилась. Она была огромная, как блин. И ярко-ярко оранжевая. Зловещая, сказал бы Николка. Они решили скатиться в последний раз, уселись, оттолкнулись и покатились. Все быстрее, и быстрее, и быстрее! В этот раз их вынесло аж на середину реки. Корыто остановилось, мальчики встали, чтобы вылезти из него, вдруг раздался резкий треск, лед лопнул, и корыто вместе с ребятами погрузилось в воду. Виталька завизжал и начал цепляться за Николку, топя его. Николка, из последних сил, отцепил его руки от себя и пытался снизу выпихнуть друга на лед. Сначала лед обламывался под весом мальчика, но в какой-то момент получилось, он выдержал, вот уже Витальке удалось вылезти до бедер, потом еще, и еще. Он полз по льду, все дальше, оставляя Николу, барахтающегося в полынье. «Опять бросил»,— думал мальчик. Тяжелая мокрая одежда и валенки тянули камнем вниз. Никола замерз. Он надеялся только на то, что Виталька пришлет помощь. Время шло, а помощь не приходила. И последнее, что увидел мальчик перед тем, как впасть в забытье, были маленькие валенки. Они быстро пробежали перед лицом Николки, и сознание его отключилось. Потом ему казалось, что его бьют по щекам, переворачивают, трясут, везут. Кто, куда, зачем, он не понимал, и не хотел ничего. Только спать, спать. Сон наваливался на него, как тяжелое душное покрывало. Тяжело дышать, нечем. И тут опять смех. Хрустальные колокольчики. «Маруся, Маруся...» — шептал он в бреду долгие три дня.

Его нашла тетка Зинаида. Что привело ее на речку, родителям она так и не сказала. Да от счастья, что Николка жив, они ее не очень расспрашивали. А потом спросить стало некого. Пока Николка болел, тетка Зинаида умерла. Мама только рассказывала, что старуха радостная уходила, и у порога ей сказала, что девочка ее свое предназначение выполнила. Спасла чистую душу. Теперь всем покой будет. С тем и ушла.

Витальку он больше не встречал. Родители его на заработки в город подались, все продали спешно и уехали. Да и к лучшему оно. Не друг он, так, наносное все.

Буран снова вернулся домой. Худющий и с оборванным ухом. Никогда после этого он не убегал и везде бегал за Николкой.

На могилки Маруси и тетки Зинаиды Николка и по сей день ходит, но не два раза в год, перед праздниками престольными. А как на душе тяжело, да выговориться хочется. Ни следов, ни валеночек маленьких он не видел с того раза. Но зато понял, что летая в космос, изучая атомы-нейтроны, можно верить и в чудеса.

Алексей Яшин
(г. Тула)

«ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ...» БУДНИ СЫСОЯ*

◆ Хотя прошло уже полторы недели со скандальных бортянских выборов, но Сысой, входя утром в приемную, отмечал некоторую сухость в приветствии секретарши. Сегодня, будучи в хорошем настроении — по погоде — даже позволил шутку: «Правильно, Людок, злись на нас, народных кровососов! История, как писал твой умный брат в предвыборных прокламациях, есть категория периодическая, повторяющаяся. Придет очередной семнадцатый год — и нас, толстозадых, опять братишки, перепоясанные пулеметными лентами, в деревянный бушлат оденут...». Сысой заговорщицки подмигнул и слегка переврал школьного Некрасова: «Жаль только в пору прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе».— И прошел в свой кабинет.

Начинался рутинный трудовой день. А Люда даже улыбнулась, оставшись самодна в приемной. Все же в отъявленном мерзавце Сысое есть некоторая здоровая основа. Пожалуй, и спала бы с ним, не будь Сысой неразборчивым бабником. Тот же и не отрицал: будь на дворе советская власть, особенно времен железных сталинских наркомов, так был бы он не с погонялом Сысой, а именовался товарищем Сысоевым, Героем соцтруда и орденоносным директором крупнейшего в главке оборонного завода...

Странно, но и Сысой то же подумал, перелистывая ежедневник срочных, полусрочных и вовсе пустяшных дел. «Были стрелки, стали сделки»,— бормотал он. Нашел-таки запись важнейшего на сегодня дела: выяснить, почему главные в Бортянске мент Трифонов и пожарник Фоменко вдругорядь за этот квартал и, что настораживало, одновременно потребовали от городских оптовых торговцев и предпринимателей внеурочный бакшиш. Даже ему, невзирая на авторитет, намекнули: неплохо бы поддержать бедных полковников...

Сысой поначалу хотел послать куда подальше наглецов, но подумал и по кости им кинул; закон воровского общака: надо даже со всякой сволочью делиться от излишков. Сволочь, но ведь своя сволочь... Как говаривал некогда американский президент, спасая из потерянного америкосами Вьетнама своих марионеток...

Вот совсем недавно полетел с поста с воровской статьей тулуповский губернатор. А почему? — Сверхжадным оказался хохол, много хапнул и со своей шайкой-администрацией не поделился. Правда, успел им отомстить: всех под тот же монастырь подвел. Так и пошли бы всем кагалом на отсидку, да воспоследовавшие двойные выборы удачными оказались; на радостях всех их спустили на тормозах. Тоже закон общака сработал.

Но что случилось с Трифоновым и Фоменко? Сысой не переносил неясностей и фигур умолчания в *своем* городе.

◆ Позвонил своему осведомителю в городской управе; тот толком ничего не

* Глава из романа «Квадратная пустота», над которым автор сейчас работает.

знал, но дал наводку: какие-то семейные дела. Раз семейные, то это к бабам надо обращаться. Позвонил по селектору Люде:

— Не слышала, что там мент с пожарником гудят, народ с бабками трясут не по времени и не по чину?

— Так они решили кумовьями стать, вот и собирают на подарок будущим детишкам-новобрачным: коттеджик завалящий, новая машина, медовый месяц на Кипре и всякое по мелочи.

— Угу, понятно. Позови ко мне Карлыча. Да, если Аркадий сейчас в городе, то и его кликни.

В ожидании юрисконсульта и Аркадия, своего поверенного по московским делам, Сысой вычеркнул из ежедневника фамилии Трифонова и Фоменко, но задумался.

Оно вообще-то хорошо, что полкаши породнятся; легче договариваться будет, да в случае чего оба вместе в нижнетагильскую «красную зону» пойдут по этапу. Явно не по чину стали жировать! Ишь, удумали, как наши среднеазиатские самостийные ханы и султаны, династические браки устраивать.

Хотя Трифонов — правильный современный мент, с поборами почти не зарывается, до баб и пьянки умеренно охоч да еще успевает за своими делами относительный порядок в своей псарне содержать: за год не более пятка из его гвардии на отсидку попадают за превышение...

Зато Фоменко? — Ну что за напасть такая на Руси: что ни пожарный чин, так сволочь откровенная! Где их там штампуют... вроде как в Пензе пожарное училище. Но пензяки, что по жизни встречались, люди все приличные. Где же они будущих пожарных полкашей отыскивают? — Не иначе как по всей стране собирают...

Посмотришь стрезву на Фоменку — даже оторопь берет: экое несуразное подобие человека! Ростом метр сорок с высоченной юдашкинской фуражкой, косолапый, пузо за ремень брючный переваливает, рожа что твоя ж... Тьфу! Главное, глазенки маленькие, бесцветно-наглые, поза всегда лакейская, если только не орет на подчиненных...

Вот в Тулуповске его областного начальника, тоже полковника, по виду — брата родного, даже с похожей фамилией Фомченко, недавно на серьезную отсидку определили. Жил себе припеваючи, брал с правых и с левых — это не о политике — да зарапортовался: затребовал непомерное с солидного купца и областного депутата. Вот и получил по зубам. И наш Фоменка своего часа дождался. Пусть только в его владения сунется; тем более на химкомбинат позарится.

Сам многогрешен, но вокруг — куда ни кинь, везде клин! То есть ворье одно.

...Зуммер селектора отвлек Сысоя от обличительных размышлений:

— Артем Андреевич! Борис Карлович пришел. А Аркадий со вчерашнего дня в Москве. Спрашивал: позвонить вам?

— Не надо, без него обойдемся. Пусть Карлыч войдет.

С юристом они закрылись в думной комнате, где и проговорили о важном до самого обеденного времени. Люде велено было всех визитеров первой половины дня гнать прочь, а серьезным людям переназначить время приема на завтра.

...Выходя с юристом из кабинета в приемную, довольный разговором Сысой и несколько скисший от порученной работы Борис Карлович распрощались. Последний сказал секретарше дежурный комплимент насчет наступившей весны и ее веянии на столь очаровательных женщин. Дескать, был бы он раза в полтора моложе, так приударил с самыми серьезными намерениями.

Сысой шутливо изобразил на своем лице свирепую ревность, а Люда, очень довольная ровным весенним солнышком в окне и своими новыми колготками класса «люкс», загадочно ответила бунинскими стихами:

...А для женщины прошлого нет,
Разлюбила — и стал ей чужой.

Сысой непонятно усмехнулся, вспомнил и остановил Бориса Карловича уже на пороге приемной:

— Так ты, Карлыч, вспомни наш давешний, в начале зимы, разговор насчет моей тетушки. По некоторым слухам, она сейчас устраивает новую жизнь и собирается продавать наш родительский дом в деревне. Она неопытна в таких делах, так сама тебе позвонит, или ты ненавязчиво сам напросись... Главное, чтобы все правдоподобно выглядело, а я — не я и кобыла не моя! Будь здрав.

Возвращаясь в кабинет, Сысой опытным глазом «левака» отметил ранее им не виденные колготки Люды, присвистнул, подмигнул ей и затворил за собой дверь.

Люда чуть покраснела, вспомнив сегодняшнюю свою дурь, что-де может и спала бы с Сысоем, не будь он таким бабником. «Да-а,— подумала,— весна пришла. Щепка на щепку лезет, как тот же Сысой говорит, а в ней ярится самый пик второй молодости. Нети, Людок, надо тебе хорошего мужика завести, а то и не заметишь: время пролетит, никакие колготки тогда не помогут. Но где его, хорошего-то во всех отношениях, взять? А воспитание не позволяет чисто бабским обойтись: мол, если нет любви, так хоть с мастером...

И Сысой, хотя и был всепогодным и всесезонным бабником («Мое «очко» — мои двадцать один сантиметр всегда готовы к делу»,— приговаривал в кругу собутыльников), но сейчас тоже почувствовал первое веяние весны. «Развеяться что ли?» — но, особо не раздумывая, позвонил Егору, чтобы подруливал к входу, а проходя приемную, сказал Люде, что поехал на обед, чего и ей желает.

— После обеда ждать? — Люда слишком хорошо знала повадки шефа.

— Можно ждать, а там по обстоятельствам.

— Понятно. Нелли звоню, чтобы спускалась к машине.

◆ Пообедав в пустом в дневной час банкетном зальчике своего «Тимофеева трактира», самого приличного в городе ресторана с номерами, названном в честь деда, любившего иногда кутнуть по-деревенски, Сысой поднялся со спутницей на второй этаж в личный «кабинет-кровать», как его именовала обслуга заведения.

Нелька, новая его переводчица и эскорт-дама, как это сейчас называется, на званых представительствах, в прошлом году окончившая иняз Тулуповского пединститута, еще не приелась Сысою, поэтому он заставил ее непритворно стонать уже под совместным душем. При всех своих достоинствах и женственной ладной фигуре, имела она свой пунктик: обязательно с полчаса поспать в перерыве между «моментом истины». Сысою же после отменного обеда со сборной солянкой, семгой а-ля натюрель, жаркого из седла барашка и полбутылки любимого «камю», а главное — после освежающего соития с натуральной блондинкой под струями душа не то что сон, даже легкая дрема не смела приблизиться.

«Таковая наша тяжелая мужская доля,— усмехнулся он про себя,— баба есть тонкий инструмент, торопливости в интиме не любит. Только за деньгами к кассе в табельный день может торопиться!»

Ровное дыхание Нелли умиротворяло. Он совсем не чувствовал тяжести ее теплой, обвитой шелковистыми прядями головы на своем плече. Усмехнулся, вспомнив их первую близость полгода назад. Также не дождавшись постели, в ванной комнате загородного дома, повторно встав под душ с ней, поинтересовался: откуда такие женственно-роскошные формы в неполные двадцать два года. Она рассмеялась: «А это, мой многоопытный повелитель, от принятого сейчас раннего начала сексуальной жизни. У нас в десятом классе только страшилища и отличницы, впрочем, они ими и были, нетронутыми оставались».

Дальше случился прелюбопытный диалог. Уже в постели.

— И это считается нормальным?

— Конечно, девственность беречь — не деньги экономить. Чем раньше начнешь, тем жизнь интересней становится.

— А не надоест еще загодя до старости?

— Не знаю,— рассмеялась Нелли,— не пробовала еще. Это я про старость. Но я себе зарок дала: до шестидесяти лет буду с мужиками вожжаться.

— Дай бог, дай бог... Кстати, ты из каких соображений мое предложение приняла? Деньги, карьера, а?

— Не совсем, хотя это все в стиле времени. Скажу откровенно: женское любопытство. Очень наши офисники твои достоинства в постели расхваливали!

— Ну и как сама?

— Супер! Как такой накачал?

— Это не накачивается. От дела Тимофея, наверное, унаследовал.

— Да-да, из университетского курса психологии помню, хотя и не отличница: через поколение все передается. И физиология, и содержимое головы, и все остальное вместе взятое.

...Нелли породисто всхрапнула, во сне переложив свою голову с его плеча на грудь, повернулась на бок и прижалась к нему дышащим сухим жаром телом. Снова ровно и покойно задышала.

Сысой уже хорошо знал: минут через десять проснется, захихикает и требовательно затеребит его, одновременно легко покусывая плечо. Но — это через десять минут, а сейчас мысли его текли также ровно, покойно и рассудительно.

◆ Конечно, по части соображаловки ей далеко до Люды, но головой совсем не слаба для нынешних недоносков. И через пару-тройку лет, если по рукам и наркоте не пойдет, то фигурой Люду догонит. К сожалению. К этому времени она мне надоест. И надоест по простой причине: растолстеет, никакие фитнесы и голодоморные диеты не помогут. Во-первых, Нелли явно удалась в мать — вальяжную пышную красавицу, директоршу школы... здесь Сысой почти смущенно хмыкнул: дескать, извращенец такой! А вспомнил, как пять лет назад, когда дочери учились еще не в Англии, а в этой самой школе, где его тотчас сделали членом попечительского совета, имел он — для разнообразия жизни — несколько интимных встреч с матерью Нелли. Самой тогда школьницы.

Вот во-вторых-то как раз связано со знанием Сысоем отличительных черт характера как мамаши, так и дочки: слишком обе любили постельные дела и отдавались им с подлинной страстью. Да если учесть в случае с Нелли мастерство Сысоя, его ненасытность и, так сказать, его физиологическую гордость... Здесь не надо быть, как говорила умная Люда, биологом или психологом, чтобы понять причину потолстения таких женщин. Правда, Люда про биологов-психологов говорила по другому поводу, по какому-то схожему.

Здесь он услышал контральтное «хи-хи» и легкое прикусывание в предплечье. Горячая волна прокатилась к низу живота, а уже через пару минут Нелли застонала, а Сысой явственно услышал ее непроизвольные в страсти: «Мам-ма!».

Очень уж это получилось во время! От неожиданности такого унисона его размышлений и «момента истины» Сысоя продернуло чем-то острым и холодным. Эта волна добежала уже снизу до головы, а в последней отдалась резким расслаблением, как в самолете, идущем на посадку.

Именно такое ощущение он испытывал в стыдливой еще юности после первого соития с новой девицей-однокурсницей: и верилось, и не верилось в первые секунды после разжатых объятий, что это теплое и податливое, хрупковатое еще на вид тело стало его собственностью, собственностью торжествующего самца.

Но в те времена вспыхивала и любовь. Долгая ли, короткая, но — любовь. Однако постепенно с его заматерением и калейдоскопом все новых и новых партнерш это чувство проявлялось все реже и реже, пока не стало и вовсе туманным воспоминанием о давно прошедших годах.

И только в первые дни начала общения с Нелли он ощутил что-то похожее. Даже как-то дикая мыслишка его посетила: не развестись ли со своей мымрой и жениться на Нелли, завязать с постельной разнузданностью «на стороне» и начать новую жизнь с чистого листа... Но тут же и рассмеялся: хромого могила исправит!

Тогда же серьезные дела навалились, и с Нелли конфуз случился: залетела — то ли от вспыхнувшей страсти бдительность потеряла, а может таблетки (Сысой не переносил резинок) паленые китайские попались? Кто знает, но после всех этих дел и конфузов, увы, чувство влюбленности уже не возвратилось, а отношения их перешли в ровную, затяжную фазу. Но — не в холодно-деловую. И то слава тому мальчонке с луком, что с Олимпа.

...Еще одно полезное качество Нелли унаследовала от матери: нет у них патологической жадности к деньгам. Дико это звучит в наше сверхмеркантильное время, да к тому же в отношении женщин, и так биологически зацикленных на купюрах и золотых побрякушках, но здесь именно так. Здесь Сысой, занимая размышлениями очередные полчаса отдыха со спящей на его груди Нелли, усмехнулся: не только на старуху, но и на молодуху бывает проруха! И с ужасом почти почувствовал, куда гнут его пакостливые мысли: а не возобновить ли, так сказать, в параллель, знакомство с Катериной Михайловной, благо она ровесница его, родила Нелли на четвертом курсе пединститута! Так сказать, для остроты кобеляжа.

Не-е-ет, Сысой, это у тебя явно от пролистывания тех журнальчиков с объявлениями «Мама с дочкой ждут в гости состоятельного господина», что летом на Варшавке верткие пацаны бросают в открытые окна томящихся в заторе автомобилей. Нет, это уже от лукавого. Сысой с его деревенским воспитанием от деда Тимофея люто ненавидел извращенцев...

◆ В половине пятого пополудни Сысой свел томную, разомлевшую Нелли со второго этажа и далее — в машину. Егор лихо зарулил у ее недальнего дома. Пришедшая в себя Нелли чмокнула Сысоя, сделала шаловливо ручкой шоферу и застучала каблучками к подъезду.

— Куда теперь, шеф — в обрат, в контору?

— Нет, поехали в эту... как ее — в мэрию-...ерию.

Мысли Сысоя уже переключились с шалостей на текущие дела. Весна весной, но город без присмотра оставлять нельзя.

В коридорах управы веяло одновременно и запустением, и весенним дуновением. Первое — понятно, все серьезные дела по городу и району решались в директорском кабинете на химкомбинате или в банкетном зале «Тимофеева трактира». Весенний же настрой выдавали отдельские секретарши и инструкторши, встречавшиеся по пути Сысою: чуть более, чем обычно, короткие юбки, несколько ниже декольтированные блузки, а помада на губах вольнолюбиво отсвечивала перламутровыми блестками. И это невзирая на строгий устный приказ нынешнего градоначальника Коливодопроводчика, как его звал за глаза весь город, одеваться на службе скромно, чтобы можно было отличить мэрию от публичного дома.

И в приемной градоначальника одиноко перелистывала папку с бумагами пожилая, специально подобранная Колей, как символ пуританства нынешней администрации, секретарша Вера Игнатьевна.

Увидев приоткрытую по административному этикету на четверть проема тамбурную дверь в кабинет, поздоровавшись с секретаршей и ловко ввернув в приоткрытый верхний ящик стола извлеченную из кармана пиджака баночку черной икры, Сысой утвердительно осведомился:

— Так понимаю — срочный вызов в район?

— Да-да, Артем Андреевич, спасибо за презент. У меня записано, что Николай Алексеевич ждет вас к пяти часам, но позвонили из обладминистрации: наш новый губернатор в рамках президентской предвыборной кампании выехал к нам в район на долгострой бани в Ивахнинском поселке. Поэтому и Николай Алексеевич туда уехал. Просил извиниться; он вам попозже сам позвонит.

Сысой кивнул, осведомился о здоровье и школьных успехах долгожданного Верой Игнатьевной внука-первоклассника. Не слушая ее восторженные референции умнице внучку, Сысой задумчиво смотрел на напольный бюст Георгия Валентиновича Плеханова, стоявший в красном углу приемной. Опять же в Бортянске и в самом Тулуповске хорошо было известно, что еще на заре демократизации, почти одновременно с окончанием «сухого» закона Горби-меченого и введением в милицейский обиход резиновых дубинок Коля-водопроводчик провозгласил с одной из митинговых трибун: «Только правильно понятое учение великого Плеханова позволит нам всем стряхнуть с себя бациллы советизма и сделать Россию великой и свободной!»

...Может это и не запомнилось бы, но вслед за этими программными словами в Колю полетел и пребольно ударил в грудь ржавый, явно подобранный на помойке, сортирный водопроводный вентиль. Городские и областные газеты подняли шум с цитированием плехановских слов Коли. На другой день он проснулся слегла смазанный йодом и знаменитым.

Бюст же изваял придворный тулуповский скульптор, автор всех городских памятников и бюстов за последние двадцать лет Артур Белоглазов. Заплатил ему Сысой — дело было в прошлом году, а Коля-водопроводчик бартером издал приказ о присвоении деду Тимофею посмертно звания Почетного гражданина Бортянского района, специально введенного в обиход.

Заодно Сысой заказал Артуру и бронзовый бюст на могилку деда. К сожалению, бюст на третий день после установки на сельском кладбище сперли для сдачи в утиль. А из мрамора Артур бюстов делать не умел.

◆ Сысой слегка раздосадовался: он не любил, когда продуманная цепочка действий на время давала сбой. Так и сегодняшний разговор с градоначальником был следующим звеном утренних обсуждений с Карлычем.

Но — против лома, то есть губернаторского визита в район, как известно, даже в боевом каратэ нет приема.

Он уже прощался с Верой Игнатьевной, стоя спиной к входной в приемную двери, когда та растворилась и послышался хорошо знакомый голос:

— Верочка Игнатьевна! Ба, да сам Артем Андреевич! А я вот к Николаю Алексеевичу на минутку за подписью... Да его, наверное, нет, на встречу с губернатором отъехал?

Вера Игнатьевна, много чего знающая, да кто в городе об этом не знал,— в оба глаза смотрела на картину неожиданной встречи «зятька» и «тещиньки», как заглаза в бортянском бомонде именовали Сысоя и директрису самой престижной в городе школы-гимназии. Пикантности добавляла и устойчивая молва об имевших некогда место связях «зятька» и «тещиньки».

Сысой же, услышав со спины хорошо знакомый, энергично темперированный голос Катерины Михайловны, так и замер, вспомнив свои недавние шутливые размышления о «параллели» и даже мысленно перекрестился: «Чур, чур меня, окаянная сила!»

Преодолев секундное остолбенение, повернулся и поздоровался. Первый порыв весны, вне всякого сомнения, не обошел стороной и первую красавицу городского истеблишмента, явно скучавшую за скромными ночными ласками слабосильного мужа, наробразовского чиновника средней руки.

«Вот такой же серьезно-сексапильной, роскошной станет Нелли через парутройку лет,— подумалось вдругорядь Сысою,— нет, не должна она мне надоесть ни через три, ни через пять лет...»

И тут же образ Нелли погас, а его потянуло к роскошной, манящей и обольстительной, а она уже пела осанну щедрому благотворителю ее школы:

— ...Как ваши девочки в Англии-то? А мы вас всем коллективом благодарим за высокоскоростной интернет и переоборудование компьютерного класса...

Здесь Сысой ухмыльнулся: то-то теперь школяры порнухи насмотрятся на этом скоростном интернете! А Катерина Михайловна все продолжала, ориентируясь в основном на секретаршу:

— ...А учреждение ежегодных грантов для лучших предметных учителей и вовсе фурор произвело, даже в губернском департаменте просвещения вас в пример остальным серьезным предпринимателям ставят! До Москвы самой дошло. Наши учителя все интересуются: почему вы эти гранты назвали по имени своего деда Тимофея?

Сысой помедлил чуть, живо вспомнив похабные частушки Тимофея и его рассказы о боевой молодости в чоновском отряде, где он лихо рубил шашкой кулацкое отродье от мала до велика, назидательно пояснил:

— Дедушка мой, несмотря на церковно-приходское образование, был ярым сторонником просвещения и культурной русской речи. О вообще его жизнь — пример человеколюбия и социального оптимизма.

Теперь уже в два голоса распрощавшись с Верой Игнатьевной глаза которой заблистали, как у матерой кошки, увидевшей мышку, Сысой и Катерина Михайловна вышли в пустынный коридор.

«Господи! Или дьявол? Что я творю?» — взмолился внутренне Сысой, рыскнул взглядом вправо-влево, убедился, что дверь нигде не скрипит, и, чувствуя, как все в нем напряглось, развел полы расстегнутой шубы Катерины, обхватил торс соблазнительницы и вжался в упругое тело. «Что творю? Что творю? Что тво-о-рю...» — и замер в голове голос разума.

Здесь скрипнула — или показалось? — третья от кабинета градоначальника зверь. Катерина, мгновенно запылав лицом, ловко выскользнула из железобетонного объятия Сысоя, шепнув: «Еще не вечер, дорогой!»

◆ Как и почти все персональные водители, Егор с интересом читал раскрытую на руле книгу — второй том мемуаров генерала Деникина. До недавнего времени в многочасовых ожиданиях заседающего или б...го хозяина он читал до отупения одинаковые детективы в мягких обложках. Заметив это, секретарь Люда по своему почину взялась за повышение интеллекта Егора, принося из дома или от брата более полезное чтиво. Егору это понравилось, а Сысой предупредил вроде как шутливо: «Ты, Егор, читай, да не зачитывайся! Ибо начнешь размышлять, думать. А думать, особенно в наше время, качество вредное и вовсе порой опасное. Даже состоятельным людям это ни к чему».

Увидев выходящую из здания мэрии парочку, Егор и бровью не повел, всего навидавшись, захлопнул том Деникина, отметил резонно про себя: та-а-к, значит сегодняшнюю ночь не под боком у супруги проведу, а в гостевой комнате в коттедже за городом.

Сев с попутчицей на заднее сиденье, Сысой приказал:

— Давай к Дому учителя. Подбросим Катерину Михайловну.

С ней же они коротко, по-деловому все обсудили еще в вестибюле. До восьми Катерине надо быть в Доме учителя: «Губернатор, конечно, к нам не заедет, вот ему интересно слушать и морщиться на вопросы о повышении зарплаты и увеличении школьного финансирования! Но горобразовское начальство решило перестраховать-

ся, всем директорам школ, техникумов и профучилищ до вечера сидеть и не расходиться».

А в начале девятого Сысой подъедет, за соседним домом подождет ее.

— А мужик твой? Нелли не догадается?

— Да все одно к одному, милый, нам благоволит. Муж до конца недели на каких-то долбанных курсах в Москве — изучают новые веяния от министерства по части усиления роли этого, не менее долбанного интернета. Нелька же, как сам уже смог оценить, девочка умная, вся в меня, над лишним не задумывается. Позвоню — уехала, мол, к сестре в Тулуповск до завтрашнего вечера, какие-то у нее семейные неурядицы. Тем более, что это так и есть, и Нелька об этом знает. А завтра и правда к ней съезжу.

— Ну и стервы же вы, бабы,— восхитился Сысой.

— Рыбак рыбака...— засмеялась Катерина и, не обращая внимания на Егора, выруливающего с площади мэрии на дорогу, приластилась к плечу Сысоя.

...Егору же и вовсе не было никакого дела до воркующих. Думал: хватит ли ему на сегодняшний день-вечер оставшихся полутора сотен страниц воспоминаний белогвардейского генерала, которого в последние годы часто стали хвалить по радио и телевизору. Никак его хотят посмертно орденом наградить.

◆ Высадив Катерину у Дома учителя, Сысой вознамерился было ехать на свою фабрику «Тимофеевы колбасы» — выгнать взашей и прилюдно проворовавшегося директора, но позвонила Люда:

— Артем Андреевич! Я все на сегодня по канцелярии сделала, ухожу домой, а только сейчас Аркадий из Москвы приехал. Передаю трубку ему.

Поздоровавшись, Сысой велел своему поверенному по московским делам ждать в конторе.

По-столичному лощеный, с постоянно загорелым лицом Аркадий в провинциальном Бортянске выглядел случайно заблукавшим в малочерноземном болоте консулом-латиносом. Зная почти что отвращение патрона к компьютерным гэджикам, он раскладывал перед Сысоем распечатанные листы, поясняя:

— Вот это сводная таблица по обороту московской наркоты, это по проституции, а здесь по теневым сделкам. Каждая статья расписана по этническим группировкам и отдельным крупным смотрящим из наших, кавказцев и зарубежников: ближних и дальних.

Здесь сводная таблица по нашему сектору — острием на столицу — отмывки денег. Много действующих точек отбеливания в Тулуповске. Без ликвидации хотя бы четверти из них наш планируемый бизнес не будет давать дохода сверх контрольной цифры. Но — это уже не мой фронт работы...

— Да-да, молодец, Аркадий, мы уже сегодня с Карлычем кое-что наметили. Это больше по его части. А ты давай по пунктам, таблицам и схемам подробно пройдись.

Через час с четвертью Аркадий откланялся — обратно в столицу, работать по многочисленным замечаниям шефа.

— Забыл сказать,— остановил его на пороге кабинета Сысой,— я просил Карлыча, а он введет тебя в курс дела, позаботиться о продаже моей тетушкой, что поносит меня на каждом углу, дома в деревне. Вы с Карлычем должны небольшой спектакль разыграть.

— Будет сделано, шеф! Я через пару-тройку дней сюда вернусь.

По-деловому возбужденный разговором с Аркадием, Сысой довольно потер руки, спрятал в сейф дубликаты принесенных тем бумаг — без его пометок, те Аркадий взял с собой, подмигнул черному квадрату на холсте. И почудилось в отблесках низко светящего из окна предвечернего солнца, что чернота квадрата, как кофейная гуща у гадалки, сложилась в тоновый рисунок: поочередно Нелли и Катерина одобрительно кивают ему.

— Тьфу, чертовки! — Сысою сейчас было не до шалостей с бабами. Отвернулся от картины, прошел в думную комнату, плеснул себе коньяка, выпил. Да, все пока складывается удачно. И хорошо, что сегодня Колю не застал, без презента пришел. Набрал номер Люды:

— Слушаю вас, Артем Андреевич,— голос секретарши выражал некоторое недоумение. Сысой крайне редко звонил ей домой. Тот и сам ей не раз говаривал: «Мой дом — моя крепость», поэтому в свою мобилу в память и не записываю твои домашние телефонные координаты. К сожалению, память хорошая, не забываются». Она в тон ему отвечала: «При чем тут память, даже ваша, если мой городской номер любой с первого раза запомнит: в середине цифры — бабья пенсия, а по бокам — предельно низкий — в рамках уголовного кодекса — возраст ваших молодых пассий!»

— Людок! Я по делу. Если сегодня от готовки ужина и воспитания дочери останется минут десять-пятнадцать, пошарь по интернету: где купить какое-нибудь старое, желательно прижизненное издание всех трудов Плеханова, и где их роскошно в кожу с золотом переплести. Не сильно озадачил?

— Сделаю. А вы что, сегодня Николая Алексеевича не застали в мэрии? Ах, да, губернатор...

◆ Вспомнив после разговора с Людой по какой-то непонятной ассоциации об окончании сегодняшнего трудодня, позвонил и в коттедж прислуге: приготовить к половине девятого приличный ужин на двоих и потеплее натопить-разжечь камин в спальне. И столик там же накрыть: закуски, фрукты, напитки...

Уже по прямой ассоциации взглянул на часы: до восьми еще час с гаком, надо прилечь и отдохнуть, а то Катерина (он сознательно не пропускал в голову слова «мамаша» и «дочка»), в отличие от Нелли, не имеет привычки сонных «перекуров». Напротив, любит в перерыв, облачившись в шелковый халат, посидеть с Сысоем, тож в халате, только махровом, за закусочным столиком, выпить рюмку коньяка, закусить с отменным аппетитом, при этом беспрерывно болтая. Уважает слушать от Сысоя матерные анекдоты, возбуждающие ее на следующие постельные полчаса.

Выпив еще стопку, Сысой, сняв как аккуратист ботинки, прилег на думный диван. Задумался на злобу дня. Он прекрасно понимал: для чего затеял эту пакость с Катериной. Для того только, чтобы этой, так сказать, бытовой пакостью затушевать задуманное, сверхпакостливое — заработать изрядный куш по отмывке столичного черного нала. Опять все упирается в досадный, неразрешимый вопрос: есть предел накопительству?

Неужели их так правильно учили в советской школе? Что делать и кто виноват... Да, скорее всего — это за что-то ниспосланное именно русским проклятие: не жить как весь остальной мир, а мучиться этими дурацкими вопросами. И неважно, кто ты: последний бомж или процветающий делец. Главное — ты русский, и это звучит как приговор.

Что бы сейчас (а по чьей указке?) не верещали с экранов и репродукторов на кухне, не тискали на газетных листах про пресловутую толерантность, национальное и расовое равноправие, но жизнь-то об обратном свидетельствует. Вот говорят: преступность не имеет национальных границ. Допустим. Но у нас все состояния — плод преступности, а, значит, все мы, избранники такой новой жизни — самые настоящие преступники, по которым ржавеют топоры лобного места. И аз, грешный, в их числе. Ну-у, не в первой десятке, конечно, даже не в первых сотнях условно приговоренных, но и до его сотни по божеской справедливости должно дойти лезвие палача, веревка на перекладине или девять граммов свинца...

Но как же в этих десятках лауреатов журнала «Форбс», в сотнях с условно отсроченными прокурорскими делами «Хранить вечно»... какое же отсутствие национальных границ? Вовсе наоборот. Никаких вопросов из школьной литературы не задают

себе березовичи и абрамовичи, дельцы с Кавказа и с Закавказья, надвигающиеся с Востока, из Приморья вожаки китайских триад и чайнатаун. Да и многие другие. Нет для них таких вопросов.

Зато есть выраженная, веками и тысячелетиями выпестованная национальная устремленность. Кто-то, ограбив всю страну, копит свой многомиллиардный шекель на строительство Третьего храма, на сей раз — всемирного. Другие, обложив свое ложе мешками с «зелеными», видят сладостные сны о Великом Туране и супермечети на Красной площади. А кому довольно и аула, процветающего на деньги глупых и трусливых русских налогоплательщиков. Как было в Золотой орде. Все понятно с китайцами.

Только русские воруют, грабят и пухнут от дармовых денег без всякой цели. А что делать-то, коли выпала лафа выбиться из серой массы грошевых бюджетников, нищих пенсионеров и гнущих горб за алтын работяг? — Если голова на плечах, мозги работают, сила так и прет из здорового тела — то чем еще заняться в нынешней стране? Где не сеют и не пашут, не строят заводы и авианосцы.

...Опять же вспомнились рассказы деда Тимофея, что по матери происходит из староверов, хотя и крещен был в никонианской вере, как он сам говорил. В царевы времена от Никона и почти до самой революции православная госцерковь жестоко преследовала староверов. Им запрещались почти все виды деятельности, исключая землепашество, ремесленничество и торговлю. Что оставалось из их среды делать людям умным, непьющим и крепким здоровым? — Вот и шли в купцы, строили дороги, пароходы, заводы и целые обширные фабричные местности, как текстильный край вокруг Иваново-Вознесенка.

Но огромные свои капиталы не пропивали, что бы там сочинитель-драматург Островский о них не писал, а возвращали народу — без различия веры — и ненавидящему их государству в виде промышленных и культурно-образовательных объектов и центров.

Сейчас, как говорится, положение неправедного русского купечества хуже губернаторского. Нет цели, нет объектов приложения.

◆ Умные женщины — барометр состояния мятущейся мужской души. Не хуже кота, что чувствует больное место своего хозяина и сворачивается в сонный клубок на саднящем плече или боку.

Такова тетка Нина, в трудную пору заменившая ему рано умершую мать. К ним же относится и вовсе вроде посторонний ему человек — секретарша Люда. Но эти барометры не мембранные механические приборы со стрелкой, указывающей на текущее количество миллиметров ртутного столба или гектопаскалей* в атмосфере. Это датчики сугубо биологические, душевные. Поэтому родственность-неродственность существенно сказывается на работе такого барометра.

Люда — почти чувствительный и безэмоциональный биоробот в этом отношении. Где надо — мягко подскажет, где не надо — промолчит многозначительно. А теткин барометр оказался настолько сверхчувствительным, любящим, что не выдержал дурных скачков давления у племянника, что перегнулся в другую сторону от нормы и обернулся ненавистью. Как у Ивана Грозного и Петра Первого к своим непутевым сыновьям.

---

* Страсть к идиотическим нововведениям не сугубая прерогатива нашего лихого времени. Опробование их относится к послесталинским советским временам. Достаточно вспомнить хрущевскую кукурузу от Мурманска до туркменских песков. Пик такого идиотизма — это имевшая место на рубеже 70—80-х годов замена привычных нам миллиметров ртутного столба на гектопаскали. Народ хохотал, слушая утром за завтраком сводку погоды из кухонного динамика: «...Давление в Тулуповской области сегодня несколько выше нормы и составляет столько-то гектопаскалей». Хохот дошел до Кремля — и перестали полоскать имя великого ученого и философа Блеза Паскаля.— Прим. авт.

Нелли и Катерина тоже суть барометры. Также сугубо биологические — не надувные же резиновые куклы из интим-магазина. Но эти барометры реагируют только на давление в известном месте. Но и они здесь почти что исключение. Другие же постельные бабы Сысоя регистрируют только давление — вес разовых или помесячных выплат «за услуги».

И совершенно напрасно ты, Сысой-сан, называешь Нелли и Катерину стервами и проститутками. Хотя и высокого полета. Нет, малоуважаемый, тебе здесь несказанно повезло: они почти что японские гейши, то есть превращающие скучный, вообще говоря, биологический акт в сладостное искусство. Как для него, но более всего для себя.

Что же касается ситуации «параллели», то, во-первых, они не настолько его укладывали между собой; во-вторых, мать и дочь (Сысой все же употребил в мыслях эти слова) — слишком своеобразный кентавр, чтобы сходу предосудительно о нем судить и рядить. Нормальный половой акт потому естественен и нормален, что третий здесь абсолютно лишний. А если случается пересечение с третьим, то в другом пространстве-времени. Даже они и измеряются всего лишь километрами и часами.

Сложно все это — о бабских характерах размышлять. Хорошо бы Люда — в воспитательных целях — переориентировала Егора на чтение соответствующей литературы. Заставила же она его читать мемуары Деникина! Вот бы Егор и рассказывал вместо утренних анекдотов про поведение и хитрости женщин. Вот смеху-то будет! Но почему сразу смеху? — Думаешь, что Егор глупее тебя? Как бы не так. Во всяком случае он побыл в свое время в братках, ну-у, пару-тройку достойных того морд расквасил, да одумался и в мирные водилы попросился. И это вовсе не из-за совковой узости мышления, трусости или чистоплюйства. Просто нужную ему философию выработал.

Сейчас Деникина читает и выводы из прочитанного делает, что Сысою и в голову бы не пришли: дескать, надо учредить медаль этого белогвардейца и принудительно награждать ею с распиской об обязательности прилюдного ношения теми, кто силен задним умом.— Чтобы таких кавалеров и на версту не подпустить к руководящим креслам.

...Вот так и Деникин на антантовские деньги залил кровью весь юг европейской России, а потом, во время Отечественной войны писал прошения Сталину взять рядовым бойцом в Красную Армию.

«Ну-у, Егор,— изумился Сысой,— не дай, бог, принесет тебе Люда от своего братца полные собрания сочинений Маркса с Энгельсом и Ленина со Сталиным, так и Зюганову придется на заслуженный отдых уходить!» — «А не выйдет, шеф».— «Это почему? Как Чапаев — языков не знаешь?» — «Да нет, просто вспомнил анекдот. Стоит в зоопарке мужик перед клеткой со львом. Мимо служитель тамошний проходит. Мужик и спрашивает у него: мол, говорят, что лев за день тридцать кило мяса может сожрать? — А тот отвечает, что сожрать-то он сожрет, но кто ему столько даст».

◆ Вспомнив этот разговор с Егором, Сысой заухмылялся, еще тяпнул коньячку, вспомнил о губернаторском визите в район, взял со столика пульт и включил телевизор. Как раз время вечерних новостей.

Вот и молодцеватый губернатор распекает поселкового начальника за хронически недостроенную баню. Поодаль в кадре телеоператора стоит Коля-водопроводчик. Выражение лица по-плехановски сосредоточенное, но одновременно и отсутствующее. Ибо здесь он вроде ни при чем, ибо между поселковым главарем и им стоят еще два начальника, а вассал моего вассала не мой вассал, как учили в советской школе. А на перемене школяры, дурачась, переделывали: вассал моего вассала твоему вассалу... Общий хохот, а у любопытных девчонок уши от непристойности нежно розовели.

Так у Нелли розовеет шелковистая кожа грудей после... Тьфу! Опять о бабах! Рано еще, думай о делах. Однако время дел на сегодня уже вышло.

А на экране телевизора в местных новостях губернатора, руководящего на местах, сменил эмвэдэшный полковник со смятой фуражкой прической — главный в области по наркоте. Суконным языком, которому их обучают еще в сержантских школах, тот, явно стыдясь себя, докладывал о каких-то граммах героина, изъятых у гражданина цыганской национальности в результате тщательно подготовленной и успешно проведенной операции.

И Сысой почувствовал себя неловко.— За себя. Еще два года назад, наняв оставшихся без работы братков, он изгнал из города торгашей дозами и спалил в предместье пяток цыганских домов — опорных пунктов поставки зелья. Теперь же имеет намерение широкомасштабной отмывки денег от московских наркокартелей. Истинно, правая рука не знает, что творит левая!

Уныние Сысоя усилилось в следующем сюжете губернских теленовостей: показали отрывок из интервью с заслуженным профессором Тулуповского университета, которому исполнилось восемьдесят пять лет. Еще когда Сысой учился в этом вузе, тогда именовавшемся техническим институтом, Владислав Сергеевич был живой легендой вуза и всей тулуповской военно-технической науки, обширно представленной в городе двумя десятками крупных оборонных *НИИ-КБ* и серийных заводов.

Да что там Тулуповск и его областные окрестности! Был он научной фигурой с мировой известностью, нередко сидел в президиумах международных конгрессов и симпозиумов по газодинамике и теплотехнике летательных аппаратов.

На что уж Сысой-студент не любил математику, не из тупости, а по крестьянской, малочерноземной сугубой практичности, но и его охватывал порой внутренний восторг-озноб на великолепно аранжированных лекциях Владислава Сергеевича. А тот, как опытный преподаватель перемеживая академические анекдоты с изложением методов решения интегральных уравнений Фредгольма второго рода, убеждал студиозусов: «Плох тот солдат, что не мечтает о маршальских погонах; вот и вы должны настраивать себя на кандидатскую, более того — докторскую ученую степень в будущей вашей жизни. А там без высших уровней математической науки не обойтись! И помните: для защиты кандидатской по газодинамике достаточно знать дифуравнения в объеме учебников Смирнова и Фихтенгольца, для особо одаренных, то есть ленивых — справочника Камке, то на степень доктора наук надо выходить, умея решать интегральные уравнения Фредгольма и Вольтерры с использованием метода регуляризации Тихонова!»

Случилось чудо: практицизм Сысоя уступил свои позиции внутренней красоте спецглав высшей математики в изложении Владислава Сергеевича. Крепко все в голове его осело.

...Намного позже, когда Сысой уже легализовал свою деятельность, случился конфуз с руководителем проекта по капитальной перестройке отвоеванной в братковских войнах Сысоем сахаро-рафинадной фабрики.

На техсовещании приглашенный из Москвы руководитель проекта зачитал обоснование и перешел сразу к экономической части, справедливо решив, что технические выкладки и чертежи явно не для узколобого (хотя Сысой и отличался мордастостью) бандюгана-заказчика.

Но Сысой затребовал «простыню» со схемой генпроекта, минут десять посидел над ней, затем задал вопрос:

— А почему тяговая труба едва ли не выше самых больших труб на химкомбинате с его гигантскими мощностями?

— Так по расчету, Артем Андреевич, получается.

— Дай-ка сюда пояснительную записку и раскрой ее на этих самых трубных расчетах.

«Цену себе набивает»,— почти в открытую усмехнулся руководитель проекта, приказав своему помощнику принести из своего временного стройкабинета четвертый том пояснительной записки.

Сысой посмотрел оглавление, сам раскрыл в нужном месте и несколько минут листал страницы, исписанные математическими выкладками-постановками задач для программирования.

Главпроект уже устал скрывать змеиную улыбочку, когда все совещанцы вздрогнули от грохота полупудового кулака Сысоя по столешнице:

— У тебя что — газодинамщик с дипломом зооветеринарного техникума?

— Никак нет,— невольно вскочил и даже руки сделал по швам главпроект,— очень опытный инженер-расчетчик с тридцатилетним стажем ра...

— Уволь его к едреной фене, а сам заплатишь мне неустойку за частичную переделку проекта! Иди сюда, это что? — Сысой ткнул в одну из многочисленных формул на странице.

— Да-а-а я, собственно, в общем знакомился с проектами. Видите ли, расчеты не по моей части...

— Понимаю, по твоей части капусту срубить и нам говно вместо проекта сбагрить. Объясни своему расчетчику, что эта функция именуется нелинейным уравнением Вольтерры — Гаммерштейна, а под интегралом аргумент ядра уравнения должен значиться как «икс» минус «эс». Где минус, где «эс»? Да в советские времена твоего инженера перевели бы за такое в младшие техники, а тебя в завхозы. Не говорю уже о временах сталинских: статья по вредительству и общественно-полезный труд на просторах Колымы. Все, забирай свои бумажки, а через полторы недели все в исправности привезешь. Счет неустойки выставим твоей проектконторе на днях!

...Заулыбался было Сысой от воспоминания, но тут же и поскучнел. Весь какой-то потерянный, резко постаревший, Владислав Сергеевич робко благодарил с экрана телевизора за высокую награду к «его скромному юбилею» — Почетную грамоту от администрации области. Потом и вовсе понес — явно с чужих слов — нелепицу о возрождении российской науки и молодом поколении, динамичном и амбициозном, успешно штурмующем высоты этой возрождающейся науки в стенах славного их университета...

Кисло сморщившись от обиды за любимого профессора, Сысой взял со столика пульт и выключил телевизор.

◆ В тот же миг напольные часы в кабинете с антикварной почтенной хрипотцой пробили половину восьмого. Пора в последний за этот трудовой день бой, уже второй постельный.

Самое интересное, но не Люда привила ему любовь к добротным старинным предметам обихода. Здесь опять «виноват» дед Тимофей, ибо в деревенском их доме и посейчас, хотя и заколоченном, стоят напольные часы в филигранно-резном корпусе. Их реквизировал лихой чоновец Тимофей у раскулаченного соседа и перенес, как контрибуцию, еще в старую родительскую избенку, заняв ими весь красный угол. Сосед же кулак, в свою, более раннюю, очередь реквизировал их из бывшей помещичьей усадьбы, которую в семнадцатом году по приговору деревенского *обчества* разграбили и сожгли — в назидание потомкам.

А на рубеже веков и миллениумов-тысячелетий Сысой, будучи в столице, по пьяни попал на солидный аукцион и купил враз пять штук разноформатных напольных часов. Как ему объяснили завсегдатаи подобных мероприятий, уже потомки таких же дедóв тимофеев намедни сожгли по заказу строителей нового досугового центра, то есть публичного дома, расположенный в пределах Садового кольца музей-

усадьбу. Как люди рачительные, братки перед аутодафе вывезли все ценное из антиквариата.

Люда прокомментировала покупку Сысоя в том смысле, что история движется циклами, в основных чертах повторяющихся. «Так следует из теории этногенеза историка Льва Гумилева,— пояснила она,— сына великого поэта, расстрелянного по приказу Троцкого за антисемитизм». Сысой с ней и со Львом Гумилевым согласился, заодно вспомнив советский еще анекдот-присказку на злобу тогдашнего дня: об ограничении продажи водки семью часами вечера. «Кто такие семиты и антисемиты? — Семиты — те, кто успел затариться водярой до семи, а антисемиты — кто не успел и во всем видит происки евреев».

Приобретенные же на аукционе часы Сысой разместил по основным местам своего пребывания: в городском доме, в загородном коттедже, в конторе и в кабинете-постели «Тимофеева трактира». Пятый же антикварный экземпляр украли при перевозке из Москвы в Бортянск.

Сысой поднялся с дивана отдохнувшим от дел и делишек, обулся. Явно подражая в нарочито-стариковской интонации деду Тимофею, забормотал: «Егор-то, наверное, уже проголодался от трактирного обеда, а за городом только часа через полтора соберут. Надоть ему покрепиться сейчас захватить что-нибудь. А то от чтения Деникина язву голодную себе заработает».

Взял из холодильника полубуханку «бородинского», что раз в два-три дня ему покупала по дороге на работу Люда, отрезал два ломтя, щедро наваксил их черной икрой и сложил, разделив икорные поверхности пластинками сала с чесноком. Так Егор уважал. Завернул егоров биг-мак в телепрограмму, вышел, тщательно затворив за собой все три двери: в думную, в кабинет и в приемную.

Егор бутерброд одобрил, заметив, что Антон Иванович тоже любил простую русскую еду. Закусив, включил газ и взял курс на Дом учителя, даже не спросив о маршруте у шефа, и напевая в четверть голоса из репертуара своей юности, а именно из «Ласкового мая» Разина, племянника Горби-демократизатора: «А что я ем? — А ем я осетрину, простую русскую еду».

И Сысой, заразившись неизбывным оптимизмом Егора, подтянул: «А что я пью? — Я пью коньяк армянский, простой армянский коньячок!»

◆ Ужинали в коттедже в парадной столовой втроем. Кухарку-горничную Сысой отослал разбираться со своим мужиком — ответственным в доме за все — от электропроводки и дизеля на случай отключения электроэнергии (провода на цветмет часто режут в сельской глуши) до наружной и внутренней охраны. Сысою при встрече во дворе показалось, что тот слегка пьян. Сысой держал прислугу во всех своих домах в строгости, не баловал, ставя им в пример Егора, что пил только на новый год, на Пасху и во время табельного своего отпуска.

Егор с аппетитом, вовсе не перебитым сложным сально-икорным бутербродом, скушал заливную осетрину, помянув добрым словом племянника генсека с иудиной отметиной, наваристый борщ с пампушками, специально для него одного поданный, и осилил пару котлет по-киевски с картошкой фри. После чего ушел в хорошо знакомую ему гостевую комнату. По пути заглянул на кухню и попросил кухарку принести ему литровый заварной чайник — все же решил сегодня добить второй том Деникина.

Антиквариат не успел еще мелодично обозначить девять часов, как запел мобильник Катерины. Выслушала и коротко ответила:

— Да, уже по Тулуповску едем. Скажи, что завтра к вечеру буду.

— Дочурка проверяет?

— Вроде нет, не в ее характере — мое все же воспитание. Звонил ей наш спонсор, конечно, похилее тебя. Ему наша географичка единицу влепила. Артемчик, по-

ставь какую-нибудь порнушку, только не немецкую! Надо эту одурь от трехчасового сиденья с бабьем сбить.

Нелли же в полудреме лежала, подогнув ноги в коленках, на диванчике. Тихо включенный телевизор ненавязчиво пестрил «говорящими головами» бесконечного сериала. Чувствуя во всем теле негу и томную усталость, почти физически еще ощущая шестипудовую тяжесть супермужика, она раззевалась и собиралась перебраться на постель, уже загодя ею разобранную, как позвонил какой-то идиот с жалобой на географичку в школе.

Пунктуально воспитанная, Нелли перезвонила уехавшей к тетке Саше в Тулуповск матери, но, услышав в первые секунды соединения последние два такта хорошо уже знакомых ей часов, все мигом сообразила.

«Кобель долбанный»,— зло прошипела она, некрасиво наморщив лоб и по-бабьи поджав губы,— будут тебе рога подлиннее твоего...». О матери же вспомнила мимоходом и тепло: «Надо же и ей, вечной труженице с квелым мужем, время от времени развеиваться. Мне от этого кобеля не убудет!»

Тотчас вспомнив вчерашний звонок от бывшей школьной подруги, собирающейся замуж и устраивающей сегодня объединенный девичник-мальчишник, позвонила ей:

— ...Да-да, вчера что-то с горлом простудное было, а сейчас в норме. Ждите, выезжаю.

Получив вроде как формальное приглашение, Нелли вчера тотчас отказалась. Чего ей-то радоваться за Варьку: она-то замуж выходит, жизнь устраивает, а ей еще сколько под хрюкающими боровами валяться, пока в люди не выйдет! Но главная обида, когда в последнем школьном классе Варька отбила у нее, первой красавицы, парня. Такое не прощается. «Вот сегодня и отомщу обоим: Сысою и Варьке. По-женски отомщу!»

...В половине первого ночи, заперевшись от пьянющих гостей и клюющей носом от изрядной дозы сладкого ликера-бабоукладчика «Амаретто» невесты в пустом чулане новопостроенного особняка, где из мебели стояло только старое кожаное кресло, также подпившая Нелли отдавалась со злобно-сладострастной маской на лице в экзотической позе жениху — мускулистому спортсмену, замдиректора физкультурного техникума. По-нынешнему — колледжа. Услышав непритворный стон партнерши, глуповатый спортсмен горделиво загоготал, победно откинув голову на кадыкастой шее.

А до коттеджного будуара донесся совсем тихий здесь бой часов на первом этаже. Уже в третий раз, обвивши пухловатыми руками и идеально стройными ножками мощный торс и бедра Сысоя, Катерина тоже непритворно застонала и непроизвольно выдохнула: «Мам-ма!»

— Нет, уж хрен вам! — яростно заорал Сысой и покрыл весь мир десятиэтажным. Партнерша пришла в экстаз.

Яков Шафран
(г. Тула)
Андрей Каретников
(г. Тула)

Яков Шафран

Андрей Каретников

Главы из нового романа «Круг замкнулся»*

РЕМОНТНАЯ РОТА

В жизни бывают дни, когда воспоминания потоком набегают на человека. Вот и сегодня Курилов, проезжая на машине по улице вечернего города мимо военкомата, вспомнил, как уходил в армию. А происходило это дважды. Первый раз — до срока, осенью восемьдесят второго, когда умер Брежнев, и в стране была достаточно сложная ситуация. Родные, как водится в таких случаях, организовали проводы. Маму в городе многие знали, и у него самого друзей и знакомых было не счесть, поэтому пришли семьдесят человек. Однако наутро, на пункте сбора, объявили, что его и других досрочников оставляют до следующего приказа. Вот так и получилось, что весной Андрея провожали вторично, но на этот раз уже по наступлению срока призыва.

Попал же он в хорошее место, в Москву, на автобазу Министерства обороны. Служил в ремонтной роте батальона обеспечения. Двадцать четвертые и тридцать первые «Волги», ЗИМ-ы и ЗИЛ-ы, лучшие советские машины той поры составляли автопарк элитного подразделения. Солдаты ремонтной роты, в которой служил Курилов, полностью разбирали, перебирали и вновь собирали машины, делали текущий ремонт и изготавливали различные части корпуса и внешнего оформления — все, кроме моторов, узлов и агрегатов. Они проходили хорошее обучение, чтобы стать первоклассными специалистами, ибо других там не должно быть по определению. Поэтому к ним обращались за технической помощью и гражданские лица. Платили за «левую» работу хорошо — десять рублей тогда были большими деньгами.

Сам же Андрей как слесарь-сантехник со своим напарником-электриком занимался казармой, столовой, продовольственным складом и всеми узлами и коммуникациями технических служб.

Автобаза располагалась на Беговой, позади издательства «Красная Звезда». Ее шестиярусный пантус в то время было большой редкостью. В этом многоэтажном гараже каждая машина имела свое особое место. Командование автобазой находилось в районе станции метро «1905-го года», на ул. Пресненский Вал, недалеко от Ваганьковского кладбища. Там же находился и весь генералитет...

...Машина Курилова незаметно въехала в пробку, растянувшуюся на километр. Был воскресный вечер, и многие возвращались домой, кто с дачи, кто из лесу, кто из Москвы. Вокруг пыхтели машины, наполняя воздух угарным газом. Из них то тут, то там высовывались руки с сигаретами, люди нервно курили в предвкушении «радости» провести столь ценное время в этом скопище еще до сих пор отдающего дневной жар, еле движущегося металла.

---

* Действие романа охватывает период с 1913-го года до наших дней.

На перекрестке на подстилке сидел парень-инвалид без обеих ног, в форме десантника с подвернутыми штанинами, и молча провожал взглядом прохожих. Изредка кто-то из них останавливался и бросал в коробку несколько монет...

Андрей вспомнил, как в армии они, молодые солдаты, писали рапорт с просьбой отправить их в Афганистан. Кого-то из них отправили, кого-то, и его в том числе, оставили...

Дисциплина на базе была железная. За провинность могли послать служить, как говорится, и на «станцию Зима». Но таких случаев не было, так как к отбору военнослужащих для этого элитного подразделения подходили очень серьезно. Их набирали всего из нескольких областей: Тульской, Калужской, Воронежской, Орловской, Курской и Липецкой. На роту было всего два-три человека из Москвы, и то по великому блату. Брали сюда только русских, но были и исключения — с ними проходили службу четыре украинца. Особость подразделения подчеркивала и форма — красивая, добротная, из полушерсти, и хорошо подогнанная, похожая на парадную.

А была там еще отдельная двести тридцать девятая рота, в которой служили водители, возившие генералов из соцстран, участниц Варшавского Договора. Двести тридцать девятую называли «веселой». Водители, фактически, никому, кроме генералов, не подчинялись. За нарушения режима получали устную взбучку и лишь иногда «губу». Но генералы всегда выручали своих «доблестных» водителей. И те чувствовали себя вольготно — угоняли машины на гулянки с девушками, после чего приезжали в любое время суток, как бы только что от генерала, и даже после отбоя пойти на кухню поесть.

В этой роте при желании можно было найти все, начиная с кроссовок и кончая французскими духами. В буфете всегда были дорогие по тем временам сигареты — «Ява» и «Пегас», и гражданские постоянно пытались к нему прорваться. Поэтому, когда Курилов из «учебки» попал на базу, она показалась ему раем...

...Пробка была не самой страшной из тех, какие бывают, и машина потихоньку, но продвигалась. На заветном перекрестке удалось свернуть туда, где движение было более оживленным. Хорошо знавший город Андрей окольными путями стал продвигаться гораздо быстрее. Вдруг под колесом что-то звякнуло. Курилов оглянулся — крышка люка. И вспомнился интересный случай из того пласта воспоминаний, в котором он сейчас находился.

Работали они как-то на территории возле казармы. Нужно было обследовать подземные коммуникации. Подойдя к открытому канализационному люку, он быстро начал спускаться по лесенке и, когда спустился уже до пояса, почувствовал необычный запах и сладкий-сладкий привкус во рту. «Газ»,— понял он и начал терять сознание. Хорошо, что рядом прапорщик оказался и успел поймать Андрея за ремень. Не окажись прапорщика, он мог упасть и сильно покалечиться, или даже погибнуть, так как колодец был глубоким. Сильную психологическую травму, связанную с возможной гибелью человека, впервые Андрей получил тоже тогда, в армии. Рядом с базой проходила железная дорога. Однажды на глазах под маневренный поезд попал мальчик. Ему отрезало ногу, но самого мальчика Андрею с сослуживцами удалось спасти. Они туго перевязали-перетянули ремнем бедро, подогнали свободную машину и быстро доставили в ближайшую больницу... Сколько времени прошло, а до сих пор эта ужасная картина будоражит душу, словно все произошло только вчера. А тогда, несколько дней подряд, все — и «деды», и «молодые» переживали этот случай...

Сейчас во всех СМИ, показывают, пишут и говорят о царящей в армии жестокой дедовщине. Трудно сказать насколько это правда. Думается, нельзя из отдельных случаев создавать картину всеобщего садизма.

Конечно, дедовщина, в той или иной степени, была всегда, и тогда тоже. Но как всеобщего явления ее в их подразделении не было. Происходящие же случаи часто

носили особый характер. Как с тем старослужащим парнем (Андрей уже запамятовал, как его звали), который поднял однажды ночью молодых, приказал им взять в руки по табуретке и залезть под кровать, изображая ночное вождение. Шум и грохот разбудили спящих. Те стали вскакивать и бить молодых. Такие и подобные им ристалища этот солдат устраивал несколько раз. В итоге медкомиссия определила у него психическое заболевание, и его перевели в другую часть. После этого на все время службы Андрея всякая «дедовщина» прекратилась...

...Зазвонил сотовый. Это жена, Лилия, уже обеспокоилась задержкой.

— Я стоял в пробке, сейчас более-менее еду, скоро буду...

— Ждем, без тебя не садимся ужинать...

...Однажды, когда Курилов возвращался из увольнительной, поезд из-за сильного снежного заноса застрял на полпути. Естественно в часть Андрей опоздал и получил трое суток нарядов вне очереди. Мог ведь добраться на попутке, да денег жалко стало.

— Почему не позвонил?

— Откуда? — и тут слукавил, можно было, хоть и пешком, до ближайшего полустанка дойти, но снова по-солдатски сэкономил. А сотовых тридцать лет тому назад еще не было...

ДАВНИЙ СПОР

1 августа 1913 года семейство Михаила Григорьевича Заянчицкого, доцента Московского университета и кадета по своей партийной принадлежности, в полном составе отдыхало на своей даче в Михайловке под Москвой. Стояла именно та погода, которая так приятна по эту пору в средней полосе России. На безоблачном небе светило солнце, было тепло, но не жарко, и легкий ветер, приятно освежая, приносил в садовую беседку запахи цветов, в изобилии растущих на клумбах возле дома. Супруга, Мария Павловна, распоряжалась по хозяйству, а дети — студенты и гимназисты развлекались: шутили, смеялись, пели под гитару и играли в подвижные игры. Все радовалось этому прекрасному дню — и люди, и птицы, заливающиеся окрест, и садовые деревья, увешанные плодами, все пело песню благодарности жизни.

В беседке, кроме стоящего у столба главы семейства, откинувшись на спинку скамьи, сидел гость — питерский писатель Николай Иннокентьевич Земсков, двоюродный брат Марии Павловны и давний друг их семьи, бывший проездом в свою усадьбу, в сельцо Юзинка Т-й губернии. Они вели активную беседу и, более того, оппонировали друг другу. Это можно было заметить по жестикуляции, сдвинутым бровям, а подойдя ближе, и по интонации речи.

— Вы же не станете отрицать, что в России второй половины XIX столетия в области общественной мысли царил идеологический хаос? — спросил Земсков.

— Не совсем с вами согласен, уважаемый Николай Иннокентьевич. Было и ярко выраженное направление, которое называлось западничество, предлагавшее определенный путь развития...

— Согласен, были направления. И справедливости ради следует сказать о другом пути, предлагавшемся как альтернативный указанному вами — о славянофильстве. Да вот беда, единой идеологии не было.

— О славянофильстве? О пристрастии к ограниченно националистическому воззрению на жизнь? — вскинул брови Заянчицкий.— И это в противовес всеобщему гуманизму?

— Ох, уж мне этот абстрактный всеобщий гуманизм, Михаил Григорьевич!.. Ведь гуманизм сам по себе не существует и реализуется только через националь-

ное,— внимательно посмотрев на собеседника, сказал Земсков.— А что касается отдельного человека, то, чтобы понять общее, ему необходимо быть личностью, со своим мнением, с самостоятельным мышлением. Если же человек таковым не является, то за него будут думать другие, и он будет жить под управлением других. То же самое имеет отношение и к государству, и к народу.

— Ну, Николай Иннокентьевич, нас хлебом не корми, только, дай выпятить свое, исконное!.. Вот не можем мы жить так, как вся Европа живет уже века. Это, извините, национализм какой-то...— Заянчицкий нервно заходил вокруг беседки.

— Ради Бога не нервничайте, Михаил Григорьевич! Рассудите спокойно. По-вашему жить в своих традициях и своей вере, значит, быть националистом? Да так, позвольте, все народы Европы живут! И никто их при этом националистами не называет! — твердо и уверено ответил Земсков.

— М-м-м...— не находя что ответить ему, засунув руки в карманы брюк и перекатываясь с носков на пятки и обратно, промычал Заянчицкий.

— Вы ведь не станете отрицать, сударь, что острое противостояние западничества и славянофильства началось с публикации первого «Философического письма» Чаадаева?

— Ну, так, и что?..— Михаил Григорьевич остановился и снова вернулся к своему столбу.

— А то, что Чаадаев постоянно доказывал преимущество католичества над прочими вероисповеданиями и его неминуемое близкое над ними торжество,— сказал Николай Иннокентьевич.— И еще он настойчиво утверждал, что русская история бессмысленна и пуста. По мнению Чаадаева единственным путем спасения для нас является безусловное и полное приобщение к европейской цивилизации.

— Имел право на собственное мнение!..

— Конечно, имел, кто же спорит?!

Подошла Мария Павловна, стройная сухощавая женщина с едва начинающей пробиваться сединой в волосах. Издалека ее можно было принять за девушку.

— Спорить можно бесконечно, а обед готов. Посему милости прошу отобедать!

— Николай Иннокентьевич, продолжим за столом,— предложил Заянчицкий.

Собеседники прошли к накрытому в саду обеденному столу, за которым уже сидела вся молодежь и ждала старших.

— Так о чем же вы так горячо спорили? — спросила Мария Павловна.

— Да вот Николай Иннокентьевич считает, что нам нужно отказаться от цивилизации и жить по-монастырски,— улыбнулся супруг и, взяв ложку, наклонился к тарелке с супом.

Земсков внутренне помолился, пожелал всем приятного аппетита и только после этого принялся за еду.

— Мария Павловна, твой супруг шутит,— улыбнулся в ответ он.— Разница во взглядах славянофилов и западников основана не на принятии или непринятии цивилизации, и не на чем-то внешнем вообще. Различия между ними духовны по своей сути и основаны на социально-политическом, идеологическом и культурном противостоянии Православия и западных конфессий.

— Наша семья, Николай Иннокентьевич, придерживается Православия,— с достоинством заявила Мария Павловна.— Мы и в церковь по праздникам ходим. Вот на Троицу ходили...

— Помилуй, я не вас имею в виду, я говорю, в общем...

— А, в общем,— каждый имеет право на свободу вероисповедания. И пора нам уже как в Европе жить! — произнес Кирилл, молодой человек в студенческом кителе, сын Заянчицких. Щеки его бледного, худощавого лица в тот же миг залились ярким румянцем.

— Повторюсь, господа, речь идет только о том, на какой основе должны строиться развитие цивилизации в стране и улучшения жизни народа. На какой основе?! Мы считаем, что всего этого можно достичь на основе Православия и наших традиций! — ответил Земсков, обращаясь, в том числе, и к Кириллу.

— Позволь, Николай Иннокентьевич, не совсем согласна с тобой. Прогресс возможен только тогда, когда он основан на земных знаниях, а не на небесных откровениях! — выпрямившись и сложив пальцы рук в замок, заявила хозяйка дома.

— Помилуй, уважаемая Мария Павловна,— в тон ей, с легкой иронией и чуть снисходительно ответил Земсков.— И славянофилы и западники за прогресс. Вопрос, на чем он основан — на уме, опирающемся на Высшую мудрую волю, или на несовершенные человеческие знания? И, соответственно, ради чего этот прогресс? Ради собирания сокровищ на небе или на земле?

Молодежь, все как один, перестали есть и смотрели на говорившего. Видно было, что они слышат такое впервые.

— Так, дети! Кушайте, остывает ведь! — Мария Павловна принялась хлопотать — открыла утятницу, стала раскладывать аппетитно пахнущее жаркое по тарелкам, спрашивая каждого, чего он еще желает отведать из находящихся на столе блюд (Они на даче за столом позволяли себе обходиться без прислуги).

— Поэтому не ставится под сомнение чей-либо патриотизм,— несколько погодя продолжил Земсков, но его слова уже как бы повисли в воздухе.— Речь идет не о нем, а о разной духовной основе его. И далее — о целесообразности и эффективности тех или иных действий...

— Ну, слава Богу, а то я уже думал, Николай Иннокентьевич, что, по-вашему, мы смотрим в разные стороны...— вынимая из-за воротничка салфетку, сказал Заячницкий.

— Если позволите, господа, я продолжу...

— Да, я только хотел сказать, что мы виновны перед народом за свое благополучие на фоне его бедности,— по тому с каким удовольствием Михаил Григорьевич говорил это, можно было заключить, что он «сел на своего любимого конька».— Мы не можем поэтому чувствовать себя вполне счастливыми. И мы готовы рисковать и жертвовать многим, чтобы исправить положение. А исправлять нужно, как можно быстрее, не взирая на ситуацию в стране, как внешнюю, так и внутреннюю! — заявил он.

Все семейство с гордостью смотрело на него. Чувствовалось, что все они — от гимназиста до супруги разделяют такие революционные взгляды.

— И все же позвольте мне продолжить...— Земсков выпрямился и одновременно сделал жест рукой, ясно говорящий о его несогласии и о том, что ему есть что возразить.— Ведь еще Пушкин говорил об исторической суете, которой он противопоставлял подлинную историю, которая совершалась на Руси подвигами веры, стяжанием духовной энергии, вершившуюся вне исторической суеты и наперекор суете. Такая суета, основанная на слабости веры, может привести Россию к трагическим итогам!

— Вы против революции, против изживания всякого зла в российской действительности? — чуть ли не в один голос воскликнули супруги.

— Я — за изживание зла! Но не путем революции, а путем эволюции, путем преобразования внутреннего человека в каждом, эволюции, основанной на внутреннем духовном своеобразии России. И я призываю вас, Михаил Григорьевич, и ваших единомышленников, одумайтесь, иначе может быть очень и очень поздно и плохо!

— И после этого вы говорите, что любите народ? — снова вступила в разговор Мария Павловна.

Земсков замолчал. Он замолчал не потому, что ему нечего было возразить своим

оппонентам. Нет, он замолчал потому, что понял — они его не слышат, более того, не хотят слышать...

— Простите господа! — Земсков встал.— Благодарю вас за гостеприимство, тебя, Мария Павловна, особо за изумительный обед, но мне, к сожалению, уже пора на поезд,— он взял шляпу и, попрощавшись со всеми, направился к станции.

Молча глядели ему вслед оставшиеся за столом дачники. Разное выражали их взгляды. А что творилось в их душах, то одному Богу известно...

«ТОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ...»

Назавтра Курилов снова с трудом пробирался вместе со сбившимися в притык друг к другу десятками машин, находясь в ситуации, ставшей уже привычной для горожан и именуемой «пробкой». «Скоро, как жители какого-нибудь Лондóна будем бриться и чаи-кофеи распивать в пробке»,— тоскливо подумал он.

Всегда памятуя о возможности попасть в пробку, Андрей заранее, при первом же подозрении старался придерживаться ближней к тротуару полосы движения, чтобы иметь пространство для маневра — для съезда в сторону. Вот и сейчас, поглядывая вбок, готовясь при первой же возможности свернуть, вдруг увидел знакомое лицо. «Ба, да это же никак Виктор Леонов!»

Курилов буквально дополз до съезда, повернул и, проехав немного вперед по широкой пешеходной полосе, остановился. Похожий на Виктора мужчина, одетый в полевую маскировочную форму, в которой ходят обычно военные да охотники с рыбаками, неторопливо шел вперед, неся на плече небольшой рюкзак и в другой руке большую плетеную корзину.

Андрей догнал его и, поравнявшись, спросил:

— Простите, вас Виктором зовут?

— Так точно,— ответил мужчина.— Андрей, ты?! Вот так встреча!

— Да! Я тут в «пробке», смотрю вроде бы знакомое лицо. Решил остановиться...

— А ты, брат, растолсте-е-ел...

— Да и ты не остался прежним... Постарели мы...

Виктор был высок ростом, сухопар и подтянут, как всегда, только пряди седых волос на висках да морщины вокруг глаз и на лбу выдавали возраст.

— Чем занимаешься? Все там же у себя на заводе мастером? — поинтересовался Андрей.

— Нет... Ушел я оттуда...

— Слушай, а давай ко мне в машину, посидим пока пробка, поговорим, а потом я тебя подвезу. Ты не торопишься?

— Нет, куда мне спешить... Хорошо, давай,— согласился Леонов.

Они вернулись к машине. На улице было жарко, и машина, казалось, готова была расплавиться. Присесть на улице было негде, и приятели, оставив открытыми двери, уселись в салоне, включили маленький вентилятор и продолжили разговор.

— А почему не на заводе?

— Заказов долго не было и, соответственно, зарплаты. А когда появлялась работа и зарплата, то деньги быстро тратились — уходили на оплату долгов и на необходимые покупки, и снова наступало безденежье...— Виктор тоскливо посмотрел на Курилова.— Надоела такая жизнь, потому и ушел... Сейчас работа на заводе понемногу наладилась. Новый директор привлек команду толковых специалистов, и они смогли перестроить производство, привлечь инвестиции, создать линии по выпуску новой продукции. Вот бы на таком заводе поработать!

— Так в чем же дело?

— Прошло уже семь лет, как я ушел. Кто ж меня возьмет? Там от молодых отбоя нет...

— И чем же занимаешься, на что живешь? — Андрей с интересом взглянул на давнего приятеля, но признаков алкоголизма и явной нищеты по достаточно упитанному лицу его не обнаружил.

— Чем занимаюсь? Ты не поверишь... Хожу по лесам, собираю грибы и ягоды, охочусь в положенное время, рыбачу, и всем, что добыл, торгую на рынке. Жена у меня врачом работает все там же, в заводской поликлинике. А сын учится в университете...

— И хватает? — удивился Курилов.

— Ты знаешь, хватает!..— уверенно ответил Виктор и улыбнулся.— Я ведь спортсмен, могу за день много пройти, и охотник, и собиратель я заядлый. День похожу, день на рынке посижу, отдохну, и снова в поход. Так что все нормально!

— Ну что ж, если тебе так нравится... А то ко мне давай. Я тут сейчас строительством и поставками стройматериалов хочу заняться...

— Нет, нет,— Виктор нетерпеливо прервал Андрея.— Не люблю я коммерции эти... Хотя не осуждаю, имеют право быть и нужны... Если честные, конечно... Но это — не мое!

— Как знаешь... Хозяйственная жизнь многообразна, и в ней необходимо и то, чем ты занимаешься. Главное, кроме материального, получать еще и моральное удовлетворение от «трудов наших праведных».

— Правильно рассуждаешь! Впрочем, ты всегда рассуждал правильно, даже в студенческие годы! — Виктор повернулся к Андрею и с улыбкой обнял его за плечи.

Курилов, окунувшийся в воспоминания, как он часто любил делать, не отстранился от неожиданного жеста.

— Наши студенческие годы...— с удовлетворением произнес он.— Хоть и учились мы на вечернем и были уже изрядно понюхавшими пороху, а все же юность она и есть юность.

— А тебе учиться было легче. У тебя ж до этого была производственная практика, и я помню, как ты помогал нам разбираться в вещах, в которых по одним лекциям и книжкам сложно было разобраться,— стал вспоминать Виктор.

— Да, последний год перед армией я проработал на заводе. И хорошо «натаскался» по железу. А еще в армии много было перекручено-переверчено своими руками.

— Это много дало,— подтвердил Леонов.

— Ты же работал на заводе в конструкторском отделе техником, если я не ошибаюсь?

— У тебя хорошая память!

— Пока не жалуюсь ... И насколько помню, успевал чертить и строчить курсовые в рабочее время?

— Было дело!..

— Конечно, было, а то я не знаю! — улыбнулся Курилов.— А вот мне приходилось все это делать по ночам, так как днем работал на стройке. И со стройки, «порубав» пельменей, бежал в институт. Потом до утра чертил, или дежурил в сторожке на той же стройке. Брал дополнительно любую ремонтно-строительную работу, в том числе делал бани, бассейны в горячем цеху. Освоил все строительные специальности. Поэтому в учебе все давалось легче, так как уже было понимание. И характерно то, что алгебра в школе шла на тройку, а высшая математика в институте — на пятерку. Хотя сопромат давался достаточно тяжело. Но я взял его упорством.

— Да, сопромат это — сопромат... Кто его сдавал, уже мог считать, что Рубикон перейден.

— Один из распространенных студенческих мифов... Что же касается технического образования, как производственник, долгое время проработавший на заводе, думаю, что кроме теории необходимо хорошо давать и практические знания — навыки, методы и приемы профессиональной деятельности... Но о чем это я? Сейчас вообще дело «швах», нет и того, что было...

«Пробка» по-прежнему никак не рассасывалась. Воздух был сильно загазован, дышать было нечем. И мимо их машины по тротуару, несмотря на жару, торопливо шли люди, стараясь как можно быстрее пройти этот участок пути.

— Давай отъедем,— предложил Курилов и, включив зажигание, отогнал машину подальше, в проезд между домами, но так, чтобы наблюдать за ситуацией на дороге.

Друзья несколько минут помолчали...

— Скоро выборы. Ты за кого будешь голосовать? — вдруг спросил Леонов.

— Не скажу, это — мое право! — ответил Курилов и улыбнулся, но видно было, что не хочет откровенничать на эту тему.

— А я из этого никакого секрета не делаю,— сказал Виктор и твердо посмотрел в глаза Андрею.— Я — за коммунистов...

— Так тебе же никогда не нравились общественные науки?! — удивленно вскинул брови Курилов.

— Да, они были не жизненны. Преподавать нужно было с примерами из практики, в привязке к действительности. А они давались в отрыве от жизни, да и не глубоко, поверхностно, спонтанно и большими объемами...

— Не говори, даже такой актуальный в те годы раздел, как кооперация, и на лекциях и на семинарах раскрывался очень слабо. Кроме двух человек в группе, никто ничего в этом не понимал. Не профессионально преподавалось! Да откуда же было взяться профессионалам, если в течение многих лет запрещалось даже теоретизировать на подобные темы, а не то чтобы иметь по ним практику!

— Значит были, наверное, причины... Боялись лавины произвола... А получилось — чего боялись, на том и попались!

— Да уж...— согласился Андрей.— Поэтому не бояться нужно было нового, а, «держа руку на пульсе», понемногу прививать знания, навыки и культуру работы тем, кто желал трудиться в этом направлении.

— Я считаю, что в рамках общественных наук должны были преподавать культуру, этикет и этику. И нужно было учить психологии взаимоотношений в коллективе. Может, это и поважнее теории было бы!.. А вообще я не любил общественные науки,— добавил он.

— Ты прав, Виктор, полностью согласен в отношении культуры, этики и отношений между людьми!..— сказал Курилов и внимательно посмотрел на старого приятеля.— А с чего это ты в коммунисты подался, если не любил те самые общественные науки?

— Нынешние коммунисты, Андрей, имеют к тем общественным наукам весьма отдаленное отношение...

Пробка понемногу стала рассасываться, движение машин по мостовой стало более ощутимым. Но дышать было уже абсолютно нечем. Приятели пожалели, что, увлекшись разговором, не отъехали куда-нибудь еще подальше. Да что уж теперь? Они закрыли двери машины, и Курилов выехал на проезжую часть улицы.

— Сколько пожеланий можно высказать еще по улучшению высшего образования! — сказал Андрей, перестраиваясь в полосу ближе к осевой.— Как хорошо бы совместить в преподавании теорию и практику, совместить обучение с производством — по типу кафедр медицинских институтов в клиниках, как рассказывал мне знакомый доцент-патриот из Медико-физкультурного... Эх, да что там! Ведь мы обсуждаем образование, которого уже нет. Нынешнее образование стало заметно более плохим...

— Да! Уровень так называемого высшего образования скатился ниже бывшего самого слабого техникума. И лучшего образования — от начального до высшего,— которое было в советский период, нет. Хотя и там были недостатки, но в основном это было настоящее образование.

Курилов задумался, и вспомнилось ему недавнее время, когда он заочно и платно получал второе высшее образование — финансово-экономическое. Нужно сказать, что до этого экономика была его хобби. А пошел снова учиться, так как интересно было понять, как работают иностранные банки, карточки, да и многое другое, связанное с современной экономикой. Хотелось почерпнуть побольше полезного для деятельности. Но довольно быстро он понял, что практически ничего нового от учебы не получит, ибо все преподаватели были несведущими в современной экономике и финансах. Многие люди с производства, работающие по специальности, опытные пришли для получения диплома и разбирались в экономических и финансовых вопросах часто лучше преподавателей. Задавали им каверзные вопросы, часто спорили... Курилов тогда смирился с ситуацией и учился немного тому, немного этому по большей части у своих сокурсников...

— Что-то мы так засерьезничали с тобой...— улыбнулся Виктор.— А ведь тогда были веселыми, жизнерадостными ребятами. И гуляли, было дело, частенько, и влюблялись...

— Тогда мы были молодыми...

— Одно слово — молодость! — видимо вспомнив что-то приятное, связанное с теми днями, сказал Леонов.— Андрей, а давай обменяемся телефонами, чтобы не теряться! Буду снабжать свежими ягодами и грибами, дичью в охотничий сезон и рыбой.

— Хорошее дело, давай! — ответил Андрей, останавливая машину недалеко от дома, где жил Виктор.

Приятели обменялись телефонами и дружески пожали друг другу руки.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

АКТРИСА

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Поздний вечер. Комната во мраке. На жесткой постели лежит старая актриса: мягкая постель ей непривычна. Она всегда спала на жесткой, чтобы сохранять осанку и не разнеживаться в безделье. Ее время никогда не тратилось на пустяки, занятое постоянными трудами. Какие у нее труды? Держать фигуру, сохранять голос, говорить по-французски, петь по-итальянски, танцевать по-испански, учить роли, увлекать зрителя.

Когда-то ею восхищались. На ее бенефисы собирались люди разных сословий и званий. Знатные чины Петербурга и Москвы присылали ей в подарок огромные букеты цветов. Безденежные студенты кричали с галерки слова признания и пылко аплодировали. Как она играла!

Кто научил ее играть? Мать была не слишком удачливой актрисой провинциального театра, исполняла второстепенные роли, сошлась с таким же неудачником и родила, чуть ли не на сцене, девочку, которой все прочили, по причине странного рождения, актерскую будущность. Умерла мать быстро, не дождавшись даже пятилетия дочки, актер же уехал еще раньше на поиски успеха.

Воспитывалась Любушка в семье театрального художника Смирнина, так что детство и юность прожила в кулисах. Ей приходилось мыть, чистить, шить, подавать горячий чай антрепренеру или разогретое молоко исполнителям. Лет с пятнадцати симпатичную девушку стали вводить в спектакли в качестве статистки, и она испытывала огромное счастье, глядя на зрителей со сцены.

Любушка — девушка милого нрава, с очаровательной улыбкой и ямочками на щеках — не имела врагов: все любили ее в театре. Разве только заезжие актрисы, проникнутые чувством собственного величия, не замечали ее. А она смотрела на них с обожанием и знала все их роли наизусть. Иногда на репетициях замещала очередную приезжую красавицу. Мало ли чем может быть занята заглянувшая ненадолго в их захолустье похитительница мужских сердец? Только хотелось не замещать, а играть самой.

Как нередко бывает в актерском мире, помог счастливый случай. Любушке было тогда лет восемнадцать. В город приехала на ангажемент мадам Загорецкая — дама капризная и неуравновешенная. Актеры ее не любили и травили исподтишка. Антрепренер злился, капризы актрисы изводили и его. К несчастью, ее местный покровитель — первый богач города — желал видеть Загорецкую не только на сцене, но и в своем доме.

В этот вечер играли веселый водевиль. Обычноые спектакли не вызывали всеоб-

щего интереса, на водевилях же театр был почти полон. И вот за полчаса до представления выяснилось, что госпожа Загорецкая отказывается выходить на сцену, по причине грубого с ней обращения. Обращение антрепренера с актерами и в самом деле доходило до грубости, однако с Загорецкой такого не допускал. Мадам Загорецкая решила этот вечер посвятить ловле богача в свои сети.

Переполох среди актеров поднялся невообразимый. Любушкин благодетель Смирнин, как всегда еле державшийся на ногах, орал:

— Примадонна вшивая ваша Загорецкая. Называет меня мазилой немазанным. А я так скажу: моя Любушка сыграла бы не хуже. Не хуже, говорю я.

— Ну что вы, Сил Васильич, разбушевались? Скажите об этом Климентию Петровичу, — подхихикивал над художником Шумов, местный герой-любовник.

— А и скажу. Всем скажу: вы в подметки моей Любушке не годитесь!

Художник изошелся в крике, остановить его не могли, или не хотели. Крик добрался до ушей Климентия Петровича, и тот, немного поразмыслив, повелел:

— Быстро одеваться! Нет времени на разговоры.

Через несколько минут раскрылся занавес, и водевиль поплыл по театру, приукрашенный молодой и зажигательной героиней. Аплодисменты не прекращались, а после представления Климентий Петрович вызвал Любу к себе и многозначительно произнес:

— От мадам Загорецкой посыльный прибыл: она уехала с Акинфием Силантьевичем. И хорошо. Заменишь ее. На афише напишем, — антрепренер немного подумал и, проведя рукой, будто по афише, произнес,— Любовь Светицкая!

Так маленькая закулисная девчонка стала первой актрисой театра. Потом были другие театры: в Курске, Тамбове, Туле, Саратове. Всю Россию объездила Любовь Светицкая. Сначала играла в водевилях, скоро почувствовала, что водевильное легкомыслие не для нее. Ей хотелось трагических пьес, в которых можно передать внутренний мир персонажа. Особенно серьезно задумалась об этом, оказавшись на спектакле Большого театра. Она приехала в Москву в надежде получить место в казенном театре. Надежда чуть грелась, поскольку ни связей, ни средств не было, хотя за плечами стояли восемь лет непрестанной работы над собой. Не пойти в один из лучших театров страны провинциальная актриса не могла.

Театр поразил размерами и роскошью. На фронтоне здания мчится Аполлон на колеснице, запряженной конями. Кажется: еще мгновение, и унесется всадник в самые небеса и, даже ее, Любу, унесет к подружкам-музам. Войдя в зал, она оказалась среди резных и лепных пышных украшений и богатых кресел. А над головой, словно сказочный мир расположился в плафоне. Там, высоко-высоко прекрасные музы ведут хоровод. Как бы хотела Любушка подружиться с ними, а более всего с музой трагедии Мельпоменой, зовущей к серьезному взгляду на мир. Наверное, ею вдохновлена и картина, расписанная на огромном занавесе. В торжественную минуту встречают горожане русских воинов, предводимых Мининым и Пожарским. Все окружение, в которое окунулась молодая актриса, говорило о торжественности и вызывало серьезные раздумья.

Давали оперу Даргомыжского «Эсмеральда». Завороженная музыкой и событиями, переживала Люба происходящее на сцене. Влюбленный в Эсмеральду Клод Фролло пытается похитить девушку, развлекающую парижан песнями и танцами. Ее защищает молодой офицер Феб. Эсмеральда любит Феба, однако Фролло, ее враг и губитель, ранил офицера в схватке. Эсмеральде же угрожает: либо погибнешь, обвиненная в покушении на капитана, либо подаришь свою любовь. И кому? Клоду Фролло, ненавистному синдику.

Плакала Люба, музыка перевернула ее душу. Хотелось слушать и слушать. А какие декорации — площадь, словно настоящая, перед собором Богоматери! Какие

костюмы! Никогда у нее ничего похожего не было. А ведь что такое костюм? Это важная деталь к образу. Долго потом представляла Любовь себя в роли Эсмеральды. Она бы прожила на сцене так, что зрители обязательно поверили бы в реальность происходящего. Надо жить на сцене, а не играть. Так думала и чувствовала всем сердцем Любовь Светицкая.

Тогда ее в казенный театр не приняли. И продолжились поездки по стране. Только теперь ее роли глубоки и психологичны. Виолетта Валери в пьесе «Дама с Камелиями» Александра Дюма, Джильда Виктора Гюго из пьесы «Король забавляется», Жанна Д`Арк из пьесы Шиллера «Орлеанская дева», Офелия — несчастная подруга шекспировского Гамлета.

Помнила она завет первого актера Малого театра Михаила Семеновича Щепкина: играть без фальши. Такая игра магически действовала на зрителей, поскольку выливала на них чувства искренности и правдивости. Прошли еще четыре года неустанного труда, и получила она приглашение в Москву в Малый театр.

Теперь Любовь Ивановна обрела квартирку и приличное содержание. Ежедневно к подъезду дома подъезжала казенная карета, в которой ее отвозили в театр. Не большие удобства, но все же голова освобождалась от необходимости думать о завтрашнем дне, что давало возможность для развития творчества. Грибоедов, Гоголь, Островский, Достоевский — ей были предоставлены лучшие пьесы и лучшие роли, которые она проживала на сцене. Казалось, что все происходившее с ее героинями, случается с ней самой. Особенно близок ей был в это время Достоевский, произведения которого наполнены искуплением и страстным покаянием.

Она училась у известного актера Малого театра Прова Михайловича Садовского создавать психологические портреты своих героинь, тщательно работать над текстом роли. Каждый персонаж великого актера особо говорил и держался, и ей хотелось добиться того же. Два года совместной работы с мастером были для нее счастьем. Его смерть актриса переживала как личную потерю.

Тогда же пришла любовь. Поздно пришла и потребовала отказаться от театра. Разве это можно? Любовь Светицкая жила театром. Отними его — все равно что воздух отнимешь. Николай Петрович желал, чтобы будущая его супруга отказалась от звания, которое, по его строгому разумению, многими считалось не вполне приличным.

— Коля, разве тебе не нравится моя игра? Разве ты не переживаешь, когда я на сцене?

— Нравится, Любушка. Но не могу я видеть, что на тебя смотрят как на легкомысленную особу.

— По моим ролям можно сказать, что я легкомысленная?

— Нельзя. Только не все думают о твоих ролях.

— Но ты же сам говорил, что полюбил меня за игру проникновенную!

Оба мучились, и договориться не могли. Когда же в Сербии началась война против турок, Николай Петрович в числе добровольцев отправился на Балканы защищать славян и сражаться в рядах русских войск против турок. Там и погиб через два года. В последнем письме Николай Петрович писал: «Любушка, счастье мое светлое! Здесь в кровавой сумятице и неразберихе понял я, как был не прав. Театр — жизнь твоя, и я не имею права этой жизни мешать. Я хочу быть рядом с тобой и переживать наше счастье. Знаю, как больно ты восприняла мой давнишний отъезд и как беспокоишься обо мне. Не волнуйся, родная, ничего со мной не случится. Вернусь, и заживем мы с тобой. Обязательно счастливо! Здесь я понял: совсем неважно, что думают другие, главное, что думаем мы с тобой».

Пережила гибель Николая Петровича стойко. Театр помог. Обходили ее стороной сплетни и закулисные игры. Умела она выбирать людей для общения. Годы летели — трудные, наполненные радостями, приобретениями и победами. Любовь Ивановна

видела: настойчиво входят в жизнь театра молодые актеры. Они совсем не похожи на прежнее поколение: хорошо образованные, прекрасно воспитанные. Недавно пригласили ее в Общество искусства и литературы на спектакль «Скупой рыцарь». Старого скрягу играл, оказывается, совсем молодой актер, почему-то недовольный тем, что он делал на сцене. Да как он это делал! Любовь Ивановна видела таких стариков в жизни.

Потом этот же молодой человек, которого все уважительно называли Константин Сергеевич, пригласил ее на «Бесприданницу» Островского. Играла в спектакле Машенька Ермолова, которую Любовь Ивановна почитает за лучшую актрису Малого театра. Она помнит, как несколько лет назад Мария Николаевна сыграла Лауренсию в спектакле «Овечий источник». Кажется, автор пьесы Лопе де Вега ничего такого героического не писал, а Лауренсия Ермоловой всех вдохновила на борьбу с угнетателями. Потому спектакль быстро сняли. Власти заподозрили в нем призыв к восстанию.

Восхищение же актрисой у нее, как и у многих других, росло. И она бы тоже протестовала против угнетения, пропитавшего всю жизнь. Угнетение, к сожалению, ощущается и в любимом театре. Только сил для протеста у Светицкой нет. Теперь же в образе бесприданницы Ларисы она увидела не столько метущуюся от безысходности женщину, сколько женщину, протестующую против отношения к ней как к роскошной вещи и глупой пустышке. Да, думала Любовь Ивановна, в Малом театре выросла великая актриса, занявшая свое место по праву таланта.

Поздно вечером, перебирая в памяти увиденный спектакль, думала Любовь Ивановна о том, что изменилось в русском театре. В него пришли новые люди. Они уже не хотят играть поодиночке, им для полного проникновения в образ и в идею спектакля нужен слаженный актерский ансамбль, нужен человек, который бы этим ансамблем управлял.

Говорят: актеры — несчастные люди. Она — счастливая. Всю жизнь занималась любимым делом. Прошла трудный путь и пришла к его концу, сознавая: после нее есть кому взять на себя актерский труд. Она может уйти спокойно, да и пора уже. Пожила на белом свете. Там — далеко в вышине — ждет ее Николай Петрович, понявший, в чем ее назначение.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

Витюшка Симонов появился у нас после зимней сессии на втором курсе. Мы ждали начала первой после каникул лекции по патанатомии в так называемом «греческом зале». Название это было придумано нашим братом — студентом полукруглому лекционному залу с ярусами рядов столов и скамеек, уходивших вверх от доски и трибуны лектора.

Все уже привычно рассаживались по своим облюбованным местам. Девушки оживленно щебетали, обмениваясь впечатлениями от отдыха. Кто-то уткнулся в ходивший по рукам затертый номер роман-газеты с напечатанным вдруг «Одним днем Ивана Денисовича»... Оставалось буквально несколько минут до начала лекции, когда в зал вошел среднего роста, в тщательно отутюженном, элегантном, новом синем костюме незнакомый нам жгучий брюнет с ровно уложенными набок, в пробор, волосами на голове, с легкой усмешкой на выбритом до синевы лице с правильными славянскими чертами. На вид ему можно было дать лет двадцать пять — двадцать шесть, то есть он оказался старше нас — восемнадцати-девятнадцатилетних.

Все, особенно наши девчонки, как-то притихли, повернув с интересом свои любопытные носики в его сторону. От новичка исходила столь ценимая женщинами в мужчинах внутренняя уверенность в себе в сочетании с природной интеллигентностью и загадочностью.

Незнакомец первым непринужденно протянул свою руку известному разгильдяю и любимцу курса Славе Шабанову, стоявшему у входа в зал. Тот с удовольствием пожал ее:

— Позвольте представиться — Славик... А вы какими судьбами будете в наш вертепчик?

Новенький оценил славикову непосредственность и шутливый тон, тем более, что за действом наблюдало с интересом большинство присутствующих:

— Виктор Николаевич Симонов, ваш покорный слуга и новый однокашник... Перевелся после восстановления из Новосибирского мединститута. В силу ряда независящих от меня обстоятельств пребывал пару лет в академотпуске... Ваш ректор, как истинный интеллигент, в отличие от новосибирского, проявил понимание моей трудной судьбы и подписал приказ о восстановлении. Будем вместе грызть гранит нашей альма-матер! — представился новый студент. Славик продолжил в том же духе:

— Позвольте вам представить некоторых наших коллег... Машенька Белогривова — наш эрудит и большой душевный стоик. Но приемлет иногда, в хорошей компании, «червивочку», но только из духа противоречия,— при этом Шабанов прижал свободной рукой к себе выступающим мягким боком пышногрудую, невысокую, захихикавшую Белогривову. Витюша расплылся в обворожительной, сдержанной улыбке:

— Рад, очень рад вашему соседству...Я, знаете-ли, по душевному складу больше эстет, как, видимо, и вы... Думаю, найдем точки соприкосновения...

— А это — Натали,— поймал за руку Славик только-что вошедшую в зал высокую, с орлиным носом, объемным, но плосковатым бюстом, туго обтянутым грязновато-серого цвета свитером навыпуск, девушку.— Очень оригинальная женщина, и в некоторых ситуациях просто незаменимый товарищ...

Натали, тоже недавно «восстановленная» после академотпуска, своим цепким, оценивающим женским взглядом прошлась по Симонову сверху вниз, протянула руку:

— Мерси, Славик. Ты, как всегда очень мил... Будем знакомы — Натали...

— Виктор,— скромно промолвил новичок, несколько задержав руку девушки в своей ладони с длинными, тонкими, аристократическими пальцами.

В это время в зал вошел профессор Запрудин — седой мужчина неопределенных лет, с красным, покрытым звездочками от лопнувших подкожных сосудов, лицом. Он был уважаем студенческой братией за чувство юмора и отходчивый характер. На его лекциях в «греческом зале» можно было, если сядешь на задних рядах, заниматься всем, чем угодно: от просто поспать, улегшись с ногами на сидение, подсунув под голову портфель или куртку, до игры в покер вперемежку с распитием дешевого яблочного вина — «червивки», покупаемой обычно в гастрономе через дорогу от учебного корпуса.

При появлении Запрудина все расселись по своим местам. Наиболее примерные, с первых рядов, раскрыли тетради, приготовившись слушать лектора.

Виктор Николаевич в сопровождении Шабанова и Натали, неторопливо прошел на задние ряды, где и расположился, даже достав из черного, еще нового дипломата новую общую тетрадь. Внимание сидевших рядом с ним девушек привлекла необычная импортная авторучка, которую он с деловым видом вынул из бокового кармана костюма. Когда ручка лежала горизонтально — под прозрачным плексигласовым стеклом в ее центральной части вырисовывалась изящная цветная фигурка симпатичной японки. Когда Виктор Николаевич взял авторучку в руку, придав ей вертикальное положение, японка вдруг начала полностью раздеваться, представ с обнаженной грудью, животом и так далее. Симонов с улыбкой дал Славику и Натали поиграться с забавной заморской штуковиной, с улыбкой наблюдая за их веселой реакцией.

Девушки курса, особенно самые серьезные, учуяв в новичке солидного потенциального жениха, две пары лекций подряд группками оживленно обсуждали появление Виктора Николаевича в нашем коллективе, время от времени бросая в его сторону заинтригованные, со скрытым значением взгляды. А, он, делая вид, что не обращает на это никакого внимания, казалось, слушал лектора, и иногда даже делал какие-то пометки в тетради.

Две последующие недели, ведя себя таким же образом, таинственный Симонов обрастал все более привлекательными качествами в глазах, в первую очередь, прекрасной половины нашего курса. Все знали, что он не курит, никогда не ругается матом в силу своей природной интеллигентности. Что он предельно внимателен и деликатен с дамами, с ним можно интересно поговорить на любую тему, что он увлекается живописью... А Шабанов по секрету сообщил, что Виктор Николаевич коллекционирует иконы, сам иногда пишет и даже выставлялся где-то в Москве со своими картинами; что он разведен, был женат на дочери генерала КГБ, а сейчас живет неизвестно где, но не в общежитии...

Все эти пикантные подробности в глазах наших однокурсниц выделили его среди нас — неопытных мальчишек, которые, конечно-же, не могли составить Симонову никакой серьезной конкуренции.

Надо сказать, мы — парни тоже не были на него в обиде, так как он оказался

коммуникабельным, общительным товарищем. А это очень ценилось в нашей среде. Обладал острым умом, любил пошутить при случае, понимал юмор, и, кроме того, относился к окружающим — и студентам, и преподавателям снисходительно, легко прощая человеческие слабости.

Первая неожиданность, заставившая всех по-другому взглянуть на этого человека, случилась в общежитии по прошествии двух недель после первого появления Виктора Николаевича.

Однажды утром один из наших сокурсников попытался выйти из своей комнаты в тесноватый коридорчик секции, состоявшей из четырех комнат. К его удивлению он не смог сразу открыть дверь, что-то достаточно тяжелое препятствовало этому снаружи. С трудом, с помощью соседа удалось все-таки отжать дверь и это загадочное, невидимое изнутри что-то.

Каково же было их удивление, когда, наконец, выскользнув в полуоткрытую щель двери, сотоварищи обнаружили на полу коридора лежавшего Симонова. Они не сразу определили Виктора Николаевича в свернувшемся в клубочек на боку, одетом в мятый, местами непотребно испачканный костюм, человеке с сильно всклокоченными волосами на голове, с заплывшим от перепоя лицом, что-то бессвязно бурчащем в ответ на их вопросы.

Студенческий уклад жизни всегда подразумевал основной закон: сам погибай, а товарища — выручай! Поэтому парни затащили почти бездыханное тело Симонова к себе в комнату, уложили утомленного на одну из кроватей, а сами вскоре ушли на занятия, оставив его там, в комнате, одного.

Когда через четыре часа, на большом перерыве, ребята вместе с другими соседями по секции вернулись к себе в общежитие, то обнаружили, что Виктор Николаевич успел не только очнуться, прийти в себя, но и опохмелиться «червивкой», сбегав за ней в любимый всеми студентами гастроном «Приветливый», функционировавший под боком у студенческого общежития. Четвертый семестр в мединституте не зря прозвали «золотым». После крайне плотного, загруженного анатомией, анатомичкой, физиологией, биохимией, другими сложными и новыми для вчерашних школьников предметами, после тяжелейшей зимней сессии, где по всем ним сдавали экзамены, начинался ненапряженный в плане учебы, для многих критический четвертый семестр.

Именно во время его студентки-отличницы и комсомольские активистки, сбросив прессинг знаний, вдруг обращали внимание на своих, таких же зачуханных учебой однокурсников, которые, естественно, не медлили с адекватным ответом.

И походы в читальные залы библиотек заменялись походами группой в кафе, или в канун получения стипендии — в ресторан. Если же денег сегодня оказывалось недостаточно для этого, то слали гонцов в «Приветливый» за «червем» или «чернилами» и веселились прямо в общежитии. Коллективное веселье иногда затягивалось до утра, иногда до утра следующего дня, а наиболее стойкие и заводные погрязали в бытовом пьянстве на неделю, бездумно пропуская напропалую занятия.

То, что «русский интеллигент» Виктор Николаевич Симонов, опохмелившись сам свежим «червем», как истинный джентльмен, приготовил для гостеприимных хозяев комнаты и их соседей несколько бутылок вина и раскрыл две купленные в «Приветливом» банки с национальным студенческим блюдом под названием «Кильки в томате», было воспринято товарищами крайне одобрительно. Все с удовольствием стали искать по комнатам пустые стаканы. Откуда-то выплыла даже Натали, без которой редко когда обходились подобные мероприятия в общаге.

Виктор Николаевич, блестя своими слегка красноватыми, выпуклыми, темно-карими глазами, излучая оптимизм и уверенность, несмотря на колючую, несбритую щетину, которая только придавала ему особый шик, скромно предложил первый тост:

— Друзья, прошу извинить за нежданное вторжение в вашу тихую обитель... Просто вчера как-то сорвался... Получил повестку от судебного исполнителя, что пришло время платить задержанные алименты моему гнойничку... то есть сыну, который воспитывается в приличной генеральской семье в Новосибирске...— пояснил он, произвольно меняя рукой расстояние от пола, иллюстрирующее возраст и предполагаемый рост ребенка.— Он у меня уже такой большой вырос, вот такой... или, пожалуй, такой... Нет, все-таки, видимо, несколько ниже будет ростом...

Народ дружно заржал этой его неприхотливой шутке, внимательно улавливая остальные подробности.

— Так вот, собрал я двадцать рублей — это мой отцовский долг перед генеральской дочкой из расчета неполучаемой стипендии, за полгода по алиментам, понес деньги на почту отправить перевод в Новосибирск... И надо же на досаду по пути встретился «Приветливый»... Заглянул туда — а там привезли свежую «червивку» по рубль ноль две — за бутылку... Взял на пробу, принял, и понеслось... Очнулся ночью в какой-то незнакомой квартире с незнакомкой под боком в постели... Славная, душевная женщина оказалась, но возраст... Чем-то напомнила мне мою бывшую тещу по первому браку... Поэтому кое-как от нее выбрался и сбежал... Так выпьем же, дорогие друзья, за наших горячо любимых дам! Как говорил один знакомый грузинский князь — за тех, которые дают и не увядают!

Он залпом опрокинул стакан с вином, занюхал корочкой черного хлеба, вилкой подцепил из банки тонюсенькую спинку кильки. Расправив ее на кусочке хлеба — с аппетитом заел:

— Что может быть лучше студенческого бутерброда?

Все остальные, также дружно приняв по стакану «червя», задумались над этой загадкой, но Виктор Николаевич не заставил долго томиться в неведении:

— Лучше кильки в томате — только салака с хлебом с горчицей! — подняв вверх испачканный палец, изрек Симонов.— А теперь давайте поднимем наши бокалы за милых боевых подруг! За тебя, Натали!

При этом Виктор Николаевич заботливо поправил сидевшей рядом Натали неровно завернувшийся воротничок ее легендарного свитера. Та расплылась растроганно в улыбке, и предложила:

— Может, выпьем на брудершафт, Витюша?

— С удовольствием, Натали. Это будет честью для меня.

Под восторженные крики и свист они опрокинули до дна свои стаканы с вином и слились в долгом, затяжном поцелуе с некоторыми элементами эротики. Закончив эту приятную процедуру, Симонов усадил Натали к себе на колени, по новой наполнив стаканы.

— Как говорят в нашем славном русском народе: первая рюмочка — колом, вторая — соколóм, а остальные — мелкими пташечками! Поехали, друзья! Вперед, за знаниями, как учил нас Владимир Ильич Ленин и учит Мария Абрамовна с кафедры философии!

И поехали! Конечно, на последующие занятия многие не пошли. С легкой руки Симонова покатил загул, каких еще не видела общага! Человек пятнадцать беспробудно пили в течение четырех дней, выходя из секции только за тем, чтобы сбегать за вином в «Приветливый».

На пятые сутки к утру все было допито и пропито. Деньги у всех кончились, но жутко болели головы от принимаемого почти без закуси «червя». Обнадежил радостный возглас из угла Саши Зейнутдинова:

— Нашел! Ура, нашел! Я же помню, что у меня была в заначке трешка... Вот она!

Он радостно размахивал найденным денежным знаком. Но пропивать его просто так, без куража, не хотелось. Да и на всех явно не хватало такой скромной суммы, так как «больных» насчитывалось не менее десяти человек. Кто-то предложил:

— Пусть эта трешка достанется тому, кто голым пройдет до конца общежитского коридора и вернется назад...

Предложение даже тогда кое-кому показалось, мягко говоря, странным. Но слово — не воробей. Раз глупость сказана — давать задний ход было не в традициях студенческих пирушек тех времен, как-бы эксцентрично или цинично это не выглядело. Решили, что испытуемый должен будет в совершенно голом виде, сняв с себя все, как в бане, дойти от дверей секции, расположенной в одном конце коридора, куда открывалось еще не менее десятка таких же дверей, до другого конца, где начиналась лестница, ведущая на другие этажи.

— Ну, кто желает сыграть!? — глаза Витюши светились беспокойным огнем. Все как-то потупились, ощутив необычность и определенную циничность ситуации. Хотя в этот утренний час большинство студентов и, что особенно важно — студенток находились на занятиях, встретиться с кем-то из них в голом виде никто не хотел.

Симонов не заставил себя долго ждать. Притворно вздохнув, он начал раздеваться:

— Что ж, опять вся тяжесть ложится на мои хрупкие плечи... Но договор — дороже денег...— он уже снял с себя все. Абсолютно все, оставив только болтающийся на голой шее модный в те времена синий галстук в красную полоску.

Под хохот и улюлюканье товарищей, в их сопровождении, не спеша, Симонов пошел по пустому коридору общежития. Дошел, никого не встретив, до другого конца. Там, не торопясь, под шутки собравшихся развернулся и направился назад.

Но у двери первой же секции нос к носу в буквальном сиысле этого слова столкнулся с Мариной Ивановой — комсоргом курса. Та смотрела сначала только в глаза Виктору Николаевичу, видимо, ошеломленная запахом перегара, исходившего от него. Марина была ленинской стипендиаткой, скромницей, как называл ее декан на комсомольских собраниях, «гордостью курса». К тому же она ни с кем из ребят не дружила, славилась своей девичьей неприступностью, что вообще-то можно было объяснить непривлекательностью ее прыщеватого лица в массивных очках с толстыми линзами, и корявостью рано располневшей, видимо, от многочасового сидения над книгами фигуры. Да, еще поговаривали, что она главный «стукач» деканата на нашем курсе... Так вот, первое, о чем спросила Иванова, было:

— Симонов? Это вы? А, почему не на занятиях?

Виктор Николаевич обаятельно и интеллигентно, как мог это делать только он, улыбнулся :

— Я-то понятно, почему... А вот вы — Иванова, ленинская стипендиатка — а прогуливаете?! Нехорошо, буду ставить вопрос о вашем поведении на очередном комсомольском собрании...

— Я заболела, поэтому и не смогла пойти, у меня справка есть,— стала сбивчиво объяснять Марина, затем ее четыре глаза подслеповато посмотрели ниже того места, где на голой шее у Симонова висел галстук.

Под обвальный дикий хохот присутствующих она в растерянности какое-то время в недоумении рассматривала витюшины обнаженные органы, которые до этого, наверное, видела вот так, вблизи, только в больших стеклянных банках с раствором формалина в анатомичке.

— Ах, Симонов... Это как понимать?!— оторопев, ахнула ленинская стипендиатка.

Затем, по словам очевидцев, ее лицо залила пунцовая краснота. Чуть было не упав, зацепившись за порог, Марина рванула назад, в свою секцию.

Виктор Николаевич не спеша поправил съехавший набок галстук на шее, обворожительно улыбнулся и пошел дальше по маршруту, не проявив ни малейших признаков торопливости. Только бросил через плечо вслед сбежавшей комсомольской активистке:

— Я всегда говорил, что половое воспитание молодежи нужно начинать со школьной скамьи...

Вернувшись в «свою» секцию, Симонов оделся, забрал причитающуюся ему трешку, пожал всем руки и попрощался:

— Сожалею, но есть кое-какие неотложные дела. Накопились, знаете-ли, за эти напряженные деньки... Вынужден вас покинуть... Желаю удачи...

Март. Мы — студенты-второкурсники сидим на практикуме на кафедре патфизиологии на первом этаже учебного корпуса. Работаем уже полтора часа самостоятельно: режем, мучаем бедных лягушек, прикрепляем к их истерзанным лапкам электроды... Их зеленые, подопытные, безропотные тела отрешенно дергаются теми или иными местами, когда пропускаем через них электрический ток.

Скучное занятие, но делать нечего — надо выполнять учебную программу. Виктор Николаевич на этом цикле появился только единожды — на первом занятии. Поулыбался, мило побеседовал о всякой ерунде, не имеющей отношения к медицине, с нашим преподавателем — дородной, моложавой, не утратившей женской прелести брюнеткой с благородными, породистыми чертами лица. Потом исчез до сегодняшнего дня. Мария Ивановна — наш педагог, как-то поинтересовалась — куда подевался Симонов? Шабанов, ставший правой рукой Виктора Николаевича, разъяснил, что тот якобы отбыл в Москву в связи с нежданной кончиной любимой тети. Наши девушки, слышавшие эту байку про несчастную тетю на предыдущем цикле, тихо захихикали в кулачок.

А Мария Ивановна, как интеллигентная женщина, определившая в Симонове такого же убежденного интеллигента, поверила.

Сегодня шло предпоследнее занятие по патфизиологии, следующее будет зачетным.

За широкими окнами учебной комнаты виднелось серое небо. Несмотря на март, на улице холодно, слякотно, сыплет мокрый, крупными хлопьями снег. Иногда безлистые, не оттаявшие после зимней стужи ветви деревьев во дворе наклоняются от налетающих порывов ветра.

Всем скучно от надоевшей возни с подопытными лягушками, от безрадостной погоды на улице, от того, что до дня выдачи стипендии осталась еще неделя, а деньги у большинства закончились.

Мария Ивановна, иногда не выдерживая, скрывает ладонью приступ зевоты. Она сидит за столом, что-то тихонько почитывает. Если у кого-то возникают затруднения с проведением опыта — негромко поясняет.

В комнате тепло, я начинаю ощущать, что еще минута — и усну. Тягостная дремота предательски заползает в голову, от этого слабеет тело.

В этот момент Люська Винникова, моя соседка по столу, которой я элегантно доверил проведение всех издевательств над бедными зелеными существами, достаточно чувствительно толкает локтем в бок и шепчет:

— Посмотри, кто там заглядывает в окно?

Поворачиваю голову и вижу за стеклом улыбающееся лицо Симонова. Он что-то говорит, но нам не слышно, жестикулирует, показывая на ручные часы. По учебной комнате проносится тихий смешок, возникает оживление. Растрепанная, без шапки голова Витюшки исчезает.

Через несколько минут в дверь раздается тихий, но настойчивый стук. Мария Ивановна замечает этот чужеродный звук, отрывается от книги, поворачивает свою

красивую голову в сторону выхода. Дверь со скрипом приоткрывается и появляется Симонов. Появляется только наполовину, своей верхней частью туловища, ноги остаются за дверью, в коридоре.

На нем наброшенный впопыхах, отнюдь не белый, а серовато-грязный халат. Он улыбается своей обворожительной интеллигентной улыбкой на небритом, поэтому заросшим темной щетиной лице. Глаза его возбужденно блестят, как у гриппозного больного.

— Мария Ивановна, извините за нежданное вторжение, опоздал...Знаете-ли, был на похоронах любимой бабушки в нашей златоглавой... Пришлось задержаться,— лепит «туфту», как говорит Ваня Коптелкин — наш одногруппник, который, кстати, как и все остальные с интересом наблюдает, что произойдет дальше. А сейчас кажется, вот-вот — и Симонов расплачется, столько неподдельного горя в его словах. Мария Ивановна не замечает даже, что вместо тети, заявленной ранее, почему-то умерла бабушка, или делает вид, что не замечает.

— Да, Симонов, я в курсе. Заходите, может, успеете выполнить самостоятельную работу,— разрешает преподавательница, вновь уткнувшись глазами в книгу, лежащую в полуоткрытом ящике стола. Интересно, что там у нее — детектив или любовный роман?

В этот момент Виктор Николаевич успевает вписаться, пройти в помещение и нижней частью своего тела. Быстренько проходит до ближайшего стола, садится рядом с Шабановым.

Вся группа начинает заходиться в скрываемом смехе. Это связано с тем, что Симонов пришел на занятие... босиком. На его ногах нет отличных новых импортных ботинок, которые так восхищали некоторых наших девушек. На полу остаются мокрые следы от его несвежих, грязных, правда, шерстяных носков.

Люська толкает Виктора Николаевича в спину:

— Витюша, а где ботиночки? Или на улице резко потеплело? — ехидно интересуется она. Симонов с невинным лицом объясняет шепотом, но слышно всем близко сидящим:

— Понимаешь, когда садился в Москве на поезд, ботинки, точно помню — были на ногах. После поминок страшно сушило в горле, а деньги кончились. Делать нечего — предложил соседу по купе свои ботинки за две бутылки водки. Он согласился, с ним же и распили... Он вышел в Сафонове, а я не помню — спал... Утром, в Смоленске проводник будит — вставай, дружок, приехали, выходить пора... А ботиночки-то уже сошли раньше, вместе с соседом... Делать нечего — вышел в носках, выпил пивка в привокзальном ресторане — и скорее сюда, на занятия...

Народ давился потихоньку от хохота. Все уже давно поняли, что Симонов — законченный алкаш, но интересен, черт возьми, неординарен в своих выходках, веселит всех. И, видимо, не только нас — студентов, но и преподавателей. Они тоже люди, не лишены чувства юмора.

Мария Ивановна как-то легко, по-женски принимает, а вернее, прощает Витюше большинство пропусков по циклу и ставит зачет. На отработках они беседуют о современной литературе, живописи, моде на женскую одежду... Об этом нас информируют девчонки, которых не тех же отработках Мария Ивановна спрашивает, и исключительно только по теме. Они с завистью не понимают, как Симонов может «уговорить Марью».

А вот, может. Такой у него дар...

В этот же день изучение патфизиологии Симонов и Шабанов завершили походом в баню (нашли где-то старые ботинки у сердобольной лаборантки кафедры!), где посещения парилки сочетались с распитием пивка и водочки, закусываемых килькой пряного посола, купленной в банном буфете.

Своеобразным было отношение Симонова к женщинам. Он любил, смакуя, например, вспомнить о своей встрече с москвичкой — женой солидного партноменклатурщика, с которой случайно познакомился в метро во время одного из своих вояжей в столицу. Как-то на одной из лекций, будучи в хорошем подпитии с утра, развалившись на сиденье, он с пафосом зачитывал под хохот соседей пришедшее письмо от своей наивной подружки:

— ...Ага, значит пишет так: «Милый мой Виктор... После того, как ты уехал, я трое суток не могла прийти в себя... Ходила, как во сне, по квартире, вспоминала наши свидания на даче, за городом...» Я у нее там жил две недели,— пояснил Витюша, прихлебывая из одноразового бумажного стаканчика «червивку» из бутылки, захваченной по пути на лекцию запасливым Славиком Шабановым.— Дача, скажу я вам — класс, двухэтажная, кирпичная, мебель вся старинная, холодильник битком был набит закусью и напитками, впервые попробовал шотландское виски... Мужик у нее в международном отделе ЦК работает, хлопотное занятие, сплошные командировки... Не знаю, чтобы его жена делала, если-бы не наша роковая встреча в метро... Женщина — замечательная, вот пишет дальше: «...Только с тобой, мой милый, я познала, что такое — настоящий мужчина... только с тобой узнала цену настоящему женскому счастью...». Вот так-то, настоящее счастье со мной человек испытал, да к тому же денег одолжила на дорогу, на первое время... Муж у нее хорошо зарабатывает... Пишет, что скоро он снова улетит по заданию партии на три дня во Францию, приглашает в гости. Придется навестить, пообщаемся...

— Виктор Николаевич, а на пейзажи сегодня пойдем, на природу?— поинтересовался Шабанов, который после полгода дружбы с Симоновым ощутил в себе призвание художника. Даже купил мольберт, и иногда они вдвоем выходили писать пейзажи. Обычно делали это на пригорке возле Успенского собора. Оттуда открывался впечатляющий вид на Днепр, и никто не мешал. Чтобы лучше творилось, набирали с собой несколько бутылок «чернил», которые распивали на воздухе.

— Пойдем, Славик, пойдем обязательно... Только, не как прошлый раз, без глупостей, а то опять в вытрезвитель попадешь... Бегай потом — выкупай тебя у ментов, чтобы не сообщили в деканат...— полуобнял приятеля за плечи Симонов.

— Договорились. Обещаю — никаких эксцессов с пассажирами трамвая. Даже если они опять будут к нам приставать...

— Да, уж, они к тебе приставали! Это вы, Славик, допекли всех, начав падать с мольбертом на грязный пол, хватаясь при этом за всех подряд... Вот граждане и сдали вас наряду милиции. Хорошо еще, мне удалось затеряться в толпе, а потом, ранним утречком, проспавшись, с новыми силами я занялся вашим вызволением, заняв у друзей четвертной. Еле уговорил дежурного пожалеть бедного студента-бывшего детдомовца, не отправлять информацию из вытрезвителя в институт... Кстати, где сегодня ночуем? Опять у друзей в общаге?

Проблема с жильем у Симонова с Шабановым появилась трое суток тому назад, когда их выставила из дома разгневанная хозяйка, у которой они квартировали около месяца.

По началу все складывалось у них на этой частной квартире, а точнее — в частном доме, расположившемся в овраге за стадионом, просто отлично.

Вариант был найден по объявлению в газете о сдаче комнаты внаем. Хозяйкой оказалась сорокалетняя, моложавая, не утратившая своей красоты и жизненной силы, вдова, проживающая вместе с восемнадцатилетней дочерью, со слов Славика, тоже не лишенной привлекательности.

Вдова работала продавцом в гастрономе, дочка училась на продавца в ПТУ. В общем, Симонов сразу определил, что в этом доме нет проблем с пищей и всем остальным. По его предложению вместе с хозяйками друзья отметили в «семейном

кругу» свое новоселье. Вечер прошел насыщенно и весело. Витюша играл на скрипке (учился когда-то в музыкальной школе), Славик рассказывал остроумные истории. Было много выпито, и в итоге, утром, друзья проснулись в соседних комнатах в постелях с хозяйками: Виктор Николаевич — с матерью, а Шабанов — с дочкой.

Так дружно, душа в душу, они прожили три недели. Разлад наступил, когда женщины решили на пару дней съездить в гости к родственникам в другой город.

Вернувшись из поездки несколько раньше намеченного, хозяйки застали следующую трогательную картину.

Виктор Николаевич и Слава вместе с Натали и Машенькой Белогривовой, нагие, с помятыми лицами спали в необъятной хозяйской постели среди кучи измочаленных простыней. По комнате были разбросаны лифчики и прочие предметы женского туалета, пустые бутылки из-под вина, грязные тарелки с остатками закуски. Холодильник, всегда плотно заполненный содержимым запасников гастронома, где трудилась хозяйка дома, абсолютно опустел.

Негодованию нагло обманутых женщин не было предела. После непродолжительной, но жесткой борьбы, на улицу, за дверь, был изгнан полуодетый Симонов с разбитым во время выяснения отношений мольбертом в руках, без рубашки, в незастегнутых брюках, в ботинках на босу ногу. Остатки его личных вещей с нелитературными, неинтеллигентными выражениями оказались выброшены следом.

Натали и Маша спешно ретировались самостоятельно, через открытое окно спальни, у одной из них под глазом красовалось малиново-красное, увеличивающееся в размерах свидетельство неосторожного контакта с работниками торговли. Славик — в подштаниках, тщетно пытавшийся отыскать затерявшиеся брюки, босиком выкатился на крыльцо последним. Косо застегнутый ворот его далеко не белоснежной рубашки был оторван с одной стороны, на голове творилось что-то непонятное, наверное, так выглядит прическа утопающего, когда спасатели тащат его за волосы.

Чертыхаясь, подбирая выброшенные вдогонку туфли, разорванные брюки Шабанова, под неистовые крики разгневанных хозяек, друзья были вынуждены капитулировать, отступить к ближайшей пивной точке, где за кружкой светлого, стылого, разбавленного пива немного пришли в себя, твердо решив больше не снимать частных квартир у работников гастрономов.

За трудностями быта Симонов и Шабанов прогуляли целый цикл на одной из кафедр. Спасло то, что на этой кафедре только что был избран новый заведующий, который энергично, с энтузиазмом взялся за освоение новой должности. Первое, что он задумал, было отремонтировать помещения, что и было сделано хозяйственным способом. Оставалось только покрасить стены в коридоре кафедры, но маляров пока не удавалось найти.

Узнав об этих проблемах, Виктор Николаевич с Шабановым предложили покрасить помещение в обмен на проставляемые зачеты по пропущенному циклу.

Заведующий решил рискнуть и согласился, благо другого реального выхода в тот момент не виделось.

Получив банки с краской, кисти, Витюша и Славик решили оформить кафедру вечером, взяв перед заказчиком твердое обязательство точно все закончить к утру следующего дня. Для творческого настроя они по привычке затарились кучей бутылок вина, купленных в всегда перевыполняющем план по реализации «Приветливом». Принимая по ходу дела бодрящий напиток, друзья взялись за дело решительно и, что самое главное, творчески, как и подобает людям художественного склада личности...

Рано утром заведующий кафедрой, пришедший принять работу, открыв кафедральную дверь, обнаружил на полу в коридоре два свернувшихся клубочками, ус-

тавших тела «мастеров» среди кучи разбросанных здесь же пустых бутылок из-под вина и банок из-под краски. Но стены коридора, учебных комнат были действительно неплохо покрашены, дело было сделано! Поэтому, стараясь не обращать внимание на исходивший от с трудом очнувшихся «красителей» дурной сивушный запах, руководитель кафедры сдержал свое слово и, закрыв глаза, проставил друзьям зачеты в подсунутые студенческие книжки. Студенты на радостях отправились в баню, выпаривать из организма остатки нитрокраски. Этот процесс у них затянулся на трое суток, так как Славику родители неожиданно прислали денежный перевод, а в «Приветливый» подвезли свежую партию неплохого «червя».

К концу третьих суток краска на стенах кафедры окончательно подсохла, и тут разразился скандал. Это было связано с особенностями высыхания отечественных красок. Именно к этому времени они мертво зафиксировались на стенах, и в одном месте, причем самом видном, над входом на кафедру, там, где висела вывеска с названием учебного подразделения, сквозь однотонный, светло-коричневый цвет явственно проступили, с каждым часом все усиливаясь, очертания, контуры, а позже — уже и фигура обнаженной женщины, кстати, с привлекательным бюстом, с зазывающим взглядом на лице, которая кокетливо развела свои очаровательные бедра таким образом, что вывеска кафедры оказалась в центре самого интимного места ее прекрасного тела. Взбешенный заведующий метался с перекошенным лицом под скрываемое хихиканье студентов и даже отдельных членов коллектива.

— Приведите ко мне этих шутников! Я с ними разберусь! Я им покажу Третьяковскую галлерею! — требовал он от срочно доставленной Марины Ивановой. Та же только смущенно улыбалась, но ничем не могла ему помочь, так как «художники-передвижники» в это время в очередной раз стояли в очереди в «Приветливом». Разгневанный руководитель нашел каких-то маляров. Те закрасили «Венеру», как ее успели обозвать студенты, над входом, но, когда краска высохла женщина опять проступила на стене. Малярам пришлось повторять процедуру закраски еще несколько раз, и все-равно, если внимательно приглядеться, можно было различить очаровательные контуры незнакомки, которая по свидетельству большинства очевидцев лицом удивительно напоминала Марину Иванову, но без очков. Поэтому некоторые шутники окрестили кафедру именем ленинской стипендиантки Марины Ивановой.

Эта история окончательно допекла деканат. Начиналась весенняя сессия, а у Симонова с Шабановым так и не было зачетов по большинству предметов. По ходатайству комсомольского бюро курса, где, говорят, особенно принципиально выступала товарищ Иванова, приказом ректора друзья были отчислены из вуза.

Шабанов через год, пролечившись в наркодиспансере от алкоголизма, восстановился, и затем закончил институт.

А Виктор Николаевич куда-то бесследно исчез. Ходили слухи, что занялся всерьез живописью, стал выставляться в Москве и за границей на выставках. Кто-то встретил случайно его в поезде, рассказывал, что Витюша намеревался уехать в Америку... Все может быть, все может статься, как любил он говаривать, поднимая стакан, наполненный «червивкой»... Но то, что наша студенческая жизнь поскучнела после его исчезновения — это факт...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ЗААВТОРСТВО

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шарапов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицейскую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

— Все на месте? — спросил полковник Чаров, обводя собравшихся цепким взглядом.— Тогда... Кто вчера дежурил?

В кабинете редактора окружной газеты начиналась очередная летучка, на которой военные журналисты должны были дать оценку свежему номеру печатного органа штаба ЮжВО*.

Обязательное присутствие всех пишущих сотрудников газеты на посиделках — так офицеры саркастически окрестили летучки — Чаров ввел сразу после прихода на редакторский пост. Раньше столь большим коллективом собирались редко, все проблемы, как правило, решала «святая троица» — ответственный редактор, его заместитель и ответственный секретарь, к которым иногда лепилась «четвертая благородица»: партийный босс редакции. Чаров же решительно потребовал демократии, и нынче всяко журналистское перо начинало свой рабочий день с вычитки новой газеты, а на послеобеденных посиделках обязано было дать ее содержанию личную оценку.

Напечатанное, однако, обозревали вяло. Ларчик здесь открывался просто: пока высказывания в целом совпадали с редакторской оценкой, Чаров с обманчиво-сонным видом сидел во вращающемся кресле, в тон кивая желаемым словам и лишь изредка подборматывая: «Правильно мыслите, государственно...»

Но стоило полковнику услышать хоть слово, не вписывающееся в его позиции, как он уничтожающе вперялся в вольнодумца и с чувством изрекал:

— Неправильно мыслите, не государственно... Мало, похоже, я с вами занимаюсь марксистско-ленинской подготовкой...— И далее следовало нудное пережевывание смертельно надоевших сентенций.

---

* Южный Военный округ (вымышленно).

При таком неизменном сценарии посиделок участники их, вполне понятно, старались воздерживаться от чересчур откровенных взысканий.

По традиции, первыми на летучках выступали дежурные по номеру. Вчерашний, майор Альмин из отдела пропаганды и агитации, привычно-бесцветно расставил акценты на всех полосах «боевого листка» — как иронично именовали газету в войсках — и неожиданно вернулся к первой странице.

— Впрочем, на зарисовке «В гости к внуку» хотел бы остановиться подробнее. Здесь неординарный эпизод приезда ветерана-фронтовика в воинскую часть, где служит срочную его внук, изложен буднично-серо, как говорится, не приподнят. Но это-то еще полбеды. Главное — вся дежурная группа пришла в ужас от вопиющей безграмотности автора...

Произнеся последнее предложение, Альмин настороженно покосился на редактора. Нет, Чаров никак не отреагировал на критические замечания по материалу, сохранив сонный вид. Майор воодушевился и продолжил:

— Столько было правки — целыми кусками! А стиль письма — ниже низшего, даже в «дивизионке» такого не встретишь! Я уж не говорю о деталях — эпитетах там и прочем. Да, по моему глубокому убеждению, автор просто не имеет морального права носить высокое звание военного журналиста! Ему вообще не место в газете!

Под раскритикованной в пух и прах зарисовкой стояла подпись капитана Олега Федорова, с полгода назад переведенного в штат газеты — редкий случай! — из строевой части, да еще и прямо с должности командира взвода. С Альминым вместе он теперь служил в «пропагандонском» отделе, где, по команде редактора, журналисты должны были умело представлять черное белым или хотя бы серым. Короче, так ловко врать, чтобы написанное, пусть в первом приближении, но походило на правду. Возглавлял команду «военных сказочников» подполковник Корявин — человек скользкий, старательно избегающий любых конфликтных ситуаций. Он уже с неделю находился в очередном отпуске, и обязанности главного «пропагандиста» временно исполнял тот же Альмин.

Когда он закончил обзор публикации, все журналисты некоторое время молчали. Дело в том, что майор почему-то нарушил неписаное правило газеты: обычно дежурный по номеру не оценивал материалы авторов из своего отдела. Применительно к зарисовке Альмин обязан был ограничиться стандартной редакционной фразой: «Это готовил наш отдел», анализировать же работу Федорова имели право — по желанию — другие журналисты.

«Почему нарушен привычный сценарий летучки? Почему не реагирует Чаров, и не его ли это идея расширения демократии?» — недоумевали присутствующие. Неловкую тишину, повисшую в кабинете, нарушал лишь доносящийся со двора сиплый лай типографского пса Гонорара...

Постепенно все ждущие взгляды уперлись в редакторское лицо. Полковник задумчиво катал остро очиненный карандаш по обширной столешнице, не спеша прояснять ситуацию. Но вот карандаш замер на темной полировке.

— Самокритика — это хорошо,— заговорил «царь и бог» газеты.— Особенно, если бы вы, Александр Валерьевич, с аналогичной принципиальностью разбирали и собственные материалы. Они, смею вас заверить, пока тоже да-алеки от идеала. Одно мне неясно: как вы, сами будучи «на отделе», сию зарисовку к печати-то подписали?

— Не я, не я,— тут же открестился Альмин.— Это подполковник Корявин перед уходом в отпуск пропустил почему-то. Но тут случай беспрецедентный, вот я и...— Не окончив фразы, майор развел руками.

— ...решил отличиться,— подсказал замредактора полковник Аистов.— Зарисовка, конечно, проходная. Только мог бы и промолчать. Автор — коллега по отделу, журналист только начинающий...

— Значит, не мог,— с вызовом ответил Альмин.— Здесь дело принципа.

— Его-то ты как раз и нарушил,— подключился к разговору майор Бессонов из отдела боевой подготовки.

— А хоть бы и так,— пошел ва-банк «пропагандист».— И... что?

— Да напрасно...— только и ответил «боевик».

— Мне интересно иное,— приглушенно произнес начальник отдела писем подполковник Коломчук.— Во-первых, обсуждал ли до летучки Альмин с Федоровым его зарисовку?

— Ни словом, ни намеком,— пояснил бывший комвзвода, видя, что с ответом «принципиальный критик» не спешит.

— Вот это — совсем не здорово,— вклинился редактор.— Вас, товарищ майор, отнюдь не красит.

— Ладно, теперь второе,— вновь взял слово Коломчук.— Вчера дежурным редактором был ваш покорный слуга, так что правилась зарисовка на моих глазах, и насчет «целых кусков» Александр явно хватил через край. Так в чем же тогда «дело принципа»? Бей своих, чтоб чужие боялись? Тут ведь опосредованно и в адрес Корявина упрек: он-то, мол, начальник, куда смотрел?

— Согласен, не стоило так материал громить,— высказался следующим ответственный секретарь газеты полковник Передатько.— Ну, лобовой, ну, без «изюминок», так ведь нужный же по тематике...

— Ну и, может, хватит тогда над проходным материалом копья ломать? — предложил майор Дубцов из отдела партийной жизни.— Был бы смысл...

— Поддерживаю,— присоединился капитан Репьев из отдела авиации.— Я, кстати, об очерке Коломчука хотел доброе слово сказать...

Обсуждение номера продолжилось по накатанной колее.

Но вот редактор задал обязательный для финала посиделок вопрос: «Какие будут вопросы?» И к главному начальнику вдруг обратился сам автор «проходной» зарисовки.

— Товарищ полковник... мне можно? Понимаете, «В гости к внуку» вообще-то писал не я, моего там одна подпись...

— Не понял,— насторожился Чаров.

— Да все просто. Фактуру по этому деду-ветерану я из командировки привез сверх плана. Доложил Корявину — тот сразу как насядет: срочно готовь зарисовку! Пришлось в субботу отписываться. Ладно... В понедельник, с утра, отнес я готовый материал Виталию Сергеевичу, а перед обедом он мне рукопись на стол — швырь! И без обиняков заявляет: это, мол, графоманское убожество, которому в мусорной корзине только и место! Спрашиваю: может, исправить как? Нет, шумит, бредятина подобного рода никакой правке не подлежит!

— Так прямо и сказал? — удивленно перебил Передатько.

— Слово в слово,— подтвердил Федоров.— И вручил... целиком переписанный материал на ту же тему. Больше часа из-за тебя, говорит, бездельник, убил. Учись, как добротно писать надо! Немедленно перепечатай, не изменяя ни единой запятой, и сразу мне — я его уже в секретариате заявил! А с подписью, уточняю, теперь как? Оно ведь получается и не мое вроде, хотя фактуру-то я брал... Может, две фамилии поставить? Корявин наотрез — оставляй одну свою! Ну, мне чужого текста не надо. Забирайте тогда, говорю, вашу рукопись, а я свой вариант в мусорную корзину выкину, раз только там ему и место. Виталий Сергеевич прямо затрясся — и с шипением: «Ты — военный человек?» — «Так точно» — соглашаюсь. «Что такое приказ — знаешь?» — «Само собой...» — «Вот я тебе и приказываю: немедленно перепечатать — и чтобы ни единой запятой! Не изменяя! И свою подпись! Исполняйте!»

— Так. По-моему, это уже никому не интересно. Затянули мы сегодня летучку, пора по рабочим местам,— прервал исповедь капитана Чаров.

— Извините, товарищ полковник,— с внезапным упорством возразил Федоров,— но майора Альмина вы не перебивали, хотя он редакционное «вето» нарушил. Меня же лишаете возможности защититься.

— Ну, хорошо...— нехотя выдавил Чаров.— Закругляйтесь, только в темпе.

— Понял,— коротко ответил капитан.— Не пойму, убей бог, другого. Я ведь выполнил приказ начальника. Незаконный, но выполнил. И теперь меня, за чужие слова,— в грязь лицом! А все вроде как «не заметили»... Так будет ли Альмин и дальше настаивать, что подполковнику Корявину, с его двадцатилетним стажем работы в газете, в ней «не место»? Или, может, Александр Валерьевич сам не в состоянии отличить «добротный», как оценил себя сам наш общий начальник, материал от писанного стилем «ниже низшего»?

Федоров сделал маленькую паузу и подвел резюме:

— Угадайте с трех раз: какая версия — правда? Лично я думаю, Альмин пытался вытереть об меня ноги, дабы самому, за счет критиканства начинающего журналиста и псевдопринципиальности, сорвать мелкий политический капиталец...

Взоры офицеров разом переместились на вчерашнего дежурного. Уши его побагровели. Альмин нервно заерзал на стуле и неуверенно подал голос:

— Ну... Корявин, наверное, торопился перед отпуском...

— Врешь! — вспылил Федоров.— Он зарисовку в секретариат сдал и еще два дня на службу выходил! Не виляй! Говори прямо: нужно гнать Виталия Сергеевича из газеты в три шеи?

Сгорбившись, вцепившись ладонями в сиденье стула, «пропагандист» молчал, что-то очень внимательно рассматривая на полу у ног.

— Кгм,— наконец-то решил внести свою лепту в летучку партбосс редакции подполковник Розов.— У меня вопрос к тебе, Олег. Коль уж ты считал, что твой начальник отдал явно незаконный приказ, почему тогда ты его не обжаловал по команде? Взял бы да и написал на имя редактора подробный рапорт про заавторство...

— Благодарю за «отеческий» совет плевать против ветра,— с сарказмом ответил Федоров.— Обязательно применю в будущем. Альмина же предупреждаю: еще раз так подставит — не посмотрю, что старший офицер,— набью морду!

— Да я... я на тебя в суд подам! — с криком взвился со стула майор.

— Молчать! — властно приказал, тяжело хлопнув ладонью по столу Чаров, и тоже поднялся на ноги.— Летучка окончена! По рабочим местам! Альмин и Федоров — остаться!

Из редакторского кабинета еще долго доносился грозный рык. Однако бывшему дежурному по номеру лишь вскользь попеняли за нарушение негласной традиции, а львиная доля гневных упреков обрушилась на официального автора зарисовки. Главным аргументом был избран тезис, что когда журналиста критикуют собратья по перу, он обязан со вниманием впитывать дельные советы и уж тем паче не переводить стрелки на начальника, выставляя того на посмешище.

По сути, Чаров Федорову вообще больше слова сказать не дал, а закончил многобалльный разнос угрозой, что, мол, если подобное повторится еще раз, придется серьезно подумать, место ли капитану в редакционном коллективе.

Неделю после этих событий Альмин гоголем ходил по отделам и, раздуваясь от гордости, все толковал о своей принципиальности. Мало кто из журналистов соглашался с ним, но вслух предпочитали не высказываться. С Федоровым майор даже здороваться перестал. Офицеры друг с другом не разговаривали, впрочем, продолжая работать за соседними столами.

Однако скандальная история на том не закончилась.

Согласно графику нарядов, ВрИО главного «пропагандиста» вскоре вновь заступил на дежурство по номеру. Пока он вычитывал полосы, внося в них свою и редакторскую правки, Федоров корпел над новым материалом. К восьми вечера, когда в редакции, кроме него и Альмина никого из офицеров уже не оставалось, майор отнес подписанную последнюю полосу в типографию и собрался домой. Но тут капитан неожиданно вышел из-за стола и ключом запер изнутри дверь кабинета. Альмин, оставив в покое шинель, выжидательно застыл возле вешалки.

— Ты... чего? — настороженно поинтересовался он.

— Разве не догадываешься? — с усмешкой просветил его Федоров.— Пора по счетам платить. За «принципиальность». Я ведь тебе обещал, что морду набью, а ты не вник, ходил по всем отделам и опять мне на голову ср...л.

— Ты со мной не справишься! — сорвавшись на фальцет, заявил майор и на всякий случай переместился за свой рабочий стол.— А за рукоприкладство под трибунал пойдешь!

— Так свидетелей нет,— уже без улыбки возразил капитан.— Мои показания против твоих будут, а презумпция невиновности сомнение всегда толкует в пользу ответчика.

— Я... я кричать буду! — с надрывом предупредил Альмин.

— Еще успеешь, пока лучше послушай.— И Федоров присел на край своего стола.— Не столь давно был я в командировке в (офицер назвал краевой центр, входящий в ЮжВО). Там, помимо других частей, ракетная бригада ПВО стоит. Вот ее замполит у меня и выспрашивал: какой это такой Альмин в газете служит? Не тот ли, что тогда-то ракетное училище оканчивал, да как имя-отчество, да не маленького ли роста? Когда же все сошлось, сказал, что учились вы вместе, и ты на курсе носил прозвище Павлик Морозов, потому как всех ежедневно закладывал, и замучились тебе «темные» устраивать, да все без толку...

— Врет он все! — даже не уточняя фамилии замполита, тут же отперся майор.— Давай открывай, иначе...

— Что «иначе»? — переспросил капитан и, встав со стола, принялся не спеша снимать китель и галстук.— Ори громче — может, вахтерша и услышит. Хотя с первого-то этажа до третьего, да через четыре двери, да при подглуховатости... Ты уж лучше защищайся. Мужик ведь вроде, твою мать...

С этими словами Федоров резким движением ухватил собрата по отделу за отвороты кителя и сильно дернул на себя.

— А-ай! — И Альмин распластался животом на столе.

Следующим движением капитан подтянул майора ближе к себе, так, что ноги старшего офицера оторвались от пола. Пригнув Альмину голову, Федоров зажал его шею меж ног и вынул из брюк ремень.

— Тебя бить — только руки марать. Но высечь за подлость край надо.— И сложил ремень вдвое.

Порка сопровождалась грязной руганью и угрозами со стороны наказуемого. Альмин щипался и пытался оцарапать ноги Федорову, приглушенно вскрикивал: «Убью-у-у!» — и все добавлял экспрессивные словосочетания. Младший офицер во время экзекуции не произнес ничего, только в такт ударам с оттягом смачно хэкал.

Преизрядно исполосовав Альмину задницу, капитан наконец отпустил майора, который тут же, обежав стол, кинулся на обидчика с кулаками.

— Н-на! — встретил его Федоров сильным ударом ботинка в пах.

— У-у-у...— взвыл Альмин, складываясь пополам, и боком завалился на пол, прижимая ладони к ушибленному месту.

— Отдыхай пока,— подвел итог экзекуции Федоров.— Заодно и о жизни поразмышляй. Кто-то ведь и пришибить может за подлость.

— Все равно ты сядешь! — всхлипнув, пообещал с пола Альмин.

— Дурак! Хоть капля ума есть — молчать будешь. А, впрочем...

Капитан обреченно махнул рукой и стал надевать китель.

ВрИО главного «пропагандиста» совету не внял: на следующий же день настрочил заявление в военную прокуратуру и рапорт на имя редактора. Эти документы позднее подкрепил копиями акта судмедэкспертизы...

Как ни старался полковник Чаров замять скандальный случай, ЧП получило широчайшую огласку в штабе округа и даже докатилось до Министерства обороны. Над выпоротым майором откровенно потешались; Федорова, не отрицавшего факта «ремнеприкладства», пугали тюрьмой, а у редактора с издевкой выспрашивали про «новые методы воспитания подчиненных», которые творческий спор решают столь нетривиально.

Ну, просто набей Федоров Альмину морду — скажем, по пьяному делу не поделив бабу или сто граммов на посошок, никто бы особо не удивился: что ж, дело житейское. Нет, наказали бы, конечно, и не слабо, но... Но — младшему офицеру высечь ремнем старшего, как нашкодившего пацана? По-озвольте, это уже нонсенс, а где его корни?

Их срочно пытались отыскать одни проверяющие за другими. Прилетали даже два полковника из ГлавПУРа, пребывание которых на южной земле влетело редакции и лично Чарову в копеечку: столичные гости знали толк в хорошей выпивке и деликатесных закусках. Редакцию лихорадило, а редактор последними словами проклинал себя за то, что на летучке, решив «поэкспериментировать», сразу не заткнул рот Альмину, а потом — «из ошибочной демократии» — разрешил до конца высказаться Федорову. Нет уж, демократия истинно хороша, только когда она процветает по соседству, а в своем огороде сорную траву надо вырывать с корнем и немедленно.

И все же по-настоящему Чаров забеспокоился, когда лишь узнал, что капитану-бунтовщику всерьез собираются припаять статью 242 имевшего в то время силу Уголовного кодекса РСФСР 1961 года: «Насильственные действия в отношении начальника» (глава о воинских преступлениях), даже в части первой предусматривающую лишение свободы на срок от двух до десяти лет, а в военное время — смотри часть два — карающую вплоть до смертной казни. Руководителю, подчиненного которого осудят за такое преступление, однозначно потом будет очень трудно усидеть в собственном кресле. Редактор это прекрасно осознавал и потому спешно помчался на секретные переговоры с военным прокурором.

Результатом их явилось рождение датированного задним числом приказа об отзыве из отпуска подполковника Корявина, отысканного и отобранного у родственников. При наличии «живого» штатного начальника проступок Федорова трактовался уже куда менее серьезно, как: «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, при отсутствии между ними отношений подчиненности», статья 244 того же УК РСФСР. Нанесение побоев или иное насилие в этом случае наказывалось значительно скромнее — но, впрочем, тоже лишением свободы: на срок до двух лет.

Переквалификация майору Альмину крайне и абсолютно не понравилась. Он яростно протестовал и даже пытался продемонстрировать военному прокурору свою еще не окончательно зажившую задницу, но был с позором изгнан из служебного кабинета. В редакции вокруг «пропагандиста» образовался вакуум, а от подполковника Корявина высеченный поимел такую словесную выволочку, каковой в жизни еще никогда не заполучал.

Федоров пока числился находящимся в очередном отпуске и под подпиской о невыезде.

В конечном итоге на суде, напоминавшем фарс, капитан получил год лишения свободы условно и, разумеется, был спешно уволен из Вооруженных Сил.

Альмину офицеры редакции объявили бойкот. Руководство печатного органа в нем участия как бы не принимало, но и не пресекало. Бойкотируемый немедля настрочил жалобу на имя начальника Политуправления ЮжВО. Колесо проверок завертелось вновь...

Через какое-то время майора так-таки изгнали из редакции: от греха подальше, коллективу спокойнее. По нелепейшему капризу судьбы Альмину как-то удалось зацепиться в Политуправлении округа: сначала числясь за штатом, а впоследствии, войдя в доверие к начальнику «политуправы», прорваться на должность военного цензора — человека, облеченного огромными полномочиями, одной из обязанностей которого являлось курирование окружной газеты.

Сколько крови попил бывший «пропагандист» из офицеров редакции за два года сверхпридирчивой цензуры, пока его чуть ли не силой вытолкнули в Москву, в академию,— не считано и не меряно. Особенно Альмин свирепствовал над статьями своего бывшего начальника, ставя бесконечные вопросы на полях материалов и отчеркивая красным карандашом целые абзацы, якобы, содержащие крамолу.

Ходили слухи, что цензору неоднократно устраивали «темную», но только после третьего или четвертого раза он, наконец-то, дал согласие отбыть в столицу, на учебу.

О судьбе Федорова толком мало что известно: капитан запаса уехал из областного центра. Вроде бы на периферию, в Черноземье — на родину родителей.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ТРИО

РЕМОНТ

Есть много, друг Горацио, такого,
Что и не снилось нашим мудрецам...

Шекспир, «Гамлет»

Мой бедный кот умер. До того он два года уже прибаливал, изредка выкладывая обратно проглоченную им еду и скучая потом. Сначала я отнесла его к ветеринару, который, покачав головой, сообщил мне, что у кота скверно с печенью.

— Можно попробовать сделать операцию,— с большим сомнением сказал доктор,— но едва ли поможет. Думаю, только ускорит конец...

И тогда мы ушли домой. Еще два года кот прожил почти нормально, с редкими проявлениями болезни, а затем разразилось что-то страшное. Я не представляла, что бывает подобное. Он перестал есть и посещать свой лоток — последнее за ненадобностью. Две недели его обмен веществ никак не проявлялся, но обнаружилось новое пристрастие: кот подолгу лежал в тазу с водой. Раньше он терпеть не мог купаться. Поверьте, горько, жутковато и странно это наблюдать.

У нас был еще пес, очень неряшливый субъект, бывший бродяга. Обычно в слякотное время года перед выходом с ним на прогулку я наливала в таз теплой воды и оставляла у порога, чтобы по возвращении помыть грязные собачьи лапы и живот. Даже за самое короткое время наш малопородистый терьер успевал изрядно замараться. Теперь, отпирая дверь, я сразу видела кота, основательно устроившегося в тазу по самую шею, а голова лежала на краю.

При нашем появлении несчастный дергал ушами, косился на нас, не поворачиваясь, обреченно вздыхал. Приходилось вынимать его, мокрого, вытирать, а затем проводить гигиену пса. Больной медленно уходил неуверенными шажками, обозначая свой короткий путь круглыми влажными отпечатками.

Терьер не трогал его и, казалось, не обращал никакого внимания. Раньше они не были друзьями, просто держались в отдалении друг от друга. Кот жил у нас до того, как к нам прибился пес, и не обрадовался новому жильцу, хотя внешне и смирился с его появлением. Неразрешимое противоречие жизни! Бродяга не виноват, что ему требуется теплый кров,— а любимцу хочется оставаться единственным. Не раз мне приходилось наблюдать, что животное испытывает в таких обстоятельствах практически непреодолимый стресс. Ревность вполне может сократить его дни, и как поступить, если нельзя не принять второго?

К примеру, уехал далеко родственник, тоже имевший питомца, который теперь поручен вашему попечению. Не прогнать же бедолагу на улицу, если никак не найти постороннего человека, согласного взять его к себе.

К сожалению, даже когда ваш маленький друг это по-своему и понимает, он не перестает страдать. Вероятно, отсюда возникают болезни.

В нашем случае выяснилось, что нельзя отказать собаке, выбравшей нас по каким-то собственным, недоступным для людей критериям. Когда мы, не планировавшие обзаводиться псом, после некоторого сопротивления сдались его отчаянной неотступности, я привезла терьера с дачи домой. По дороге стало абсолютно ясно,— раньше он уже имел дом и хозяев. В метро пес нормально воспринял вагон, а перед эскалатором остановился, проверяя, перемещается лестница или нет. Мы поднялись с ним по неподвижному пролету.

Наш новый жилец был уже не молод, годов семи-восьми. К коту отнесся с уважением, понимая, что он здесь обитает давно. До того, как кот окончательно заболел, миновало более шести лет нашей совместной жизни, со всеми ее перипетиями. Впрочем, события слагались довольно обыкновенно, некоторая странность обозначилась только в проявлении симптомов кошачьего недуга. Возможно, конечно, что для специалиста-ветеринара в этом ничего необычного нет, но я говорю о нас, а мы видели — и удивлялись, не понимая.

Кот умер ночью, когда наступило новое число, 19 апреля. Я не спала. Сначала, пошатываясь на утончившихся лапках, он пришел к моей постели — прощаться. Прыгать уже не мог, я взяла его к себе, обняла. Часа два кот лежал, устроившись в круге моих рук, закрыв утомленные страданием глаза. Было невозможно пошевелиться, побеспокоить больного. Я старалась запомнить ощущение прикосновения его уже совсем легкого тельца. Затем он вдруг завозился, стараясь подняться. Время приближалось. Кот был настойчив в своем стремлении уйти. Я спустила его на пол, села на тахте.

Пройдя несколько неверных шагов, он упал. Немного подышал прерывисто и трудно, затих. Завернув его, маленького, худого, с застывшей несчастной мордочкой, в красивое чистое полотенце, уложила в коробку. Только к утру я поняла, что всю ночь пес спал так крепко, как никогда раньше, ничего не видел и не слышал.

Положили мы кота под кустом акации, на пустыре за домом. Из окна, хоть этаж высокий, а видно хорошо. Пес его поискал дня два и стал жить дальше, смекнув, что нет теперь у него соперника. Однако, ненадолго. То ли причиной была скорая собачья старость, то ли еще какие происки судьбы, но уже в августе, тоже ночью, случился у него первый приступ, возможно, связанный с сердцем, — хрипел он, запрокидывая голову и суча лапами. За одним разом пошли и повторы, стал пес быстро слабеть и не смог даже ходить гулять, так ослаб... И снова наш ветеринар, разводя руками, сказал:

— Ему уже много лет, от этого лекарства не придумано.

А когда вернулся опять апрель, произошло нечто, чему никто из вас не поверит. Я и сама, вспоминая, сомневаюсь, так ли было тогда.

Смотрели мы в тот день по телевизору какой-то фильм, очередную «мыльную» серию. Пес чувствовал себя немного лучше, даже вставал походить, потом устал и прилег. Задремал. Мы с увлечением следили за выяснением любовных отношений между героями, как вдруг я обнаружила покойного кота у подножия тумбы, на которой стоял телевизор. Он выглядел живым и здоровым, ничуть непохожим на классическое привидение из соответствующих историй. Посмотрел на меня спокойно и обыкновенно, будто и не болел, и не умирал вовсе. Пошевелил ухом и исчез — мгновенно, не думая таять и бледнеть. Я глянула в сторону дочери, которая невозмутимо продолжала созерцать экран, и мне стало не по себе от мысли, что у меня, кажется, случилась первая в жизни галлюцинация. Интерес к фильму пропал так же внезапно, как и мое видение. Пес спал. Я обдумывала происшедшее. Телевлюбленные закончили браниться и рука об руку направились в загс... Неожиданно дочь повернулась ко мне и растерянно, полушепотом сообщила:

— Мама, я только что видела возле телевизора нашего кота...

Это было уже интересно, но очень странно. Мы обменялись наблюдениями. Оказалось, кот померещился нам почти одинаково, но с небольшим, в несколько минут,

сдвигом во времени. Не знаю, считать совпадением или нет, но пес умер через три дня после нашего двойного видения. Тот же пустырь за домом принял и его.

Мы не стали снова заводить животных. Наша жизнь приняла более активный характер, — много работы, учеба дочери, поездки. Дома бывали мало, возвращались поздно. Уставали, спали без просыпа всю ночь,— и не успевали отдохнуть.

Как-то ночью я внезапно проснулась. Круглая луна мощно светила в открытое по вине июня окно. Казалось, мне больше не хочется спать, и мы со светилом несколько минут смотрели друг на друга. Внезапно потемнело, причем так, будто опустилась непроницаемая черная штора. Это не могло объясняться тучей, закрывшей луну, тьма была, что называется, кромешная. Мне стало не по себе, я изо всех сил таращила глаза, но словно ослепла, к тому же не могла пошевелиться. Не знаю, чем объяснить дальнейшее. У самого дивана я услышала радостные собачьи взвизги, почувствовала знакомую тяжесть лап, под которыми прогибался матрас. Мокрый нос дважды ткнулся, как бывало, в мою руку, затем в комнату вернулась тишина и ворвался яркий, резкий свет луны. В ту ночь уснуть мне больше не удалось.

Несколько месяцев спустя я увидела сон. Прибежали кот и пес и зовут идти за ними. Я откуда-то знала, что должна взять с собой одеяло. Они привели меня к деревянному дому в два этажа, а сами исчезли. Войдя, я увидела множество узких ниш, в каждой из них было одеяло, людей — никого, разве только в холле прохаживалась неприветливая женщина, одетая медсестрой. Я спросила у нее, в какую нишу пройти, и где нет одеяла. Она недовольно посмотрела на меня и грубо ответила:

— Вам не сюда. Идите наверх.

Поднявшись по широкой деревянной лестнице, я оказалась в похожем помещении, но и там во всех нишах уже лежало по одеялу. Здесь тоже никого не было, кроме молодой и улыбчивой медсестры.

— Где мне расположиться? — снова спросила я. Девушка удивилась и даже нахмурилась, хотя для нее это казалось невозможным.

— Вам еще рано быть здесь,— сказала она.— Вы же видите — мест нет.

И я проснулась... Как бы вы истолковали такой сон?

Однажды, оглядев стены и потолок, мы дружно постановили сделать ремонт. Денег поскребли по сусекам, посоветовались с соседями и по их рекомендации нашли семейную пару, которая согласилась взять на себя этот труд за наши ограниченные возможности. Массу удовольствия нам доставили путешествия по соответствующим магазинам и рынкам в поисках обоев, красок и ламината — словом, кто хоть раз в жизни затевал ремонт, тот вполне поймет нашу сосредоточенно-радостную решимость.

Действо началось, процесс пошел... На этот период мы переселились к родственникам, не возражавшим вытерпеть наше ежедневное присутствие в течение обещанного месяца. Дважды в неделю я ездила домой и наслаждалась видом совершающихся превращений. На второй неделе маляр Тая со смехом сообщила:

— Представьте, недавно к нам вошел какой-то кот. Сидел, смотрел, как мы работаем — штукатурили стены... Потом повернулись — нет его. Проверили входную дверь — закрыта оказалась. Где-нибудь в стене у вас дырка, наверное. Может, под ванной?

— Может,— ответила я, вспомнив видение у телевизора. Говорить ничего не стала — не поверят, да и, пожалуй, составят обо мне мнение.

Две недели спустя муж Таи при очередной встрече сказал: — Не завидую вам, звукоизоляция у вас в доме никакая. Вчера вечером собака, должно быть, у соседей залаяла так громко, словно около меня, я даже от неожиданности пролил обойный клей...

— И кот еще мяукал, будто прямо здесь, в квартире, — добавила Тая.

Я не стала информировать их о том, что ближайшие любители собак в нашем

подъезде живут на четыре этажа ниже, а над нами только крыша, на тот период покрытая снегом.

В день окончания работ мы расплатились и, провожая довольных собой и гонораром супругов, услышали: — Теперь вас не будут беспокоить посторонние шумы — штукатурка легла на удивление плотно...

Действительно, нам с тех пор не доводилось наблюдать в квартире что-либо выходящее за рамки привычной реальности.

АПОФЕОЗ

Метро не просто вид быстрого транспорта, а, пожалуй, современный образ жизни большого города. Город — тоже изрядно трансформированное понятие. Когда-то это было торговое поселение, затем крепость, сейчас многофункциональный техногенный объект, где человеческая единица с ее эмоциональным зарядом воспринимается с большой долей небрежности. Громадность сооружений настолько велика, что на первый взгляд рискуешь почувствовать себя микробом, если на мгновение забыть, что все арки, переходы и перегоны, туннели и освещенные поезда — «дело рук», как замечала еще незабвенная Марина Цветаева.

Днем не слишком много народу в вагоне, все желающие устроиться поудобнее нашли себе сидячие места. Молчаливые, неприступные лица, глаза, как закрытые ставнями окна. Поклевывает носом в эпизодической дремоте старик в кепке; женщина, жесткая, кряжистая, вроде полувековой сосны, уверенная в себе и в том деле, ради которого она здесь, со взглядом, не одобряющим все, что попадает в поле зрения; расплывшийся на два кресла рыхлый мужчина, утомленный тугим пестрым галстуком... Не менее живописна сухопарая дама старообразной интеллигентной наружности,— едет, конечно, домой, купила изящный карниз для штор, созерцает окружающих с очевидным чувством превосходства своей породистой аристократической внешности. Когда меня с некоторым снисходительным пренебрежением касается ее торжествующий взор, начинаю ощущать собственный избыточный вес, отсутствие косметики и слишком красные щеки.

В стороне, по-современному грубовато, развивают отношения парень и девушка с дредами — у нее короткие, у него длинные, ниже плеч. Металлические бородавки пирсинга на висках, губах, носах и бровях образовали новый, далекий от наследственного, облик, красота которого понятна только им.

В стороне от других присел немолодой худощавый человек, одетый неброско, но явно дорого, и, похоже, не привыкший к езде на общественном транспорте. Какой случай загнал его в обитель смертных? Однако, все бывает. С ним очень юная девушка-эльф необыкновенной, редкой и яркой внешности — естественная брюнетка, блестящие черные глаза, профессиональный утонченный макияж, стильная экипировка, одновременно отвечающая требованиям женственности и моды. Ссорятся. Сначала тихо, сдержанно жестикулируя, шепотом. По всему ясно — не отец и дочь, а любовники. Очевидно, что содержанка. Ему неловко, жмется, морщится, успокаивает. Возраст настаивает на солидности, в то же время соблазнительно, мелким бесом дразнит комплекс Фауста. У нее другие сроки, иное измерение времени. Нет никакого сходства с любовью, которая иногда случается, стирая разницу лет. Она входит в раж, раздражаясь его попытками избежать публичности. Бессознательно живет в ней щенячий, беспомощный страх ненадежности существования. Избалованная девчонка, однажды осененная ужасной догадкой, что больше некому обеспечивать ее удобством и покоем. Привычка к зависимости победила. По изломанным, искусственным, чрезмерно капризным манерам видно, чего это стоило. Личности не осталось, только животное, которое смертельно боится однажды оказаться ненужным и выброшенным на улицу.

— Ты обидел меня, папочка,— тянула красотка, выпрыгивая голосом из шепота в полувизг.— Ты еще никогда мне не отказывал. Я хочу, слышишь, ХООЧУ, купи мне...

— Тебе разве мало? — брезгливо кривился хозяин.— Помолчи, дома поговорим.

— Зови меня киской! — вдруг закричала она на весь вагон.— Как сегодня утром! Или ты уже не помнишь?..

Старик в кепке открыл глаза и посмотрел на парочку с презрительным удивлением. В отличие от меня, ему все было ясно без психологических умозаключений.

— Я не могу сейчас об этом,— резко и громко ответил спутник недовольной красавицы, решив, видимо, прибегнуть к крайней мере воздействия,— если ты думаешь, что остаешься привлекательной, злясь и вопя, то сильно ошибаешься!

Девушка испугалась так, что совсем потеряла голову.

— Неужели я больше не нравлюсь тебе в постели? — немедленно зарыдала бедняга, сразив его внезапной истерикой.

Осознав неудачность воспитательного приема, мужчина вскочил и рванулся к выходу, она бросилась за ним. Поезд еще шел по туннелю, и нам довелось досмотреть сцену до конца. Современный Фауст, оглядываясь по сторонам, вороватым полушепотом угомонял свою распалившуюся Маргариту, уверяя, что по-прежнему нуждается в ее нежных услугах. Едва остановился вагон и разъехались двери, как дикая чета вырвалась наружу и быстро исчезла в толпе, успев ошеломить ближайших прохожих страстной жестикуляцией и эротической патетикой речи.

* * *

...Жила девочка, и было это, кажется, очень давно. На детских фотографиях остались простодушный взгляд, милые ямочки на щеках. Невозможность ничтожной судьбы и мучительно раздраженных нервов. Убежденность в том, что для нее приготовлено самое безупречное счастье.

И вот — апофеоз.

БЕДНЫЙ ГЕНА

Где, человече, оставил ты
сердце свое?

Забытый автор

Поселковые магазины напоминают мне волшебные сундуки из сказок. Помните, как добрые герои получают их в подарок за особые заслуги, открывают где-нибудь в более или менее подходящем месте,— а там и дом, и сад, и стадо овец, и чего только нет... В поселковом магазине тоже есть все. Диван, на котором уютно расположился большой плюшевый медведь, полки с металлической и стеклянной посудой, напротив — новые веники, лейки, даже серпы рядом с электрическими газонокосилками. Обильный и разнообразный ассортимент лениво отражается в овальном зеркале с массивной рамой «под бронзу». Вы сможете, не обременяя себя дальними и многочисленными поездками, полностью обновить свой интерьер в течение дня, если у вас хватит денег. Впрочем, цены здесь, по сравнению с большим городом, вполне удовлетворительные.

Нам понадобился диван для дачи. Согласитесь, не везти же его из города.

С утра мы отправились в поселковый магазин за покупкой. Выбор был сделан сразу, но улыбчивая продавщица пояснила: «Машина будет через полчаса, погуляйте пока. Увидите Гену,— скажите, пусть придет сюда и дожидается. Он поможет погрузить. Он где-то здесь, поблизости бродит...»

Гена, щуплый мужичок, возраст — под пятьдесят, преданно служит поселковому

магазину хозяйственно-мебельных товаров. Жалованья не получает, рад, что не гонят; подносит, грузит, расставляет товары. Известно, что одинок до безобразия. Родство с ним претендентов нет уже лет восемь. Некто, возможно, человек вполне посторонний, доставил бедолагу в здешнюю психиатрическую больницу, раздражаясь по поводу досадной задержки решения собственных проблем.

Живет в ней Гена с некоторыми привилегиями — за безобидность. Проявляет уровень интеллекта младшего подросткового возраста. Имеет пропуск на относительно свободный вход-выход. Очень услужлив и молчалив.

— За доставку дадите шоферу 250 рублей,— весело тараторила продавщица (диван удается продать не каждый день),— а Гене 50. Ему хватит...

Мы вышли скоротать ожидание. На дорогу глядеть не было интересно, справа хмурилась бетонная ограда больницы, также не вызывая положительных эмоций. Слева, вперемежку с деревьями, существовали дома поселка, частью городские, девяти- или пятиэтажные, частью маленькие, дачные и деревенские. Сестра сразу увидела Гену, который медленно шел оттуда и ел мороженое с искренним детским удовольствием. Узкое от худобы лицо, местами измазанное сладкой подтаявшей массой, выражало глубокую сосредоточенность на приятном занятии. Когда он приблизился к нам, Виктория окликнула его:

— Гена, здравствуйте. Вас просили зайти в магазин...

Недоеденное мороженое упало в пыль. Гена, поспешно утираясь рукавом, бегом бросился к указанному заведению. В лице мгновенно включилась тревожная готовность к послушанию.

Нам стало смешно...

День был без дождя пасмурный, самый подходящий для покупки дивана: не жарко и не подмочит. Небо глядело со стариковской добродушной хитринкой, под настроение. Мы с сестрой злорадно обсудили избавление от опостылевшей продавленной раскладушки, на которой до сих пор, справедливости ради, приходилось спать по очереди.

Машина привезла товар, и тщедушный Гена, пошатываясь, таскал из кузова на склад малоподъемные ящики и коробки. Водитель курил на крыльце, продавщица деловито распоряжалась.

— Хорошо, что мебель не привезли,— удовлетворенно сказала Вика,— выдохся бы,— как стал бы наш диван грузить?

Наступил ожидаемый момент. Сестра расплатилась, и Гена, на этот раз с помощью водителя, водрузил нашу покупку в фургон. В кабине было только одно свободное место, и я собралась идти пешком — минут пятнадцать ходьбы. Гена полез в кузов, и Вика подошла к нему.

— Не садитесь на диван, вы его испачкаете,— строго сказала она.

— Нет, я буду стоять,— испуганно и с готовностью пообещал тот.

Машина отъехала. Воздух стал тяжелым и душным. Видимо, дождь не снят с повестки дня,— так размышляла я, подмечая по пути и вдруг огрузневшее небо, и помрачневшую тесьму леса на горизонте, и чиркнувшую прямо над головой пару стрижей.

Дома Виктория любовалась диваном. Он вписался в интерьер, как родной.

Проводив раскладушку в последний путь, мы отпраздновали удачную покупку пивом и бутербродами с селедкой, включили телевизор.

— Ты отдала им триста рублей? — спросила я.

— Да, по договоренности, 250 — шоферу, 50 — Гене.

— И что — Гена? Не обиделся?

Вика с удивлением оторвалась от экрана.

— С чего бы? У них же всегда так.

За окном усиливался дождь. Ветви большой яблони тряслись, словно от негодования. Не одобряла она, наверное, наш новый диван. Что ж, ладно,— ей на нем не спать.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Наш постоянный автор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова

I

Он не мог вспомнить, как, при каких обстоятельствах они подружились. Учились на одном курсе. А с чего все началось, вспомнить не мог. Прошло тридцать лет, в памяти осталось русское имя — Татьяна, Таня, и еврейская фамилия Берлин с ударением на первом слоге.

Чаще всего они встречались где-нибудь за городом. Узкое. Царицыно. Ботанический сад. Не тот, который на Проспекте мира, а большой и малолюдный. О чем они говорили при встрече? О чем говорят молодые люди на свидании, разве вспомнишь. Разговор обо всем на свете и не о чем. Сначала, как всегда, «прощупывали», наверное, друг друга. Какие книги любишь, любишь ли музыку. Муслим Магомаев? Майя Кристалинская? Джаз!? Нет. Гершвин?. А я Высоцкого. А я Кобзона и Карела Гота. Нет-нет-нет — Александрович лучше. Наверное, так было.

Но запомнилось точно другое.

Они долго ходили в Узком. Говорили, говорили. Смотрели на синее небо и пытались угадать куда, на юг или запад летят над их головами самолеты. И вдруг она говорит — я хочу тебя поцеловать. Экий же был олух! Не догадался сделать это первый.

Сейчас, по прошествие стольких лет, с высоты, а может быть, глубины обретенного опыта он мог сказать, что она умела делать любовь. Нет-нет, не в теперешнем, пошловатом смысле. Хотя умела и это. Помнил, как в самую сладкую, самую нежную минуту она обнимала его, всхлипывающего от изнеможения, за шею, гладила его затылок и шептала какие-то слова, которые не мог в тот момент разобрать. Но это было потом. Его прежний, до нее, опыт ухаживания за девушкой заключался в том, чтобы ходить по улицам города взявшись за руки, болтать о том о сем, угощаться мороженым на ходу и иногда, когда в кармане были деньги, ходить в кино.

— Нет,— говорила она.— Пойдем в «Космос».

На улице Горького было, пожалуй, единстенное тогда на всю улицу кафе, где по доступной цене можно было взять мороженное, сесть за столик и сидеть сколько хочешь. Оттого очередь была длиннющая, подвигалась медленно. Состояла из молодых людей, по большей части студентов. Поэтому никто не торопил, не ворчал — расселись тут, дайте другим посидеть — как это было, когда на той же улице открыли первый «Макдональдс». Тоже длиннющая очередь, но публика более разнообразная, привыкшая: поел, уходи, нечего рассиживаться. Да и дороже там было.

Она предпочитала хождениям по улицам посидеть в кафе. Тогда уже перестали смотреть косо, если заказывал только бутылочку минеральной воды или чашечку кофе. Однажды в таком кафе к их столику подошел мужчина и не по-русски что-то спросил. Таня ответила, тоже не по-русски, и он присел за их столик. Он был очень

удивлен и даже немного испугался. К иностранцам еще не привыкли. Иностранец хотел пообщаться, но он поднял Таню за руку, и они ушли.

— Кто это? Ты его знаешь? — спросил он, когда они вышли на улицу.

— Француз. В первый раз вижу.

— Ты знаешь французский?

— Да. И немецкий тоже.

Если не кафе, то музей или концерт. Тогда стали приезжать иностранные выставки художественные, разные эстрадные группы. Он отнекивался, и Таня, догадываясь, в чем дело, говорила, что это чепуха, не надо придавать этому большое значение, и покупала билеты сама.

Это с той поры, когда на смену Тане Берлин пришли другие девушки, он уже знал, что девушке не должно быть скучно. Что хождение, взявшись за руки, и выразительное глядение друг другу в глаза может скоро надоесть. Девушку надо каждый раз чем-нибудь удивить. Целоваться на улице, на эскалаторе метро, в фойе кинотеатра, как это стало вдруг модно, Таню не прельщало. Она легонько отстранялась, когда он пытался это делать.

Их роман развивался быстро. Она этому не противилась.

С незапамятных времен было принято у студентов, да и не только студентов, на праздники — майские или октябрьские — вызежать за город «на хату». Недорого, «червонец»; скидывались, кто, сколько мог, и снимали у какой-нибудь одинокой пенсионерки на пару дней дом за городом.

Тогда на Ноябрьские выпал первый снег. Чистый, мягкий. Играли в снежки. Гуляли по лесу. Когда стемнело, развели костер. Сидели вокруг, обнявшись со своими девушками. Целовались. Пели. Визбор. Высоцкий, Окуджава. Когда стемнело, пошли в дом. Играли в бутылочку.

Помнится, когда разошлись каждый со своей девушкой по комнатам, Таня, видимо, все понимая, чтобы избавить его от смущения, первая обняла его... У нее была редкая фигура — крупная грудь и плоский живот.

Он был ей благодарен. Потому что чувствовал, она не похожа на тех девушек, с которыми его друзья приехали «на «хату». С Таней не могло быть просто так. А как, он не знал. И она, видимо, это почувствовала и пришла ему на помощь. Не сделай она этого, он бы смутился, потерялся. И как бы все произошло, трудно было сказать.

Вот почему их близость была в дальнейшем легкой и доставляла обоим удовольствие.

Друзья спрашивали его — Таня еврейка?

— Да нет, навряд — неуверенно отвечал он.

Всегда не умел угадывать, еврей человек или нет. Однажды даже попал в неловкое положение. В гостях у подруги своей жены поддерживал мужской разговор с ее мужем. Естесвенно, говорили о спорте. И задал идиотский вопрос: «Почему израилитяне участвуют в розыгрыше европейского кубка по баскетболу? Израиль же находится в Азии». Потом жена выговаривала ему за бестактность — муж подруги был еврей.

— Еврейка! Невооруженным глазом видно. Нос большой, глаза навыкате, губы толстые. Боб, она загипнотизировала тебя, евреи это умеют.

В лице Тани, конечно, было что-то еврейское, как он потом стал угадывать. Нос? Когда целовались, ему приходилось наклонять голову набок, чтобы достать ее губы. Глаза? Красивее он не встречал. Синие на смуглом лице, обведенные темными шоколадными веками. Большие, но сказать, что навыкате — вряд ли. Она умела смотреть очень нежно. Первое время ему было страшно в эти красивые глаза смотреть. А губы? Что губы! Мягкие, всегда готовые к поцелую.

Может, и еврейка. Что с того. Красивей девушки у него еще не было. И потом с

ней никогда не было скучно. Не сразу понял, что есть женщины, которые много дают мужчине. Не только секс. Развивают его, сами интересные, и его делают интереснее. Но тогда оценить Таню по молодости еще не мог.

Ее родителей он не видел.

— Знакомься, это Иосиф Вениаминович. Профессор Каневский, терапевт. Мамин муж... Иосиф, Роберту нужна монография по артериальной гипертонии.

— У молодого человека артериальная гипертония? — с улыбкой сказал профессор, высокий стройный человек.

— Нет, для экзамена.

— Так он коллега?

— Будущий.

Пока они обменивались репликами, он разглядел Таниного отчима. Вот он был еврей. Седые вьющиеся волосы, густые, как парик, большой толстый нос и глаза навыкате. Ничего общего с Таней.

Они прошли в кабинет. На полках во всю стену до потолка было много книг. На свободных от полок пространствах стены висели картины в толстых золотых рамах.

— Ланг устроит? — лукаво посмотрев на него, спросил профессор.

— Нет, что-нибудь посовременней. Мясников, например,— за него ответила Таня.

— Ну, мы пошли. Мама где?

— Роза ушла в магазин.

Они жили в самом центре города, на Пушкинской. В доме, в котором метро «Площадь Свердлова». На каком этаже, не помнил. Помнил только длинный коридор и двери. Много дверей. За их дверью было две комнаты. Одна, в которую они вошли, следующая — кабинет Иосифа. В этом длинном коридоре был совсем другой запах, не тот, что был в коридоре барака, где прошло его детство. Затхлый, кислый. Здесь запах был какой-то благородный что ли. А в самих комнатах, где жила Таня, помнился ему особый запах, как бы запах цветов, хотя никаких цветов не заметил.

Ну вот, пожалуй, и все, что он мог вспомнить по прошествии трех десятков лет о еврейской девушке Таня Берлин.

А дальше была жизнь. Работа, семья, сын.

— Почему вы расстались? — не унимался его друг Борис, узнав о его давнем романе.

Детали он не помнил. Она исчезла, ничего не сказав. На звонки не отвечала. Пойти к ней на Пушкинскую не решался. Ссоры не было — это помнил точно. Через год от общих знакомых узнал, что в ординатуре ей, «краснодипломнице», отказали из-за пятой статьи; что уехала вместе с матерью и Иосифом в Израиль на «пмж».

Видимо, из-за романа с Таней Берлин интерес к евреям у него был повышенный. Они не бывают сентиментальными, отметил он. Они всегда деловиты. Лентяев не встречал. Эта деловитость иногда вызывает раздражение. Может быть, даже легкую зависть, когда им удавалось то, что не удавалось ему. В одежде небрежны, беспорядочны в быту и почти всегда опаздывают. Женщины в молодости очень красивы. Сказывается восточная кровь. Таня Берлин была очень красива. Фотографии ее у него не было, но, когда хотел, легко вызывал в памяти ее лицо. К сожалению, с возрастом они толстеют, на верхней губе появляются усики и глаза становятся навыкате. Всегда ярко накрашены губы и на пальцах, шее много золота и драгоценных, а за неимением таковых, полудрагоценных, камней.

— Что ты хочешь, Восток,— резонно замечал его друг.— В театре «Шолом», группа ДОНА дает концерт. Пойдем, посмотрим на евреев в собственной среде обитания.

Их было восемь. Парни и девушки. Кажется, не все были евреи. Контрабас, гитара, аккордеон, скрипки. Со второго раза ему показалось в их песнях много похожего

на русские песни. То удаль, то печаль. Но печаль почти всегда, даже в удали. Но ведь даже у самых веселых и общительных, замечал он, всегда присутствует эта самая только евреям присущая грусть в их глазах.

В антракте в фойе они с другом потерялись среди евреев. Те были поглощены общением друг с другом. Не было бесцельно слоняющихся, со скучающим выражением лица. Каждый находил знакомых, разговаривали громко, громко смеялись, было впечатление, что они все свои. На них никто не обращал внимания.

В антракте он купил диск с записью концерта. И потом был очень доволен этим. Потому что вскоре руководитель ДОНЫ Анатолий Пинский умер, и ансамбль распался.

На коробке диска были слова Эйнштейна: «Еврейские народные песни самые сердечные, самые искренние из всех, которые я когда-либо слышал. Они самое правдивое выражение души народа». Все народные песни самое правдивое выражение души любого народа, подумал он. Только народы бывают разные. Столько страданий и гонений, сколько пережили евреи, мало у кого было. Когда он ставил диск на проигрыватель, от некоторых песен у него першило в горле, и навертывались на глаза слезы. Особенно «Немножко счастья» — на иврите «Vu nemt men a bisele mazl», «Рыбацкая песня» — «Fisher-lid». А от «Пойте на идиш» — «Zingt oyf yidishi» ноги сами просились в пляс.

И тогда он засел за Библию. Египетский плен. Исход из Египта. Путешествие по пустыне. Борьба за Землю Обетованную. Просто так им ничего не давалось. Было все — и вероломство, жестокость, обман, и ощущение себя единым народом во главе с единым всемогущим Богом. Интересно, что с Богом они разговаривали как с отцом, напрямую. У него родилась мысль, что они и сейчас имеют прямую связь с Богом — те открытия в познании мира, которые они являют миру, достигаются ими каким-то, только им доступным, иррациональным путем...Ньютон, Эйнштейн, Ландау, совсем недавно Гриша Перельман... Более захватывающего исторического повествования ему читать не приходилось.

— Да, евреям ничего просто так не давалось, старик,— сказал он своему другу.— Еду в Израиль. Хочу собственными глазами увидеть и понять.

— Глубоко же Таня Берлин запала в твою душу.

— Я напишу тебе о своей поездке. Если сам что-нибудь пойму, конечно.

II

Аэропорт Бен Гурион самый большой и красивый из тех, которые мне привелось видеть. Высокий куполообразный потолок, огромное пространство, много света.

Я стоял в этом светлом пространстве, из-за малолюдности казавшемся почти космическим, и забыл, что надо узнать шофера. Оглядевшись, через несколько минут увидел где-то очень высоко на лестнице, почти под самым сводом мужчину. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом он стал спускаться, а я инстинктивно пошел к лестнице.

У подножья ее мы встретились.

— Маргоа? Спросил шофер.

— Маргоа. Ответил я.

— Поехали.

Он взял мой чемодан, мы поднялись по лестнице под самый потолок и вышли прямо к стоянке автомашин.

Может это смешно звучит, но это была иномарка, белая, просторная (какие еще машины могут быть в Израиле!?). Шофер погрузил чемодан в багажник, сели, поехали.

Я не помню, как долго ехали. Мне казалось, что у шофера должно быть типичное еврейское лицо — большой тяжелый нос, курчавая голова с круглой лысиной на ма-

кушке, тонкие пальцы и рокочущее «р-р». Ничего подобного не было. В любом российском городе можно увидеть таксиста, похожего на моего израильского шофера — простое мужское лицо, слегка небритое, запах недорогих сигарет. Что касается буквы «р», то говорил он по-английски, быстро, насколько я мог понимать, о футболе. Поддерживать разговор было не обязательно. В проносившихся мимо пейзажах было что-то среднеземноморское, виденное ранее на Кипре, Мальте — песчаная земля, редкие вкрапления зеленого.

Проехали сквозь Тель-Авив. Из окна автомобиля — типичный южный, виденный не однажды город с лицом «общего выражения». И вдоль то появлявшегося, то исчезвшего из вида моря поехали на север.

Ехали быстро, по-южному.

Нетания город небольшой. Через пятнадцать минут после въезда, выехали к морю, свернули в узкую улицу, и машина остановилась.

— Маргоа,— сказал шафер. Вынул из багажника чемодан и уехал.

* * *

Самое первое впечатление — ползающие и бегающие по коридору первого этажа черноволосые дети. Пришлось осторожно переступать через них, чтобы не наступить им на руки или ноги. Я приехал в пятницу. Это потом узнал, что здесь есть обычай, уезжать из дома на шаббат всей семьей для отдыха.

Спустившись в ресторан, за столами увидел мам и пап, бабушек и дедушек тех самых детишек, которые так и норовили в коридоре попасть под ноги. Они были поглощены шумной беседой, прерываемой всплесками дружного смеха, восклицаний, сопровождаемой энергичной жестикуляцией.

Нечто подобное, но без детей, видел потом. В один из вечеров в ресторане меня посадили за отдельный стол в самом углу зала. По середине его, за длинным столом, уставленным едой и выпивкой, стали собираться люди. Они приходили по одному и группами, шумно приветствовали друг друга, обнимались, хлопали друг друга по спине, целовались и рассаживались за столом. Навскидку, их было человек сорок. Публика была разномастная, как на картине Александра Иванова «Явление Христа народу». Мужчины и женщины — рыжие и черноволосые, блондины, толстые и худые, высокие и ниже среднего роста. Общее было то, что им всем было примерно за пятьдесят. И по одному этому можно было судить, что они не родственники, что это не семейное торжество, что, скорее, это сослуживцы или одноклассники или однокурсники. Когда все расселись, поднялся самый старший из собравшихся, высокий мужчина и стал произносить тост, держа бокал в одной руке, другой жестикулируя. Говорил громко, видимо, остроумно, потому что прерывали его дружный хохот, громкие реплики, аплодисменты.

Пока длился мой ужин, я мог наблюдать картину времяпровождения людей, собравшихся повеселиться, пообщаться, и совершенно раскованных, не чинившихся. Когда я уходил, я, услышал, как они начали петь, и пение это было отнюдь не привычно грустное, еврейское, а веселое, и даже удалое.

* * *

Маргоа стоит на высокой песчаной дюне у самого моря. К нему можно было спуститься по каменной пологой лестнице или на лифте. Лифт представлял собой металлическую башню высотой с пятиэтажный дом. В этой башне вверх и вниз двигалась вместительная кабина. Внизу был широкий песчаный пляж. Был февраль, но было солнечно и не холодно. Прогуливались мамы с детьми, пожилые мужчины и женщины. Нашлись даже купальщики.

Обернувшись, я поразился, какой высокой была дюна, на которой стоял Маргоа и ряд других отелей, тоже высоких светлых зданий, а над ними синее небо.

Я уселся на лавочку лицом к морю. Оно было такое же синее, как небо, и видно было далеко-далеко, так что горизонт представлялся, не прямой, а выпуклой линией.

От присевшего со мной рядом пожилого мужчины я узнал, что весь город стоит на песчаных дюнах. И что с этим связана забавная история. Когда Израиль получил независимость, богатые евреи Америки и Европы стали давать деньги на обустройство молодого государства. Некто по имени Натан, богатый человек, проживавший в Америке, «отстегнул» немалые деньги на возведение нового города на берегу моря. Благодарные его жители в честь Натана решили назвать город Натанией. Но узнав, что город строится на песчаной дюне, благодетель подумал, что выбор места неудачный, что деньги пропадут, и в дальнейшем финансировании проекта отказал. Тогда жители переименовали город и назвали его Нетания. С тех пор город зовут поразному: Нетания, Натания, кому как нравится.

* * *

Скоро я убедился, что утруждать себя изъяснением на английском языке не стоит. Едва начинаешь вспоминать не часто используемые дома и уже подзабытые английские фразы, как тебя прерывают словами — «говорите по-русски». Так не только в отеле или ресторане, но в магазине, на улице на чистом русском объяснят, как пройти или проехать или сколько что стоит.

Хотя есть и такие, кто кроме как своим языком и английским, никаким другим не владеет. В сувенирном магазинчике девушка, не по-нашенски «девушка», а в самом деле, молодая девушка не могла на мой вопрос по-русски объяснить, понравившаяся мне керамическая вещичка фабричной работы или ручной? Она смущенно улыбалась и пожимала плечами.

Но это, скорее, исключение.

Наверное, не все в этой стране владеющие русским языком русскоязычные евреи. Перед самым моим отъездом я, как говаривал известный гоголевский персонаж, «поиздержался в дороге». На высокий пластмассовый пол-литровый стакан апельсинового сока мне не хватало одного шекеля. Отказаться от сока не хотелось, и я попросил официантку дать мне неполный стакан, на один шекель не долить. «Спрошу у хозяйки»,— был ответ официантки. Вышла хозяйка — полное румяное лицо, маленький острый носик и пшеничного цвета пышные волосы. Взглянув на меня, она сказала: «Та налей ему полный».

* * *

Поскольку, говоря терминами турагентств, сезон был «невысокий», февраль месяц, к путевке полагалось несколько бесплатных экскурсий.

Конечно, прежде всего, Иерусалим. Вот место, где можно понять всю суть еврейского народа. Каков он? У нас евреи, особенно в городе, а в деревне их почти нет, на подсознательном уровне ощущаются нами как особые люди. Да они и сами ощущают свою особенность. Ощущают за собой неловко скрываемое ими интеллектуальное превосходство. В их прошлом — исторические личности, изощрившие свой ум в борьбе за выживание во враждебном окружении; великие пророки, учившие народ мудрости и религии, далеко не такой, порой примитивной, какие исповедовали их географические той поры соседи. Это осталось у них в крови. А еще они осознают, что «на душу населения» гениев они дали человечеству больше, чем любой другой народ. И еще одна особенность, которая нами, не евреями, воспринимается особенно

ревниво — живем рядом, бок о бок, а они «не наши», у них потрясающая способность приживаться в любой стране, осваивать любой чужой язык, обычаи, а втайне оставаться для всех чужими.

С Иерусалимом не повезло. Там выпал снег. Русскоговорящая девушка-гид, видимо, недавно приехавшая на историческую родину, забыв про экскурсантов, по мобильному телефону кому-то кричала — «представляшь, Иерусалим под снегом! Чудо! Небывалое зрелище!»

Это «незабываемое зрелище» испортило нам экскурсию. Как у себя дома, мы выходили из автобуса и ступали в снежное мокрое месиво. Ноги промокли, было зябко и неуютно.

Храм Гроба Господня, Гефсиманский сад, оливковое дерево, по словам гида, помнившее Иисуса Христа. Наверное, это так. Его толстый в три обхвата ствол, стоявший на земле как серая скала, над которой кудрявились зеленые, с прилипшими снежинками листья, вполне тянул на два с лишним тысячелетия.

Как ни странно, перед Стеной Плача не было снега. На песчаного цвета фоне контрастно выступали люди в черном и черных широкополых шляпах, обращенные лицом к стене. Они совершали бесконечные ритмичные телодвижения, словно колеблющиеся в воде водоросли. Чтобы подойти к Стене, надо было спуститься по лестнице, потому что она находилась как бы в котловане. Стену отрыли археологи. Она единственное, что осталось от Иерусалимского храма после его разрушения римлянами.

В Стене были зазоры между камнями. Экскурсовод нам сказала, что у евреев есть обычай написать свои просьбы к Богу, а записку вложить в эти самые зазоры.

Кажется, я единственный из нашей группы написал записку и втиснул ее между камнями.

Что удивило и не очень приятно, это кипучая коммерческая деятельность на подъезде к Иерусалиму. Автобус с туристами специально делает остановку за полчаса езды до города перед большим торговым центром. Ладно, что торгуют иконами, крестами на цепочках и без, искусно сделанными свечами — вроде как дань уважениям к экскурсантам-христианам. Но огромная статуя поп-идола, «изобретателя» рок-н-ролла Элвиса Пресли перед центром вызвала сначала удивление, а потом подумалось: а у себя дома евреи вольны делать все, что им хочется, без оглядки на кого бы-то ни было. Керамическая кружка с ликами Элвиса предлагалась бесплатно за сделанные покупки. На ней было две надписи — по-английски и на иврите. «Back to the Magic». Ничего себе «Волшебство» на Святой Земле.

Я купил менору. Маленькую, бронзовую — священный семисвечник древних евреев, сделанный ими по велению Бога по выходе их из египетского плена.

* * *

На другой день по приезде была суббота, был теплый солнечный день, и я увидел, как евреи чтут этот священный для них день. Промтоварные магазины, лавочки, торгующие всякой нужной мелочью или сувенирами, даже ювелирные магазины — были закрыты. Работают только рестораны и кафе. Выйдя в этот день прогуляться, увидел, что площадь перед кафе, где на открытом воздухе присел с чашечкой кофе, была уставлена креслами, в которых сидели пожилые мужчины и женщины с газетами, книжками и просто так. Были молодые мамы с детьми в колясках. Дети постарше бегали между креслами. Люди отдыхали, спокойно, не шумно. Им некого было бояться, стесняться, тесниться, оглядываться. Они были дома.

В одном из скверов стоит скульптурная группа. Четыре чугунных музыканта, чуть больше человеческого роста, стоят прямо на земле. Местечковые евреи — в сапогах, картузах, с контрабасом, скрипкой, флейтой... Фигуры столь естественны и

живописны, что если бы грянула музыка, не удивился. Никакого пафоса, скорее самопародия. Потому что кругом европейского вида люди, никак и ничем не похожие на чугунных музыкантов. Может быть, ностальгия, а не самопародия?

Сижу на лавочке и обозреваю прохожих. Вспоминаю Библию и стараюсь угадать, кто были предки проходящих мимо евреев. Сухощавый, интеллигентного вида, в очках — из колена Иосифова. Курчавый, с веселым лицом и легкой походкой точно потомок Вениаминов. А Иуда был праотцом вот этого полного, сытого с влажными глазами навыкате еврея. Не гнушался его прародитель посещать проституток. Впрочем, за тысячелетия все так перемешалось. Может и русский барин поучаствовал.

Как ни странно, на улицах редко попадались мужчины в кипах или черных широкополых шляпах и с пейсами. В лицах, в движениях, походке людей, особенно молодых, угадывалась деловитость, устремленность к действию. Не похожи никак на ранее виденных южан — неторопливых, даже медлительных в движениях, с выражением лица человека скучающего или не знающего, чем бы заняться.

Не видел ни одного здания-синагоги. Гид объяснила, что синагоги располагаются в обычных домах, дома эти известны верующим.

* * *

С экскурсией побывал в Назарете, на Галилейском море. Не море, конечно, а озеро. Но для маленького Израиля море. Окунул руки в воду Иордана. Какая тоже маленькая река! Похожа на наши малые русские реки — берега, густо заросшие кустарником, холодная вода, тихая, прозрачная. То ли от того, что погода была солнечная и безветренная, необыкновенная тишина и покой, ничем не затуманенный воздух, казалось, и впрямь, что находишься на святой земле. Люди говорили тихо, передвигались без суеты и торопливости. Внимательно слушали экскурсовода.

* * *

Видимо, Бог прочитал, оставленную мною записку в камнях Стены Плача.

Я зашел в продуктовый магазин, чтобы купить перед отъездом для дома специи. Напутствуя меня в поездку, говорили, что в Израиле они особенно хороши. Если в ресторанах, кафе, в отеле всегда есть надписи на русском, то в продовольственном магазине, куда зашел, все было на иврите. Что написано черными значками, мало похожими на привычные буквы, понять было невозможно. В каком отделе продают специи? Мне повезло, первая женщина, к которой я обратился, не только показала, а провела в искомый отдел.

Продавщица вложила маленькие коробочки в бумажный пакет, и я стал в очередь к кассе. Очередь подвигалась медленно. Оглядываясь по сторонам, в параллельной очереди, также медленно подвигавшейся, я увидел женщину, которая сразу привлекла мое внимание. Смотреть долго и пристально было неловко. Время от времени я поворачивался в ее сторону. Как бы проступая из тумана, все более знакомым становилось мне ее лицо. Прошло столько лет! Лицо не могло не измениться. Но самое главное осталось — необыкновенная, редкая теперь женственность. Такое лицо можно охарактеризовать одним словом — милое. Все милое — глаза, губы, взгляд. Милым, помню, был ее голос. Тогда. Сейчас она молчала. В лице сохранилась легкая смуглость. А глаза? Она только один раз посмотрела в мою сторону, мельком, безразлично. Глаза остались голубыми, ясными, как и тридцать лет назад, в обводе темных шоколадных век.

Ее очередь подвигалась быстрее.

Когда вышел из магазина, увидел только, как она подошла к машине, из нее вышел молодой человек, очень на нее похожий, открыл ей дверцу, она села, и машина уехала.

Бог, прочитав мою записку, видимо, пожалел меня. Чтобы было бы, узнай она меня?!

* * *

В ресторане отеля опять было много народа. На этот раз проходило, похоже, научное мероприятие. На штативе висел экран. С ноутбука показывали таблицы, графики. За столиками сидела почтенная публика. Перед ними были журналы, бутылочки с водой и белые пластмассовые стаканы.

Меня опять посадили за отдельный столик в углу зала. Официант принес полбутылки красного вина. Этот был тот самый официант, пожилой худощавый мужчина, который на второй день моего поселения в отеле стал ставить передо мной красное вино, хотя оно не было «включено». Что возбудило в нем ко мне симпатию, не знаю. Может быть то, что войдя в первый раз в зал, сказал ему «шолом» и говорил это каждое утро.

Это был мой последний вечер на Святой Земле.

Утром пришло такси. Шофер прекрасно говорил по-русски. Совсем недавно приехал в Израиль из Петербурга. Словоохотливый. Инженер. Пока временно таксист. Зарабатывает хорошо. Машина своя.

Я слушал в пол-уха.

Зал вылета в аэропорту был еще лучше, чем зал прилета. Много воздуха, света. Огромное пространство. Космос.

* * *

Понял ли я еврейский народ? У себя дома он, как у себя дома любой другой народ. Мы, не евреи, делаем его евреями. Может быть, поэтому невозможно нееврею стать евреем, как и они не могут стать нами. Может быть, поэтому между нами есть, хоть и часто скрываемая, но где-то в глубине сознания присутствующая грань отчуждения друг от друга. У кого-то едва заметная, у кого-то очевидная.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Старый, прошедший не один капитальный ремонт автобус, распугав громким хлопком клевавших хлебный мякиш птиц и обдав асфальт черной копотью, наконец-то завелся. Водитель вытер ветошью перепачканные машинным маслом руки и полуобернулся к пассажирам. «Все с билетами?» — обращаясь одновременно ко всем, спросил он и, не дождавшись ответа, тронулся в путь. «Бабушку, бабушку подождите!» — крикнула водителю одна из пассажирок и указала рукой на маленькую худощавую старушку, которая бежала к автобусу и как-то неуклюже держала перед собой две огромные хозяйственные сумки. Водитель остановил автобус и открыл дверь. Старушка поставила на пол сумки, а затем с трудом поднялась по порожкам и выставила перед водителем свое лицо, протягивая, таким образом, ему губами билет. Водитель проверил его и вернул старушке, а она как-то неестественно, будто крюками взяла свои сумки и прошла в салон. Находившиеся в автобусе пассажиры успели заметить, что у старушки нет кистей рук. Усевшись на свободное место, она культями взяла все еще во рту билет и ловко сунула его в одну из сумок, а затем повернулась к сидевшей рядом с ней женщине.

— Насилу успела,— проговорила старушка и чему-то улыбнулась,— думала, что опоздаю.

— Тогда следующим рейсом уехали бы,— ответила старушке женщина и незаметно посмотрела на ее искалеченные руки.

— Да что вы, следующий рейс только через три часа будет, а меня сыночек мой миленький ждет.

— Сколько же вашему сыночку лет? – удивилась женщина.

— Он взрослый уже. Тритедня тому назад сорок лет исполнилось, гостинец везу ему ко дню рождения. Он, наверное, голодный сидит, все меня в окошко высматривает.

— Почему же он голодный-то? Он что в сорокалетнем возрасте сам себе поесть не может приготовить?

— Сидит он, милая, в колонии срок отбывает,— вздохнула старушка.

— Где же он сидит?

— Да вот сейчас поселок будет, там и сидит. Голодный, наверное, сыночек мой миленький,— вновь вздохнула старушка.

— Вы напрасно волнуетесь,— тихо, как бы успокаивающе проговорила женщина,— сейчас времена другие. У меня зять в той колонии работает, говорит, что осужденных кормят хорошо, сейчас с этим у них дело обстоит строго.

— Эх, милая! — Махнула старушка рукой, и женщина вновь непроизвольно взглянула на ее культю.— Разве арестанты в тюрьме когда-нибудь вволю наедались?

— А что, кроме вас ему продукты привезти некому? Вам же очень тяжело сумки носить?

— Да я уже привыкла. А у него кроме меня никого нет. Жил он с одной женщиной, Валентиной зовут, тоже из нашей деревни, да расстались они. Что уж там между ними произошло, я не знаю, но только ушла она от него.

— Сын выпивал? — после небольшой паузы спросила женщина.

— Выпивал, конечно. Эта поганая водка и довела-то его, Колюшку моего, до тюрьмы. Раньше никогда руки не распускал, а в последнее время, это когда Валентина-то от него ушла, а особливо, перед тем как его посадили, стал драться. Схватит, бывало, меня за грудки, а глаза бешеные, что есть зверь, становился. Убегала я от него, у суседей пряталась, и возвращалась домой только тогда, когда он засыпал. А проспится, и опять хороший, добрый, сыночек мой. По Валентине он сильно тосковал, просил ее вернуться к нему, да и я к ней ходила, тоже просила об этом. Она условие поставила, чтобы сын пить бросил, тогда она вернется. Самостоятельная она, Валентина, сурьезная.

— Наверное, из-за Валентины и в тюрьму угодил?

— Да нет, милая, не из-за нее,— ответила старушка и замолчала.

В наступившей тишине проехали остаток пути, и вскоре показались крайние дома небольшого шахтерского поселка.

— Вот и поселок ваш, смотрите не проедте дальше,— нарушила молчание женщина.

— Да, пора к выходу пробираться,— кивнула головой старушка.— Вы мне подсобите, сумки ручками на мои культяпки нанизать, мне так нести будет удобнее.

— Далековато вам до колонии идти, тяжело будет сумки нести,— проговорила женщина, помогая старушке.

— Может, кто и подсобит. Когда в прошлый раз приезжала, мне военный один подсобил сумки нести. До самых тюремных ворот донес, дай Бог ему доброго здоровья.

— Если не секрет, скажите, что с вашими руками случилось?

Старушка молча подняла сумки, подбросила их, чтобы удобнее было нести и, вздохнув, сказала:

— Сын мне их отрубил, руки-то! Деньги на выпивку просил, а мне еще пенсию не приносили, денег у меня не было. Он не поверил, думал я жадничаю, взял топор и отрубил мне руки. Вот и сидит теперь за это. Я его на суде простила, а они все равно посадили. Мучается теперь, бедный, голодный. Наверное, все меня в окошко высматривает. Вот и езжу к нему, подкармливаю, сыночка моего миленького,— ответила старушка и еще что-то бормоча, поспешила к выходу.